



АЛЕН де БОТТОН

Динамика  
романтизма



Динамика романтизма

АЛЕН де БОТТОН



СОФИЯ





СОЮЗ



ISBN 5-9550-0476-9



9 785955 004761

*Дикашка романсизма*

АЛЕН де БОТТОН



**АЛЕН де БОТТОН**





**АЛЕН де БОТТОН**

*Динамика  
романтизма*



«СОТИС»

2004

УДК 177.61

ББК 87

Б86

*Перевод с английского Наталии Рудницкой*

**Боттон Ален де**

**Б86 Динамика романтизма / Перев. с англ. —**

**М.: ООО Издательский дом «София», 2004. — 368 с.**

**ISBN 5-9550-0476-9**

И снова де Боттон методично исследует тему любви. Не только той, что пленяет и манит, но и той, что встает не с той ноги, спорит, обижается, хандрит и в конце концов уходит туда, откуда пришла. На этот раз в роли влюбленных выступают симпатичная уроженка Лондона и преуспевающий молодой финансист. История их психологических игр и стратегий, эмоциональных взлетов и фальстартов перемежается размышлениями о сиюминутном и вечном. Гегель, Маркс и Гераклит уживаются здесь с сушилками, магазинами, супами и капризами погоды. Однако благодаря безупречному вкусу, эрудиции и тонкой иронии де Боттону удастся превратить всю эту мешанину в блестящий литературный опус, заставляющий всерьез задуматься о том бесконечно загадочном состоянии души, которое походя именуют любовью.

УДК 177.61

ББК 87

© Alain de Botton, 1994

ISBN 5-9550-0476-9

© «София», 2004



# СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	7
РЕАЛЬНОСТЬ	14
ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ	21
ЗАВИСТЬ К СЮЖЕТУ	32
ЦИНИЗМ	39
ВЕЧЕРИНКИ	46
ПАРТЕНОГЕНЕЗ	55
ВЛЮБЛЕННОСТЬ В ЛЮБОВЬ	59
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ	65
РАЗДУМЬЯ	73
СЕКС, ШОПИНГ И РОМАН КАК ЖАНР ЛИТЕРАТУРЫ	85
ЦИКЛЫ СТИРКИ	93
СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ	104
ПОЗНАНИЕ ДРУГОГО	128
ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ	136
ПОСТОЯНСТВО ЛЮБВИ	144
ВЛАСТЬ И 007	156
РЕЛИГИОЗНОЕ ПОКЛОНЕНИЕ	162
БРЕМЯ ЭРИКА	178

ЗА ЧТО НАС ЛЮБЯТ?	184
ПУТЕШЕСТВИЕ	207
О ЧТЕНИИ	216
ВЕСЕЛИЗМ	226
ПОДВОДНОЕ ПЛАВАНИЕ, РУССО И СЛИШКОМ МНОГО МЫСЛЕЙ	238
ВЗРОСЛЕНИЕ	249
ЖЕНОНЕНАВИСТНИЧЕСТВО	253
ОТДЫХ ОТ СЕБЯ	260
ПРОВИНЦИАЛИЗМ	268
КЕМ ТЫ ПОЗВОЛИШЬ МНЕ БЫТЬ?	278
ДУША	297
УРОВНИ ИСТИНЫ	308
ВОПРОСЫ	319
ПЕРЕЛОЖИ ВИНУ	323
ЧАСТНЫЕ ЯЗЫКИ	328
ОШИБКИ ВОСПРИЯТИЯ	337
КОМУ СОВЕРШАТЬ УСИЛИЯ?	342
РОМАНТИЧЕСКИЕ ПАЗЗЛЫ	348
ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ	353
ПРИГЛАШЕНИЕ	358
МУЧЕНИЧЕСТВО	360

## ВСТУПЛЕНИЕ

Когда окружающих просили описать Алису, на уста их непременно просилось слово «мечтательница». И верно: под налетом цивилизованности и ее верного спутника — скептицизма скрывалось существо со взглядом слегка расфокусированным и мыслями, словно устремленными к иным, далеким от реального мира. Глаза у нее были светло-зеленые, с оттенком меланхолии, намекавшей на утраты и неизъяснимую тоску. Порою она, смущаясь и стыдясь самое себя, словно искала в суе повседневности что-то, что наполнило бы ее банальное существование смыслом. И, возможно, благодаря эпохе, в которой она жила, это желание воспарить над собой (если в данном случае дозволено применение термина теологического) отождествилось у нее с идеей Любви.

Хорошо представляя нелепые циклы взаимонепонимания, которые ленивые умы окрестили «взаимоотношениями», Алиса все же сохранила веру во всепоглощающую — до вульгарности — страсть. И в самые неподходящие моменты — выбирая в бакалее продукты, проглядывая в метро по дороге на работу газетные некрологи или слизывая горько-сладкий клей почтовых марок, которые следовало наклепить на конверты с коммунальными счетами, — она вдруг ловила себя на том, что мысли по-детски упрямо устремляются к союзу с Ним, ее избавителем.

Устав от собственного навыка быть циничной, устав видеть в окружающих и в себе только дурное, она мечтала ринуться в любовь, словно в омут. Жаждала ситуации, исключающей возможность выбора; хотела, чтобы не было



времени остановиться, перевести дух и спросить себя: «Да неужели мы до такой степени подходим друг другу?» Ах, пусть анализ и толкования станут излишними, пусть присутствие другого станет несомненным, пусть они оба станут неразделимыми.

К романтической концепции любви примешивается не очень приятное соображение о том, как бы не кинуться в эту самую любовь вовсе не из-за его прекрасных глаз или изощренного ума, а просто чтобы избежать вечеров в компании испитого жалобами дневника. Что может быть возмутительнее, чем страдать от недостатков партнера, вместо того чтобы ясно сознавать свои собственные? Поэтому по истечении периода изнурительных и бесплодных поисков мы заслуживаем хотя бы снисхождения, если приходим к простому решению: выплачивать закладные за дом удобнее не в одиночку, а совместно, пусть даже и с тем, чьи достоинства отнюдь не поражают наше воображение, с тем, кого считаешь всего лишь оптимальным вариантом; именно из-за этого мы находим в себе силы не обращать внимания ни на сутулую спину, ни на странные политические пристрастия, ни на визгливый смех, сберегая надежду на апгрейд — ежели объявится соответствующая кандидатура.

Однако Алисе не хотелось думать о любви так прагматично, мириться с телесными изъянами своего избранника, которые иногда приходится видеть в плавательном бассейне; не хотелось трусливо приспособливаться к неполноценной продукции общества ради низменных биологических и психологических императивов. И хотя каждодневная жизнь требовала компромиссов, хотя она знала, что разумные и половозрелые особи редко задумываются о «воспарении над собой», она также понимала, что никогда не удовлетворится

меньшим, чем слияние душ, столь цветисто воспетое поэтами и кинематографистами, обитающими в волшебном царстве прекрасного.

Она мечтала о том, чтобы наконец-то началась настоящая жизнь, чтобы с «самосозерцанием» и уродливой рефлексией было покончено, чтобы эмоции перестали вгонять ее в тоску и ненависть к себе. Присутствовали и материальные мотивы: о лице, которое бы не требовало затемненного зеркала, о жизни, которую видишь на страницах модных журналов, о залитом солнечным светом доме, о платьях, сшитых у личного портного, о натуральных шелковых блузках из элегантных бутиков и отдыхе на берегах тропических морей.

Выражаясь словами Д. Г. Лоуренса, она была из тех романтиков, что «мучаются ностальгией — по иному телу, иной стране, иному любовнику — по отзвуку того, что взрослеющий Рембо воспел как *la vie est ailleurs*\*. Но от чего эта болезнь — если дозволительно называть болезнью жажду непохожести на самое себя — происходит? Алиса была далеко не дурочкой, она углублялась в великие книги и теории и усвоила: Бог мертв\*\*, Человек (еще один анахронизм), воплощающий собою ответ на основной вопрос Жизни, также находится при последнем издыхании. Она знала, что любой мало-мальски образованный современник считает истории с благополучным концом и счастливой героиней сказочками для дур, а вовсе не Литературой. Но, наверное, благодаря тому, что она сохранила аппетит к «мыльным операм» и песенкам с припевом,

\* «Жизнь где-то там» (фр.).

\*\* Цитата из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

в котором говорилось о желании «обнять тебя, о да, и любить тебя, о бэби, я говорю: любить тебя, о бэби», она все еще ждала появления избавителя — по телефону или каким-либо иным способом.

В мире, физическая сущность которого, как она подозревала, вовсе не обязательно заслуживала названия «реальность», она возилась с клиентурой большого рекламного агентства, расположенного неподалеку от Сохо. Она трудилась там уже несколько лет, после окончания курса в провинциальном университете, и этот вид деятельности отнюдь не захватывал ее целиком.

В громадном офисе, безжалостно освещенном лампами дневного света и продуваемом кондиционированным воздухом, у нее был отсек, который она делила с коллегой из отдела финансов. В конце рабочего дня поезд подземки увозил ее в квартиру на Эрл-корт: она снимала ее вдвоем с подружкой Сьюзи. В свое время они полюбовно распределили домашние обязанности, но с недавних пор Алиса возвращалась домой в мрачном настроении. Ее товарка, жизнерадостная и практичная девушка, учившаяся на медсестру, наконец-то влюбилась. Бойфрендом Сьюзи был в высшей степени разумный молодой доктор, ненавязчиво интеллигентный, насмешливый и склонный к черному врачебному юмору.

В необъявленной, возможно даже неосознанной, иерархии женской красоты Алиса считала себя более симпатичной, наделенной не то чтобы выдающимися, но все-таки преимуществами. В прошлом ей не раз приходилось утешать Сьюзи уверениями в том, что подходящих мужиков хоть и немного, но в надлежащий срок они непременно



появляются, что толстые лодыжки — это не проблема, главное — душа и характер. В этих словах ощущалсянисходительный подтекст: так может говорить только та, чья привлекательность зиждется на более прочных основаниях, подтверждаемых обилием сообщений на автоответчике.

Но, невзирая на параметры лодыжек, теперь именно Алисе приходилось вымучивать улыбку, когда Мэтт и Сьюзи называли друг друга «Бэбэ» и «Мими», а знаками препинания в их разговорах служили утробные смешки непонятного ей происхождения.

Однажды вечером Сьюзи, стиснув ей руку, объявила: «Я всегда говорила, что, даже если встречу кого-то, ты все равно останешься самым близким мне человеком. Ты моя самая лучшая подруга на всем белом свете, и я этого никогда не забуду».

Сьюзи предпринимала доблестные попытки создать новый дизайн романтической диады, приглашая подругу в рестораны, в кино и на прогулки по набережной. И хотя эти предложения делались от чистого сердца, Алисе было все труднее принимать ее щедрость. Согласитесь, это разрушает душу — демонстрировать радость по поводу чьего-то счастья, на самом деле не испытывая подобных чувств. И Алиса предпочитала оставаться по вечерам дома, у телевизора, изображая интерес к далеким войнам. Она наблюдала за этими войнами с дивана, и на коленях ее балансировала тарелка с цыпленком или с бледной рыбой из микроволновки.

Она больше не желала ни с кем встречаться, точнее, отсутствие Его — единственного — делало присутствие других ненужным. У нее было множество знакомых, проходивших под кодовым наименованием «друзья», ее записная

книжка была переполнена, потому что она умела говорить с людьми о них самих, проявляла интерес к их существованию, помнила их истории и тем самым искусно удовлетворяла их потребность в признании. И если ей больше не хотелось поддерживать контакты, то только потому, что и в компании друзей ее не оставляло чувство потерянности. Даже в дружеской пирушке она не могла избавиться от одиночества, спасти ее мог только интерес к ней другого человеческого существа, причем интерес куда большего накала, чем случайный одобрительный взгляд какого-то прохожего. Она могла бы согласиться с Прустом, в отличие от Аристотеля заключившим, что дружба — одна из форм трусости, бегство от высокой ответственности и зова любви.

Жалость к себе поднимает голову, когда посмотришь на себя беспристрастно, сочувствуя увиденному; при этом возникает ощущение, которое можно выразить словами: «Если бы это был кто-то, кого я не знаю, мне было бы его до смерти жалко!» Ты словно бы попадаешь в плен к собственным проблемам, печалишься по поводу собственного нытья. Уничижительное звучание этого слова предполагает склонность к переоценке трудностей, чувство сожаления, не подкрепленное достойными мотивами. Нытики мнят себя трагическими фигурами даже в ходе самых заурядных любовных историй, а стоит им слегка простудиться, как они кутаются в шарфы, окружают себя лекарствами и сморкаются с такой силой, словно у них настоящий грипп.

Вообще-то по характеру Алиса была не из таких, да у нее и времени на нытье не было. Тем не менее в последние несколько недель она то и дело боролась с всепоглощающим желанием нарыдаться всласть. Это настроение находило на нее в самых неподходящих ситуациях, например,

во время ленча с коллегами или на пятничном совещании по продажам. Она вдруг чувствовала, как набухают веки, и крепко-накрепко сжимала их, чтобы удержать непрошенные слезы, тем самым все-таки выдавливая каплю солоноватой жидкости, жемчужиной скатывавшуюся по щеке.

«Дорогая, с вами все в порядке?» — спросила добрая аптекарша, возвращая сдачу за лекарство — Алиса забежала за ним во время обеденного перерыва.

«Да, конечно, все отлично», — ответила Алиса и захлопнула кошелек, расстроенная тем, насколько ее душевное страдание бросается в глаза.

«Вы уж поберегите себя», — с теплой улыбкой напутствовала ее аптекарша.

Ничем разумным объяснить себе это отчаяние Алиса не могла. Она всегда полагала, что счастье — это скорее отсутствие страдания, а не присутствие радости. Почему же она, молодая здоровая женщина, у которой есть приличная работа и крыша над головой, регулярно и совершенно по-детски хлопает носом?

Она могла пожаловаться лишь на чувство удручающей ненужности другим человеческим существам, ощущение себя чем-то совершенно не значимым ни для самой планеты, ни для телодвижений ее обитателей.

И за всеми этими слезами маячило печальное подозрение, что если она однажды соскользнет за краешек нашего шарика, никто ее отсутствия и не заметит — ну, может, минуточку погрустит, не больше.

## РЕАЛЬНОСТЬ

Как-то в начале марта Алиса приняла приглашение старшей сестры Джейн провести у них выходные. Джейн жила с мужем в знавшем иные времена квартале в самом центре города. По образованию она была юристом, а сейчас руководила общественным центром для женщин, подвергающихся домашнему насилию. Время от времени она намекала, что эта работа имеет большую значимость, чем маркетинг шампуней и моющих средств.

В соответствии с внутренней структурой их взаимоотношений, Алисе отводилась роль легкомысленной, эгоистичной младшей сестрички, а Джейн — благородной и доблестной старшей сестры, которая героически презрела комфорт во имя помощи сирым и убогим.

В субботу, сразу после полудня, сестры отправились на прогулку в ближайший парк. Накрапывал дождик, и от этого окружающая действительность казалась еще мрачнее.

— Ты чудесно выглядишь, — заметила Джейн, открывая ворота.

— Правда? — удивилась Алиса. — Спасибо. Не могу сказать, чтобы у меня все было расчудесно.

— Да? А в чем дело?

— Понятия не имею. Ничего серьезного, — ответила Алиса, смущенная тем, как сестра может отреагировать на бушевавшую ее сумятицу эмоций.

— Нет, расскажи. Я слушаю.

— Ой, да все так глупо! Просто сейчас я себя не очень хорошо чувствую.

— А к врачу ты ходила?

- Дело не в здоровье...
- Тогда в чем?
- Просто настроение скверное.
- Продолжай...

— Понимаешь, я ужасно устала, не физически, а эмоционально. Я встречаюсь с людьми, общаюсь с ними, делаю какие-то объективно интересные вещи, но меня почему-то ничего не трогает.

- Что ты имеешь в виду?

— Такое впечатление, что между мною и миром возник плотный занавес, который не позволяет мне воспринимать все так, как надо бы. Например, на днях я увидела в магазине цветы, это были нарциссы... Я люблю цветы, но тут устала на них, будто это какие-то чужеродные объекты. Ой, что я говорю... Наверное, неудачный пример, но у меня такое ощущение, что все вокруг какое-то нереальное, если ты понимаешь, о чем я...

Последовала пауза, и Джейн ответила:

— А вот я бы хотела чувствовать окружающее менее реальным. Городской совет снова собирается урезать финансирование. Дай им волю, эти ублюдки совсем бы нас прикрыли. Когда столько работы! Мне сейчас приходится разбираться с женщиной, которой муж отпилил четыре пальца. Пилой. А вчера социальные службы направили к нам женщину из Бангладеш, она ни слова по-английски не знает. Муж у нее умер, и она осталась одна с тремя крошками. Еще есть Сьюзан, ей тринадцать лет, отец изнасиловал ее, и его только что упекли за решетку.

- Ужас какой!

— Иногда я тебе даже завидую, — вздохнула Джейн. — У меня на этой неделе реальности было просто под завязку.

\* \* \*

История философии наглядно показывает, что искушение разделить мир на две части — на реальную и менее реальную — существовало всегда.

Рассуждая логически, баталии по этому поводу абсурдны. Уж коли на то пошло, все, что существует, — реально, однако сам процесс дискуссии интересен с точки зрения этики, а не гносеологии. И то, что признается реальным, признается и имеющим смысл.

Наблюдая несопоставимость всего сущего (дети рождаются, листва опадает, лягушки откладывают икру, вулканы извергаются, политики врут), философы снабжают нас бесконечным количеством несовместимых идей и теорий — выбирай на вкус. По Фалесу, реальность следовало искать в воде как самой первичной и неодолимой из стихий. А вот по Гераклиту, в основе реальности был огонь. Платон считал вместилищем реальности человеческий разум, святой Августин видел ее в Боге, Гоббс — в движении, Гегель — в прогрессе духа, Шопенгауэр — в свободной воле, мадам Бовари — в любви, Маркс — в борьбе пролетариата за свое освобождение...

Все эти мыслители, естественно, понимали, что в игре задействованы и другие мотивы, просто каждый из них считал свою идею балансиром в сложном механизме человеческой истории.

Однако... Разве имя мадам Бовари не выглядит в этом списке странным? Она, конечно, не философ, но ведь и для нее мир делился надвое! Как и для святого Августина. Только демаркационной линией ей служила Любовь к Мужчине, а не к Богу.

Два мира: в одном блистательные балы, дорогая писчая бумага кремового цвета и многозначительные взгляды, в другом — обыденность, тупая деревенщина, скука домашнего очага и храпящий на супружеском ложе муж.

### *Таблица реальности*

Философ	Время	Составляющая реальности
Фалес	636 — 546 до н. э.	Вода
Гераклит	535 — 475 до н. э.	Огонь
Платон	427 — 347 до н. э.	Разум
Св. Августин	354 — 430	Любовь к Богу
Гоббс	1588 — 1679	Движение
Гегель	1770 — 1831	Прогресс духа
Шопенгауэр	1788 — 1860	Воля
Мадам Бовари	1840-е — 1850-е	Любовь к Мужчине
Маркс	1818 — 1883	Борьба пролетариата

Алиса была без всяких оговорок согласна с представлением о реальности по Бовари. И для нее апофеозом существования была близость двух существ, и она готова была презреть все прочие завоевания цивилизации, как-то: таймеры для яиц, небоскребы, тесты на беременность, — и объявить: я живу только когда люблю. Понятно, что такое определение жизни весьма далеко от определения медицинского — всякий там кислородный обмен, активность мозга и т. п. Для нее жизнь означала существование кого-то, с кем можно вместе принимать ванну, к кому можно прижаться после окончания акта любви и лепетать на инфантильном любовном языке.

Трудно сказать, когда возник этот ее предрассудок. Еще подростком она ощущала вопиющую неполноту существования, которую не могли восполнить ни друзья, ни близкие. Временное облегчение давали только кинофильмы или лирическая музыка.

Шло время, и ее убеждений не могла поколебать даже заурядность мужчин, которых она допускала в свою спальню. И сейчас, слушая рассказы сестры о женщинах, которым полоумные мужья отпиливают пальцы, она не могла заставить себя признать такой мир реальным. Конечно, потеря четырех пальцев — серьезная проблема, даже трагедия (и не только в Древней Греции). Но она была готова с пеной у рта отстаивать мысль о том, что эти пальцы, как бы необходимы они ни были человеку, не могут считаться краеугольными камнями реальности.

Джейн, естественно, презирала подобные взгляды. Для нее вопросом вопросов была не жалкая мембрана между собой и вазой с цветами, не влюбленность или отсутствие оной, а жизнь и смерть, крыша над головой и бродяжничество, увечье и здоровье. Поскольку эти вопросы напрямую зависели от денег, получалось, что жизнь в лондонском Ист-энде была более реальной, чем в Вест-энде, а уличные гаражи, возле которых околачивались банды прыщавых подростков, были более реальными, чем гаражи корпоративные, в которых очкастые господа любовно протирали хромированные диски дорогих автомобилей.

Поскольку вечером планировался семейный ужин, сестры по дороге домой зашли в супермаркет. Джейн с усилием проталкивала тележку сквозь толпу субботних покупателей.



— Я собираюсь сегодня приготовить тушеное мясо и картофельное пюре, — сказала Джейн. — Как тебе?

— Что-что? — рассеянно переспросила Алиса.

— Неважно. Постой здесь, я на секундочку сбегаю в отдел деликатесов.

Сквозь витринное стекло Алиса смотрела на парочку на автобусной остановке. Он был высок, одет в толстое шерстяное пальто, которое он расстегнул и завернул в него свою возлюбленную. Вокруг них клубился туман их дыхания; завернутые в одно пальто, они казались коконом, который надежно защищал их от пронизывающего Хай-стрит холодного ветра. Он наклонился и поцеловал ее в шею, она нежно взъерошила его короткие темные волосы, и Алиса тихонечко вздохнула: о, как бы ей хотелось, чтобы на продуваемых арктическими ветрами автобусных остановках кто-нибудь заворачивал ее в толстое шерстяное пальто и целовал в шею.

Вечером, после тушеного мяса, пюре и изрядного количества красного вина, дискуссия о двойственном характере реальности продолжилась.

— Я тебя не понимаю, просто не понимаю, — заявила Джейн. — Ради кого ты себя бережешь? Ради Мессии? Вопросы всегда остаются, не так ли? Он всегда либо слишком умен, либо слишком глуп, либо слишком хорош собою, либо недостаточно хорош, чрезмерно страстен или любит похныкать. Почему ты никак не научишься принимать людей такими, какие они есть, пусть даже с изъянами, и не сосредоточишься на том, что на самом деле важно?

— Хотелось бы знать, дорогая, что же на самом деле важно, — произнес Джон, муж Джейн. Он откинулся на спинку стула и закурил сигарету.

— Перестань, Джон, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду! Я имею в виду, вот мы с тобой — мы нравимся друг другу, мы любим друг друга, но это не та любовь, о которой грезит Алиса, с большой буквы «Л», со скрипками и шоколадом.

— Еще пара минут, и мы превратимся в карикатуру на самих себя. Как я могу делиться своими мыслями с человеком, который вонзает нож всюду куда может?

— Ну конечно, я — семейный Отелло, закалываю бедных невинных...

— Не будь такой самоуверенной! — воскликнула Алиса.

— Успокойся, дорогая.

— Я вполне спокойна, спасибо. Но меня просто тошнит от твоего осуждения всех моих поступков.

— Ты теряешь спокойствие.

— Вполне возможно!

— И напрасно, потому что я не сказала ничего особенно обидного, — резюмировала Джейн. — Я просто отметила совершенно очевидную вещь: взаимоотношения могут быть прекрасными и при этом выглядеть не так, как ты это себе представляешь. На самом деле это тяжелая работа: приходится менять пленки, думать о том, как свести концы с концами, ладить друг с другом, даже когда оба устали и раздражены. В этом нет никакой магии. Но если хочешь, продолжай мечтать о жизни, подобной экранным поцелуям в голливудских фильмах...

## ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

На следующий день по дороге домой Алиса вернулась к мыслям о поцелуях, а именно, она задалась вопросом: что означают поцелуи для ее сестры и Джона?

Насколько она могла судить, предавались они этому занятию нечасто. Она почти не видела, чтобы они обменивались знаками физической близости — даже до рождения ребенка, даже до свадьбы. Несколько лет назад, когда они с сестрой уезжали на месяц в Америку, Джон поцеловал Джейн в губы у стойки паспортного контроля аэропорта Хитроу. Но этот поцелуй мало походил на отчаянный поцелуй влюбленного, расстававшегося с возлюбленной на долгий-долгий срок: он поцеловал ее так, как, по его мнению, мужчина должен целовать женщину, уезжавшую со своей сестрой в отпуск в Америку. Значит, нечего удивляться, что Джейн столь презрительно отзывается о голливудских поцелуях, полагая, будто поцелуи, воспетые в произведениях искусства, не имеют ничего общего с действительностью. Ибо те, что достались ей в жизни, никоим образом не были связаны с глубинными потоками эмоций, которые она, может, даже и испытывала.

Алиса же, в свою очередь, была убеждена, что хороший поцелуй может сравниться и даже соперничать с полноценным актом любви, если губы принадлежат партнеру умелому. Алисе нравилось, когда мужчина не торопится, когда он использует все оттенки. Хороший поцелуй требует такого же навыка, какой необходим скрипачу или пианисту; при хорошем поцелуе задействованы все мышцы натренированного рта, и, как музыкант, сроднившийся со своим

инструментом, ощущающий ритм и темп, опытный партнер знает, когда усилить нажим, а когда применить касание легкое и дразнящее, когда приоткрыть рот, а когда увеличить дистанцию. Хороший партнер владеет техникой контроля за слюноотделением и правильным дыханием, знает, как можно изменить положение головы, чтобы в поцелуе участвовало все лицо, а также координирует то, что рот окружает, соответствующим образом поглаживая кончиками пальцев уши, затылок, виски и брови.

Но как редко попадались ей на жизненном пути хорошие поцелуи! Ранние — что вполне очевидно, — были просто катастрофичными, — либо слюнявыми, либо подростковому нервными, — но даже с опытом она поняла, что мужчины, вкладывающие всего себя в поцелуй, встречаются нечасто. В большинстве случаев мужчины видели в поцелуях лишь прелюдию к тому, чтобы ее раздеть, обязательный ритуал вежливости, помогающий достижению более солидных целей, и стоило им очутиться в постели, их мысли и чаяния воплощались вовсе не в поцелуях.

А потом ей вдруг пришло в голову объяснение, почему Джейн взирала на голливудские объятия свысока: это предполагало различие между двумя видами поцелуев.

1. Поцелуи из *настоящей жизни*, подобные тому, который она наблюдала возле стойки паспортного контроля в Хитроу.
2. *Поддельные, «художественные»* поцелуи, демонстрирующие искусственную чувственность, известные, в основном, по голливудским фильмам, романам и произведениям живописи.

Но размышляя на сей предмет в несущем ее домой вагоне подземки, Алиса пришла к выводу, что если бы ей

представилась возможность выбирать между поцелуями, которыми обмениваются Джейн и Джон, и теми, которые она видела на экране, она бы именно последние назвала более правдивыми, более жизненными, хотя и реже применимыми на практике.

В привычных дебатах между Искусством и Жизнью большое место всегда отводилось вопросам эстетики. И в зависимости от жизненной позиции предпочитают либо «жизненные» поцелуи, либо поцелуи «художественные». Если человек, подобно Джейн, следовал взглядам Платона, его отношение определялось Жизнью.

Ведь Платон был убежден, что искусство обречено стремиться — почти всегда тщетно — отображать жизнь. Поэтому художник в идеальном обществе — некий паразитический элемент, он всего лишь пытается воспроизвести то, что уже существует в действительности и вовсе не нуждается в репродуцировании — хоть самим Роденом, хоть Климтом. Ну какой смысл рисовать кровать, если кроватей и так полным полно? И какой смысл снимать на киноплёнку поцелуи, когда кругом только и делают, что целуются да обнимаются?

Вот Оскар Уайльд — он-то призывал к различию. По его легендарному, нынче ставшему чем-то вроде клише, афоризму, не искусство имитирует жизнь, но жизнь имитирует искусство. И что этот чудаки имел в виду? А то, что искусство имеет преимущества перед жизнью, что те поцелуи, которые получаешь от трехмерного любовника, — всего лишь бедные родственники тех, которые видишь на плоском экране. Романтическая эстетика Уайльда выносила суровый приговор мужчинам типа Тони, с которым Алиса целовалась на рождественской вечеринке у себя в конторе.

Дыхание Тони отдавало луковым супом, и он не целовался, а лизался — как пес, с энтузиазмом приветствующий вернувшегося после долгой отлучки хозяина.

Итак, воскресным вечером в начале седьмого Алиса вернулась от сестры. В квартире не горел ни один светильник, дверь в комнату Сьюзи была распахнута, демонстрируя нетронутую постель. Алиса прошла в свою комнату, плюхнула сумку на стул и, свернувшись калачиком под пуховым одеялом, уставилась в незашторенное окно. В одном из окон в доме напротив она разглядела женщину — натянув оранжевые резиновые перчатки, та отскребала на кухне противень, этажом выше мужчина читал газету, за спиной его светился телеэкран, а над крышей, над хаосом печных труб и телевизионных антенн на фоне полной луны проносились облака.

Из забытья ее вывел резкий телефонный звонок, но пока она добежала до аппарата в прихожей, телефон умолк. Она с минуту постояла в узком коридоре, подперев одной ногой стену и бездумно уставившись на электрическую лампочку над входной дверью. Она не могла понять, чего ей хочется — то ли есть, то ли спать, то ли с кем-нибудь пообщаться, то ли побыть в одиночестве, то ли почитать, то ли посмотреть телевизор. Потом она медленно поднялась по лестнице, рассеянно теребя заусенец на указательном пальце. На кухне ее ждала записка: Сьюзи не вернется до понедельника, в холодильнике есть немного лазаньи и салат, хорошо ли она провела выходные?

Лазанья явно залежалась, салат еще пару дней назад утратил товарный вид. Может, суп разогреть? Из ящика возле мойки она достала консервный ключ, из кладовки — банку супа, подогрела, вылила в толстую фаянсовую тарелку.

Сочетание красного томатного супа с зелеными цветочками на ободке тарелки показалось ей неприятным. Однако она ела этот суп и проглядывала субботние газеты, стопкой сложенные на кухонном столе.

До чего же одинокой она себя почувствовала, сидя вот так в кухне и прихлебывая томатный суп; и нет никого, кто бы смягчил ужасную тривиальность этого занятия, никого, кто бы придал процессу какой-то смысл и значение. Одинокий ужин, остывший суп... Наверное, именно поэтому Алису так впечатлила недавняя выставка поп-художников, в особенности работы Энди Уорхола. Вот так искусство вновь вторглось в жизнь.

Уорхол взял ничем не примечательную банку с супом и произвел чудодейственные манипуляции, в результате чего искусство не просто по-платоновски симитировало объект, но совершенно по-уайльдовски вдохнуло в него жизнь. В банках супа «Кэмпбелл» всегда было что-то депрессивное, но эта депрессивность куда-то исчезала, стоило подумывать о том, что ты не одна смотришь на эти банки, что некто позаботился возвести их в ранг ценных объектов, что они теперь висят на музейных стенах и обрели статус икон.

Многие десятилетия серьезные искусствоведы с презрением смотрели на «обыденные объекты», считали их не стоящими увековечивания, но теперь и они были вынуждены пристально взглянуть на все эти банки и гамбургеры, фены и губную помаду, головки душей и выключатели — потому что теперь этими предметами заинтересовались художники. Художественные критики всегда были склонны к коллаборационизму, и они включили прежде презируемые объекты в сферу эстетики, наряду с Мадоннами, Венерами и Распятými Христами.

Рамочка, в которую заключили ординарность, не позволила привычно пренебрегать формами, размерами и ассоциациями, предполагая, что

Здесь происходит нечто необычное

Сирил Конноли определял журналистику как то, что прочитывается всего лишь раз, а литературу — как то, к чему обращаются неоднократно. Если воспользоваться этим определением, то банки супа «Кэмпбелл» были *журналистикой* (одноразовыми вместилищами жидкой субстанции), но когда Уорхол поместил их в рамку, они поднялись до уровня *литературы* (того, что повешено на стену для многократного разглядывания).



Так почему бы не провести аналогию между тем, что Уорхол сотворил своей кистью, и тем, что может сделать влюбленный человек, воспев дотоле непримечательные веснушки на носу или руках объекта любви? Разве художник, указывающий на эстетические достоинства банки супа или



коробки моющего средства «Брилло», чем-то отличается от влюбленного с его лепетом: «Ах, я никогда и ни у кого не видел таких восхитительных запястий (родинок, ресниц, ногтей на пальцах ног), как у тебя»?

Благоговение перед подобными деталями может показаться смешным, как кажется смешной банка супа, помещенная на стену, но как только мы признаем, что эти детали достойны восхищения, поскольку неотъемлемы от восхитительного целого — например, объекта любви, — это благоговение становится совершенно оправданным. Как только что-то становится *частью* чего-то большего, оно приобретает самостоятельное и отнюдь не банальное значение.

И поглощая свой одинокий суп, Алиса мечтала о дне, когда кто-то полюбит ее так сильно, что все в ней, даже самое малое, все моменты ее отнюдь не экстраординарной жизни приобретут самостоятельную ценность — при этом ей совсем не обязательно будет совершить полет на Луну или стать президентом. Просто потому, что кто-то ее полюбит, кто-то скажет: «Как прелестно ты...», и она ответит тем же. Тогда воскресный вечер, проведенный за чтением газет и супом, уже не будет столь печальным, поскольку кто-то (совсем не обязательно Уорхол) разделит с ней и газеты, и суп.

«Господи, какая я дура!» — этими словами Алиса прервала собственный поток сознания.

Она решительно отодвинула газеты, вымыла холодной водой тарелку.

«Самовлюбленная идиотка, совсем спятила!»

Алиса пришла к выводу, что больше не в состоянии находиться в замкнутом пространстве квартиры и что лучше сходить в кино. В опубликованном в газете репертуаре

кинотеатров она обнаружила, что в «Ренуаре» идет фильм Жана-Люка Годара «На последнем дыхании». Она натянула другой свитер и выскочила на улицу, чтобы схватить такси до Брансуик-сквер.

Публика состояла из модно одетых парочек, и, покупая билет, Алиса вдруг ощутила первобытный страх перед походом в кино в одиночку.

«А мне какая разница, если кто-то что-то об этом подумает?» — спросила она самое себя, и поняла, что подобные внутренние монологи имеют несколько параноидальный оттенок.

Она купила кусок морковного пирога и нашла место возле прохода в середине зала. Свет начал гаснуть, и постепенно она забыла о себе, освободилась от телесной оболочки, которая так страшилась чужих взглядов. Она превратилась в Джин Сиберг, и это она стояла на Елисейских полях с «Геральд трибюн» в руках, она превратилась в Бельмондо в офисе «Американ экспресс», это она мчалась ночью по Сен-Жермен, и это она слушала концерт Моцарта для кларнета и знала, что скоро умрет.

Она плакала, смеялась, она восхищалась Джин Сиберг и обожала Бельмондо. И когда на экране появились заключительные титры, она почувствовала, как безнадежно тает мир, ставший ее собственным миром, мир, в котором она испытывала эмоции невероятной силы и яркости.

Парочка — оба в очках, оба одеты в черное, — встала со своих мест и принялась шуршать плащами.

— Добротная стилизация под итальянский неореализм, — изрек он.

— Ты так считаешь? На мой взгляд, это помесь Джона Форда с Сартром, — ответила она.

Алиса оставалась на месте, пока не появилось название компании-дистрибьютора: она как бы надеялась оттянуть момент возвращения в жизнь.

Денег на такси у нее не осталось, и она решила дойти до автобусной остановки в начале Чаринг Кросс-роуд. Оранжевые уличные фонари отражались в мокром асфальте, пахло едой, приготовленной на оливковом масле. И ее, как всегда, потянуло в Париж.

До того, как поступить в университет, она прожила там целый год. Она впервые жила вне дома, и результатом этого опыта стало романтическое представление о городе, характерное для тех, для кого этот город — чужой, кто живет там не потому, что просто там живет. В Париже она чувствовала себя свободной и уверенной, обзавелась друзьями и воздыхателями, которые засыпали ее цветами и объяснениями в любви.

Она работала «помощницей на все руки» в туристическом агентстве на Монпарнасе, и поскольку ей полагалось два свободных вечера в неделю, она сумела вооружиться изрядным знанием современного французского кинематографа. С тех пор Париж у нее всегда ассоциировался с кино, — еще и потому, что многие фильмы снимались на его улицах и бульварах.

Идя по Тоттенхэм Корт-роуд, она вдруг почувствовала острую ненависть к Лондону: до чего же редко его снимали в кино! И если она предпочитала Лондону Париж, то вовсе не потому, что ее жизнь в столице Великобритании была вполне обыденной (в конце концов, жалкое существование можно влачить и в Париже, и в Лондоне), а потому, что художники и кинематографисты не уделяли этому городу достаточного внимания. Когда она смотрела на

парижские улицы, она видела не просто каменную кладку, а каменную кладку, увиденную и показанную Мане и Дега, Тулуз-Лотреком и Пикассо, Трюффо и Годаром.

Поэтому улицы Парижа обрели *эстетику*, то, чего были лишены лондонские улицы; художники наделили их особой аурой. Что же касается Лондона, то его эстетика — как казалось Алисе — была порождена мрачными сериалами по произведениям Диккенса (производства Би-Би-Си) и сувенирными кадрами из ранних фильмов о Джеймсе Бонде (Уистлер и Моне ей почему-то на память не приходили).

Лондон был обделен артистическим видением и потому не мог сравниться с городами, воспетыми кистью, карандашом или кинокамерой. Ему недоставало ауры Рима, Нью-Йорка или Праги, того ощущения прекрасного, которое возникает, когда смотришь на что-то, увиденное до тебя чужими глазами, когда твое восприятие проходит сквозь фильтр чужого восприятия. Алиса думала о великих кинематографистах, ломающих одиночество современных метрополий, создавая обобщенный образ пугающе аморфного и анонимного населения.

Она дошла до остановки, тут как раз и автобус подошел, и она села на сиденье рядом с кондуктором.

— Холодный вечерок, не правда ли? — кондуктор был не прочь поболтать.

— Да, — коротко ответила Алиса.

Всего минуту назад она размышляла о том, что кинематографистам удастся преодолевать одиночество городов, однако болтать с кондуктором ей совсем не хотелось. В социальном плане она вовсе не была снобом — она была снобом в плане эстетическом. Ей нравились кондукторы в кино, но их грубая обыкновенность — когда они вторгались

в мечты, которым она предавалась в транспорте, — ее отвращала.

Это натолкнуло ее на горестные мысли о том, что в ней самой эстетика отсутствует. Джин Сибберг играла самую обыкновенную американскую девушку в Париже, однако все в ее жизни казалось поэтическим, а в жизни Алисы все удручало банальностью. Обыкновенной была она, обыкновенными были ее друзья, ее родители, ее работа, ее квартира, ее город, автобус, кондуктор... Но что она понимала под этим словом? Что ничто в ее жизни не было связано ни с чем значимым, ни с каким великим делом или сюжетом.

Живи она в другие времена, Господь как-нибудь разрешил бы этот вопрос. Он взирал бы с небес, и под его небесным взором убогость бытия возвысилась бы над собою, потому что тогда обыденное было бы связано с живописной историей битвы добра и зла. И хотя верующие пребывали в Граде Земном, их деяния неминуемо имели отношение к тому, что происходило на Небесах. Бог видел все, и даже путешествие сквозь туманную, дождливую лондонскую ночь было бы освящено его присутствием и оттого стало бы вполне переносимым.

Но Алиса в Бога не верила и за помощью обращалась к искусству и любви. Как хороший фильм позволял ей спастись от чувства обособленности, потому что она думала: «Я не одна испытывала эти ощущения, видела эту улицу, сидела в этом кафе...», так и — она надеялась — любовь позволила бы ей прошептать: «И ты тоже это почувствовал? Как замечательно! Именно об этом я подумала, когда...», почувствовать нежное сродство своей души другой душе.

Если в выходные Алиса просыпалась рано, она отправлялась на своем «фольксвагене» за свежими булочками. В следующую субботу она вскочила в начале девятого и решила удивить Сьюзи и Мэтта завтраком.

Она припарковалась на Хай-стрит, купила еще теплые круассаны и занесла вещи в химчистку. Вернувшись к машине, заметила за «дворником» конверт. Заметив с облегчением, что это не штраф за неправильную парковку, она сунула конверт в хозяйственную сумку и завела мотор.

Влюбленные все еще спали, поэтому она прошла в кухню, сварила себе кофе и включила радио. Про конверт вспомнила уже после программы новостей.

«Милая Незнакомка!

Простите мне такое обращение, но вот уже несколько недель я с трудом удерживал себя от того, чтобы Вам написать. Я вижу, как вы входите в булочную, и теряю дар речи. Ваша улыбка неотразима, и я спрашиваю себя, когда обрету смелость с Вами заговорить? Я ничего о Вас не знаю, кроме того, что у вас симпатичная красная машина и чудесная улыбка. Не думайте, что я простой продавец. На самом деле я композитор, музыка — моя великая любовь. Если вы не против, я мог бы когда-нибудь приготовить Вам ужин, возможно, всего лишь с помощью микроволновки, и — совершенно определенно — вегетарианский. Надеюсь вскоре увидеть Вас вновь — пусть даже в роли покупательницы. Без Ваших визитов и Вашей улыбки мне все представляется зыбким (честное слово, рифма получилась случайно)».

О Господи! Алиса вспомнила прыщавого юного продавца — она обратила на него внимание только потому, что вел он себя как-то уж слишком бестолково.

— И от кого наша счастливица получила письмецо?

— Привет, Сьюзи. Как ты?

— Отлично, дорогая. А ты? — Сьюзи чмокнула Алису в щечку.

— Да вот письмо получила, весьма странное.

— Странное письмо? — из спальни, изобразив крайнюю озабоченность, выплыл Мэтт. — Ну кто ж читает странные письма, да еще по утрам, правда, Сьюзи?

— Мэтт, прекрати... И от кого?

— Ой! Она принесла круассаны! — Увидев пакет с булками, Мэтт оживился. — Алиса, ты чудо! Только посмотри! Каждому по круассану и джем в придачу!

— Мэтт, помолчи! Дай Алисе хоть слово сказать.

— Да о чем говорить? Ну, что-то вроде любовной записки...

— «Вроде любовной записки!» — передразнил Мэтт. — И еще таким пресыщенным тоном...

— От продавца из булочной.

— От продавца из булочной? — Сьюзи не верила своим ушам.

— Ну да, от парня, который продает булки. Он написал мне любовное письмо. Сказал, что ему нравится моя улыбка, и пригласил на вегетарианский ужин.

— Что ж, это очень приятно, — сказала Сьюзи, предпочитавшая видеть во всем светлые стороны.

— Лично я против вегетарианства, — заметил Мэтт. — Одно время я сам увлекался всеми этими котлетками из орехов, но, извините, диета должна быть сбалансированной.

И вообще, булочник-вегетарианец, влюбленный в твою улыбку, — согласишься, звучит сомнительно.

— Он какой-то странный, — сказала Алиса. — И как он посмел написать мне все это?

— Да перестань! — пискнула Сьюзи. — Печь хлеб — это благородное занятие. Я лично знала одного пекаря, он делал такой особенный рулет!

— Что-что там насчет рулета? — заинтересовался Мэтт.

— Во всяком случае, симпатии булочника мне совершенно не интересны, — и Алиса бросила письмо в мусорное ведро. — Давайте завтракать.

При более оптимистичном взгляде на действительность и некотором воображении это послание, точнее, сюжетец мог бы развиваться во что-то пригодное для дамского романа (из тех, которыми торгуют в аэропортовых киосках). Юный булочник влюбляется в женщину постарше, занимающую более высокое положение в обществе. Дорога к счастью предстоит довольно ухабистая, им придется преодолевать классовые и возрастные различия, ее друзья и близкие настроены против. Папенька пытается булочника застрелить, а его маменька, одержимая эдиповым комплексом, отказывается гладить парадную булочникову рубашку, в которой он вознамерился идти с возлюбленной на важный для него ужин в дорогом ресторане (в Вест-энде, естественно). Он вегетарианец, она любит бифштекс по-татарски, он слушает индийские мотивы, исполняемые на экзотических струнных инструментах, она предпочитает Моцарта. Но сила страсти (тут есть возможность вывалить слившихся в экстазе любовников в муке) помогает им все превозмочь и где-то на стр. 350 отправиться под венец.



Но вместо всего этого письмо упокоилось на дне помойного ведра, хотя Сьюзи продолжала упорствовать, утверждая, что иногда самые счастливые пары складываются из самых, на первый взгляд, неподходящих людей. И в качестве аргумента приводила их с Мэттом: по ее версии, он — при первой встрече в университетском госпитале — совершенно ей не понравился. Мэтт данное утверждение оспорил, напомнив, что она тогда покраснела и растерялась до такой степени, что врубилась в турникет.

Что касается Алисы, то в ее сюжетах гармония отсутствовала. И ее желания неминуемо вступали в конфликт с желаниями противной стороны.

В январе Тони — тот самый, ответственный за рождественский поцелуй коллеги — пригласил ее на ужин и, как следствие, на уикенд в Торки. Алиса поблагодарила за приглашение, сообщила Тони, что ей очень нравится его общество, но пресекла все дальнейшие поползновения хорошо отрепетированной речью о том, что они могут быть исключительно добрыми друзьями. В это же самое время она положила глаз на парня, обслуживавшего офисные ксероксы и принтеры. Результатом чего стали частые звонки в отдел обслуживания по поводу особо капризного картриджа. Через некоторое время красавчик-механик Саймон эдак ненароком сообщил ей, что вечером они с другом Томом устраивают торжественный ужин — отмечают двухлетний юбилей совместной жизни. После чего картридж угомонился.

Алису, конечно же, восхищали великие истории любви, их завидная неизбежность, непреложность. Она не была до такой степени наивной, чтобы считать, будто истории эти привлекательны именно счастливым концом — нет,

ей импонировала их внутренняя логика. Каждый эпизод имел свой смысл, даже скучные эпизоды говорили о своем — в данном случае, о скуке. Аристотель видел отличие трагедии от того, что просто наводит ужас, именно в фабуле, сюжете. В мастерской интерпретации все, даже самые незначительные штрихи обретают смысл, в то время как в той же истории, рассказанной идиотом, весь шум и вся ярость\* пропадают втуне.

Героини великих романов были наделены ревнивыми мужьями, таинственными любовниками и труднодоступными географическими координатами. Перед ними вырастали преграды столь непреодолимые, что их жизнь становилась интересной — но отнюдь не безнадежной. Ружье, упомянутое в первом акте, неминуемо стреляло в четвертом — какими бы ухищрениями ни достигалась эта задача.

Поскольку Алиса собиралась мирно продрейфовать сквозь еще один месяц из ее двадцати с небольшим годков, возникла необходимость четко выделить два типа времени:

⌚ **Значимое время**, в котором развивается сюжет, которое обнажает характеры и последовательно отмечается словосочетаниями вроде «исходя из чего», «для того чтобы» и «потому что».

⌚ **Обычное время**: простое передвижение стрелок часов по циферблату, хронологическое развитие, лишенное классического сюжета, который строился бы по следующей железной модели:

Потребность/желание —> конфликт —> решение.

\* Отсылка к роману У. Фолкнера «Шум и ярость». — *Прим. ред.*

Нужды и желания Алисы могли, в лучшем случае, лечь в основу сюжета бесконечной нудной саги, в котором события происходят сами по себе, без всяких на то причин, желания никогда не ведут к конфликтам, конфликты лишены страстей, решения похожи на бактерицидный пластырь, которым временно заклеивают раны, и вся эта бодяга тянется и тянется годами, а самые яркие моменты таких саг — рекламные паузы.

Основные сюжетные линии ее личной истории были почти лишены свободы самовыражения. Она любила своего отца, но отношения с ним никогда не отличались особой близостью — он был очень занятым человеком, управляющим международной сетью универсальных магазинов, и с детьми взаимопонимания не достиг. Матушка была женщиною утонченной; в кругах, в которых она вращалась, ее находили весьма обаятельной, хотя сама Алиса считала ее испорченной и инфантильной, но поскольку Алиса была склонна прощать людям их слабости, она ее слегка жалела. Родители были настолько заняты самими собою и своими делами, что Алиса выросла в убеждении, что уж ее-то проблемы не интересны никому. И благодаря такому историческому развитию она попала не в славную команду тех, кто открыто выражает свои эмоции, а в лагерь тех, кто предается одиноким самоугрызениям. И ее внутренняя жизнь — в отличие от внешней — была преисполнена драматизма.

Возможно, именно поэтому ее так очаровала история о нити Ариадны, древнегреческий миф о Тезее, попавшем на остров Крит, где жестокий Минотавр обрек его на смерть в лабиринте. Однако незадолго до этого Тезей попался на глаза пылкой Ариадне, дочери царя Миноса. Царская

дочка влюбилась в красивого юношу и решила его спасти. Рискнув собственной безопасностью, она вручила юноше клубок, с помощью которого он мог найти выход из лабиринта. Любовь не осталась без награды, поскольку Тезей убил зверя, выбрался из лабиринта, ответил на чувства царской дочери и смылся с Крита в обнимочку с прекрасной Ариадной.

Алису глубоко тронула символика этого мифа: чтобы найти свою дорогу в жизни, человеку необходима путеводная нить, а поскольку эту нить спряла любовь, то для того, чтобы отыскать правильные ориентиры, человеку только любовь и необходима.

Но вот о чем она позабыла: у истории этой есть и другая концовка, не такая счастливая. Точнее, два варианта концовки, и оба несчастливые: по одной версии, Тезей вскорости бросил Ариадну, по второй — влюбленных разлучил несчастный случай: ревнивый Дионис уволок девицу на Олимп.

## ЦИНИЗМ

На следующей неделе Сьюзи пригласила на ужин свою подружку Джоанну. Рослая Джоанна работала в салоне красоты и славилась независимым мышлением: красила ногти лиловым лаком, презирала лицемерие и гордилась тем, что «всегда говорит правду». Под последним она разумела умение заканчивать свои филиппики чем-нибудь особенно обидным для собеседника, после чего пряталась за оборонительным редутом из вопроса: «Но если я вам об этом откровенно не скажу, кто скажет?»

Дамы сидели за кухонным столом, ели салат и запивали его вином.

— Как протекает твоя любовная жизнь? — обратилась Джоанна к Алисе.

— О, нормально...

— Обожаю эту девочку! Всегда такая вежливая. «О, нормально...» Как будто я о погоде спрашиваю.

— Извини, а как я должна была ответить?

— Ну не знаю! Расскажи, с кем ты трахаешься, у кого как стоит, — в общем, что-нибудь такое. Ты все еще с этим, ну, как там его звали?..

— Тони. Ты с ним давно рассталась, не так ли? — вмешалась Сьюзи, обеспокоенная тем, какой оборот принимает разговор.

— Слушай, у Алисы же есть язык, дай ей самой сказать! — вознегодовала Джоанна.

— Сьюзи права: эта история закончилась. Понимаешь, мы не очень подходили друг другу, и я решила, что будет лучше, если...

— Знаешь же, как говорят: «В любви и на войне все приемы хороши», — заявила Джоанна и выдержала паузу, дабы подчеркнуть новизну и глубину высказанной мысли. В наступившем молчании она закурила сигарету, затянулась и выпустила дым. — Вот что. Я устрою тебе хорошенький сеанс секс-терапии. Познакомлю с одним парнем — это приятель моего брата. Он тебе понравится. Инженер-компьютерщик, занимается на тренажерах, очень сексуальный и симпатичный. Думаю, он решит все твои проблемы.

— Очень мило, — ответила Алиса.

— «Мило»? Я ожидала большего энтузиазма.

— Вряд ли мне это интересно...

— Почему так?

— Потому что я и одна прекрасно себя чувствую.

— Может, и прекрасно, но когда между твоими простынями появится этот парень — будет еще прекраснее.

— Позволь мне самой судить о своем самочувствии.

— Ну, извини. Просто я подумала, что у тебя в спальне стало как-то пусто.

— Меня это вовсе не беспокоит. Если у меня есть кто-то — хорошо, но если никого нет — тоже не так уж и плохо.

— Тогда кто ж это у нас ходит тут с таким видом, будто вот-вот конец света наступит?

— Не знаю.

— Слушай, детка, поверь, ты можешь считать свою жизнь полноценной и все такое, но время от времени каждый из нас нуждается в смене декораций. Ты каких больше любишь — гладких или мохнатеньких?

— Что-что? Не поняла.

— Какие мужики тебе больше нравятся: с волосатой грудью или безволосые?

— Не знаю, я об этом как-то не задумывалась. Все зависит от человека.

— Ах ты наша разумница! Слушай, я дам ему твой телефон, поговорите и решите — может, почувствуете вибрацию. Договорились?

— Нет, не договорились.

— Почему?

— Джоанна, мне никто *не нужен!*

— Ладно, не вопи. Все кругом такие чувствительные стали!

— Хорошо бы и тебе стать чуть более чувствительной.

— Я всего лишь сказала, что есть парень, достаточно интересный, а ты, как я понимаю...

— Алиса, дорогая, ну что ты... — заволновалась Сьюзи, заметив, что у Алисы глаза на мокром месте.

— Ничего, извини. — Алиса выскочила из-за стола. — Наверное, я просто устала. Мне надо прилечь.

За столом воцарилось неловкое молчание. Сьюзи смотрела на недоеденный Алисой салат и на отброшенную второпях салфетку.

— Ну ладно, не цепляйся ко мне, — предприняла предварительный маневр Джоанна. — Я же только предложила! Она сидела с таким несчастным видом, вот я и подумала, что, может, ее надо с кем-нибудь познакомить. Говорю тебе, парень что надо. И потом, если я ей не скажу правду, кто скажет?

Что бы вы ни думали о так называемой честности (граничащей с откровенным хамством), в чем-то Джоанна была права. Хотя Алиса жаждала любви, чем дальше, тем больше она отказывалась признаваться в этом как себе, так и

окружающим. И если прежде ее статус одиночки служил предметом шуток и легкого поддразнивания, со временем она начала всерьез беспокоить друзей и приятелей.

Проблемы романтического порядка не обсуждались, но их эхо присутствовало во всем. Друзья замечали, что Алиса утрачивает привычный оптимизм: ее рассуждения о глобальной экономике, о будущем взаимоотношений между полами и роли семьи, о ценностях цивилизации и стандартах образования, чистоте городов и ценах на ботинки, погоде и состоянии дикой природы — буквально обо всем — носили все более мрачный характер. Она стала изрекать глубокие мысли типа «Жизнь бессмысленна», «Мужчины и женщины никогда не поймут друг друга», «Все наше существование — чья-то дурная шутка».

Просто удивительно, до какой степени коротенькая мысль «Я несчастна» легко трансформируется в мысль продолжительную — о тщете земного существования; как вульгарная жалоба «Никто меня не любит» сублимируется в элегантный афоризм «Любовь — всего лишь иллюзия». Надо сказать, что в этом афоризме важен не сам вопрос о тщете бытия и усилий любви (трудно предполагать, что на него вообще можно дать окончательный ответ); интересно другое: что служит катализатором той химической реакции, в результате которой появляются подобные максимы. Эти максимы, казалось бы абсолютно безличные, на самом деле порождены определенным личным опытом их авторов.

Красочных примеров более чем достаточно. Возьмем философа Артура Шопенгауэра, который прославился ненавистью к собственной матери и мрачным, гамлетовским взглядом на жизнь. Когда Шопенгауэру исполнилось семнадцать, умер его отец, и мать оторвала семью от корней — пе-



ревезла из родного Гамбурга в Веймар. Там она превратилась в веселую вдову, вела активную общественную жизнь, давала приемы, имела любовные связи, покупала дорогие наряды и с большой вольностью обращалась с деньгами (что никогда не нравится тем, у кого денег нет). Она отличалась снобизмом в вопросах культуры и держала салон, в котором, говорят, бывал и Гете. Фрау писала романы, пользовавшиеся большим успехом, до которого ее сыну было далеко (основной его труд «Мир как воля и представление» был отвергнут тремя издателями и не принес ему ни гроша). И сегодня отношения с маменькой могут не сложиться у любого, но требуется особый склад ума, чтобы сделать из этого опыта универсальные выводы и начать их интегрировать в свою философскую систему: «Все женщины ребячливы, неумны и близоруки и остаются большими детьми на всю жизнь. Только будучи затуманенным сексуальной тягой, мужской интеллект способен воспринимать этот пол — низкорослый, узкоплечий, широкобедный, коротконогий — как равный. Ни в музыке, ни в поэзии, ни в пластических искусствах женщины не обладают ни истинным чутьем, ни остротой восприятия».

Примечательно, что на протяжении тысяч исписанных Шопенгауэром страниц, в которых он оскорблял весь женский род, вы не найдете ни слова о том, что действительно волновало его больше всего. Он ни разу не обмолвился о той единственной женщине, которая занимала его мысли, — о матери, дававшей приемы и сорившей деньгами так, как никогда не стали бы делать люди, у которых денег нет.

Или возьмите несчастного герцога де Ларошфуко, автора пессимистических максим о том, что, каким бы ужасным нам что-то ни представлялось, правда еще ужаснее. Если повнимательнее взглянуть на череду выпавших на долю

автора жизненных катастроф, уверяю вас, универсальность этих максим начнет вызывать сомнение. Ларошфуко принял неверное политическое решение, встав при дворе на сторону Анны Австрийской (он был влюблен в ее фрейлину), за что и поплатился двухлетним изгнанием. Позже ни ставшая регентшей Анна, ни Мазарини никак не отблагодарили его за преданность. Во времена Фронды этот человек каждый раз безошибочно выбирал не ту сторону, и его замок сровняли с землей, сам же он от взрыва чуть не ослеп. Ни одна из его надежд на блестящую военную или политическую карьеру так и не оправдалась, а все его влюбленности по большей части оставались безответными.

\* \* \*

Через несколько недель после визита Джоанны на имя Алисы пришел большой конверт.

— Это тебе. Открой, — Сьюзи протянула его Алисе за завтраком.

— Мне? Да я одни счета получаю. Вечером прочту.

Однако это был не счет; а приглашение от женщины, которую Алиса знала еще в школьные годы и о которой с тех пор ничего не слышала.

— И что там? — любопытствовала Сьюзи.

— Ничего. Во всяком случае, я никуда идти не собираюсь.

— Дай взглянуть... Потрясающе! Ужин, танцы. Замечательно!

— Разве?

— Конечно! В чем пойдешь?

— Перестань, Сьюзи.

— Нет, это важный вопрос!

— Никуда я идти не собираюсь. У меня полно работы. К тому же мне с ними не о чем говорить. Не понимаю, почему люди так тянутся к общению. Все эти ужины — просто какой-то нелепый ритуал. Человек спрашивает: «Как у вас дела?», тот, к кому обратились, в течение десяти минут что-то отвечает, а ты сидишь и вежливо выслушиваешь то, что тебе совершенно не интересно. Потом уже у тебя спрашивают, как дела, и теперь ты должна что-то лепетать, а остальные вежливо слушают...

— Ну не всегда же так бывает! Иногда завязываются очень интересные разговоры.

— Угу, с каким-нибудь придурком, который только и думает, как затащить тебя в постель, а назавтра забудет твой номер телефона.

Поскольку опыт уже научил Алису не загадывать наперед и не надеяться на хорошее, она и на этот раз ничего примечательного и интересного не ожидала. Между пессимизмом и надеждой, что ничего плохого не случится, если этого плохого только и ждешь, существует печально известная связь. Когда предполагаешь худшее, оно не сбывается. И за все положительное, что с ней происходило, она платила ценой изнурительного и постоянного ожидания провала.

Поэтому, когда она в вечер приема зашла в комнату Сьюзи и пожаловалась, что по сравнению с ее платьем мешок для мусора выглядит куда более стильно и что она наверняка вернется к десятичасовому выпуску новостей, не следовало воспринимать ее слова как справедливую оценку своего внешнего вида и предполагаемого времени возвращения. Она просто считала, что, если первой назовет свое платье мешком для мусора и предскажет раннее возвращение, все окажется как раз наоборот.

Прием происходил в переоборудованном складе, расположенном на берегу Темзы в Ротерхите. Убранство зала представляло собою причудливую смесь индустриального и барочного стилей. В отличие от балов прошлых эпох, состав вечеринки определяли не деньги или классовая принадлежность, но соответствующая дрессура приглашенных. С потолка, расписанных под работы итальянских мастеров прошлого, свисали большие люстры — на танцующих, например, с мягким осуждением взирала Сикстинская мадонна, обеденный зал был задрапирован бархатом, а на галерее располагались альковы с приглушенным светом. Гости фланжировали по галерее и потребляли из высоких стаканов синего стекла разнообразные напитки. Знакомые приветствовали друг друга преувеличенно радостными возгласами.

Алиса оставила в гардеробной пальто и, нервно теребя пригласительный билет, поднялась по широкой лестнице. Она нашла свое место и увидела, что ее сотрапезники (совершенно незнакомые люди) еще не прибыли, так что она остановилась позади предназначенного ей стула и принялась с восхищением разглядывать букет из ярких пластиковых цветов в центре стола.

— Вы думаете: «Черт, надо было остаться дома, я никого тут не знаю, выгляжу ужасно, и зачем я согласилась пойти, и т. п.». Правильно? — спросил мужчина, стоявший у противоположного конца.

— На самом деле я размышляла, зачем нам три набора вилок и ножей, — сухо ответила Алиса.

— О, простите. Не угадал. Возможно, это я думаю:

«Черт, надо было остаться дома, я никого тут не знаю, выгляжу ужасно, и зачем я согласился пойти?»

— Вы на самом деле так думаете?

— Минуту назад думал, но ведь никогда не предугадаешь, как может все обернуться. На самом деле, как вы полагаете: может, мне следовало явиться при галстукке? — спросил мужчина, на котором была угольно-серая водолазка и темный пиджак.

— Не знаю.

— Вот и я никогда не знаю, что следует надевать на подобные мероприятия. А вы знаете? Решаешь: надену вот то, или — хочу надеть это, а потом: нет, наверняка все будут одеты по-другому, одеваешься в то, что, как предполагается, будет соответствовать случаю, приходишь, и оказывается, надо было надеть, что хотел с самого начала.

— Со мной такое тоже не раз бывало, — ответила Алиса, невольно улыбнувшись.

— Кстати, пока не поздно, как вы думаете, ничего не случится, если я переставлю карточки и сяду рядом с вами? Не думаю, что кто-нибудь заметит, — предложил он с подкупающе озорным выражением.

— А зачем? — осведомилась Алиса.

— Потому что с одной стороны от меня стоит карточка с именем «Мелани», с другой — «Дженнифер», а я, кажется, уже ненавижу их обеих.

— Нельзя идти на поводу у предрассудков. Может, они обе вам понравятся.

— Не уверен. У меня с этими именами связаны неприятные ассоциации. Полоумная двоюродная бабушка Мелани и зубной врач Дженнифер — она старательно превращает мою жизнь в ад.

— Но что, если мне понравится сидеть между Робертом и Джеффом?

— Черта с два! — воскликнул он и переставил карточки, вследствие чего у Алисы оказался новый сосед по имени Эрик — поскольку на его карточке было начертано именно это имя.

Зал заполнялся гостями, явились и другие их сотрапезники и, ни о чем не подозревая, уселись на предназначенные им Эриком места. Ужин начался. В Эрике кипела энергия и чувствовалось нетерпение, отчего Алиса скорее отвечала на его вопросы, нежели задавала их сама — она как бы защищалась. Он атаковал: кем она работает? Сколько ей лет? Где живет? Влюблялась ли когда-нибудь без памяти?

— Простите?

— Я спросил: теряли ли вы когда-нибудь голову от любви?

— А почему я должна вам об этом докладывать?

— Ах, вы предпочитаете вернуться к разговору о погоде. Простите. Отлично. Как вы полагаете, когда наступят следующие заморозки на почве? Я слышал, в Шотландии на дорогах гололедица, а в горах туман. Я имею в виду, в долинах, что же касается вершин, то там даже легкий снегопад ожидается.

— Вам со мной скучно?

— Вовсе нет!

— Тогда почему вы решили, что я вообще верю в любовь?

— Ура, я имею честь сидеть рядом с циником!

— Просто реалистом.

— А я-то полагал, что цель каждой женщины — найти своего единственного мужчину.

— Что за чепуха! Для некоторых — да, это цель всей жизни, но не для всех. И уж точно не для меня. Я ценю независимость. Хочу научиться жить комфортно в одиночестве. У меня и сейчас с этим нет проблем. Мне хорошо с самой собой. Но я знаю людей, которые совершенно не выносят одиночества. К примеру, моя соседка по квартире Сьюзи — ей все равно, кто рядом, лишь бы не одна, она готова принять приглашение первого встречного придурка, только бы не коротать вечер в одиночестве. Нет, она чудесная девушка, и мне нравится ее бойфренд, я просто хочу сказать, что я не такая, я не боюсь смотреть на ситуацию прямо.

— У вас очаровательное ожерелье, — прервал ее Эрик и легонько приподнял бусы большим и указательным пальцами.

— Оно мне от бабушки досталось, — голос Алисы дрогнул.

— Сейчас редко встретишь такое элегантное ожерелье.

— Спасибо.

Алиса инстинктивно относилась к мужчинам типа Эрика с опаской: в нем чувствовался нагловатый шарм, и она насторожилась — ей показалось, что весь этот вечер он воспринимает всего лишь как забаву. Но хотя она сомневалась в его искренности, привлекательность его была несомненной. Во всех его движениях, даже самых простых — как он отламывал хрустящую хлебную корочку, нанизывал на вилку кусочки овощей, — ощущалась некая сексуальность.

Эрик работал в банке и совершал крупные товарные сделки, хотя пришел к этому занятию необычным путем. Он получил диплом врача и несколько лет проработал врачом-акушером в Кении, пока не сообразил, что хотел бы заниматься чем-то более коммерчески выгодным. Вместе

с другом он создал довольно успешную фирму грамзаписи, потом что-то там делал в области торговли готовым платьем и лишь недавно переключился на банковскую деятельность.

— Что меня больше всего привлекает в товарных сделках, — пояснял Эрик, — так это суммы, с которыми имеешь дело. Они настолько огромны, что ты их как настоящие деньги и не воспринимаешь, они как бы неосязаемы. Ты зарабатываешь или теряешь десятки миллионов в доли секунды и почти не замечаешь этого, в то время как в магазине готового платья постоянно приходится общаться с полоумными клиентами, которые по полчаса орут, что вот, мол, купили майку, а она после стирки села. А майке цена — каких-то жалких десять фунтов. Здесь же видишь вещи в перспективе. Вы слушаете?

— Да, да, конечно, — ответила Алиса, осознав, что смотрит на него во все глаза и абсолютно ничего не слышит.

— Вы покраснели, — объявил Эрик.

— Нет.

— Покраснели!

— Правда? Здесь душновато.

Тут подали десерт — шоколадные пирожные, украшенные ягодами малины.

— Как получилось, что у вас целых десять ягодок, а у меня ни одной? — Эрик разглядывал ее тарелку. — Можно мне одну? — И, не дожидаясь разрешения, подцепил ягоду вилкой.

Он обладал каким-то особым обаянием, отчего подобный жест вовсе не казался вульгарным. В этом обаянии



было нечто латиноамериканское: в своих желаниях он был совершенно откровенен, отчего и отказывать ему было бы нетрудно. Это был яркий дар, контрастирующий с блеклыми усилиями северных соблазнительей (Вертера и иже с ним), которые всю свою жизнь неуклюже топтались и что-то там блеяли о любви, а в конце молчаливо сводили счета с жизнью, потому что предмет воздыханий просто был не в состоянии расслышать, что именно они бормотали.

Эрик не только открыто объявлял о своих намерениях, но с готовностью обсуждал их последствия.

— О'кей, я знаю, о чем вы думаете, — сообщил он. — Вам все нравится, вы улыбаетесь, но вас беспокоит вопрос: а можно ли мне доверять? Вы думаете: «Этот парень кажется искренним, но, может, он просто жулик? Он забавляется или у него серьезные намерения?» И вы не знаете, как себя вести. Если все это просто шуточки, ну что ж, повеселились и забыли, но где-то там, в глубине души, вы надеетесь, что это не обычная светская болтовня, следовательно, так уж сразу сбрасывать меня со счетов не стоит. Вот она, типично женская дилемма: верить или не верить соблазнителью. Мужчина, к которому вы не испытываете доверия, вам может даже понравиться, но вы боитесь, что вам снова причинят боль.

Не стоит считать Алису такой уж тщеславной, но, согласитесь, в мужчине, который более или менее верно угадывает ваши чувства, есть нечто притягательное. По крайней мере, она не могла проигнорировать человека, признавшего в ней чуть ли не с первого взгляда женщину необычайно чувствительную.

— Возможно, вы слишком подозрительно относитесь к таким, как я, — заметил Эрик.

- Почему вы так думаете?
- Потому что вы из тех, кто может страдать.
- Не больше, чем все остальные.

— Нет, больше! Вы несерьезно относитесь к вашим проблемам, быть может, потому, что до сих пор никто не позволял вам относиться к ним всерьез. Вы чувствуете то, что другим не дано, ваши чувства глубоки. Поэтому вы развили что-то вроде защитной оболочки, на что уходит масса энергии. Посмотрите, как напряжены ваши плечи.

- Что плохого в моих плечах?
- Ничего, но вас выдает поза. Неужели никто вам никогда об этом не говорил?
- Нет.
- Что ж, люди не отличаются наблюдательностью, не так ли?

Безусловная популярность гороскопов и всяческих предсказаний свидетельствует о том, что наше желание быть понятыми, как правило, пересиливает сомнения в глубине и точности понимания. Эрик знал, как можно быстро достичь доверия — надо всего лишь сказать человеку, что ты его понимаешь. Так что, с какой бы подозрительностью ни относились мы к заявлениям, что наша душа — открытая книга, недоверие тает, стоит кому-то авторитетно о том заявить — будь это сказано весьма красиво очерченными губами или написано в журнальной статье, посвященной знаку Близнецов.

- Здесь так шумно! Давайте сбежим с танцев, — предложил Эрик. — Не лучше ли выпить по бокалу в более спокойной обстановке?
- Боюсь, уже все закрыто.
- Так почему б не перенести беседу ко мне домой?

— Что?

— Я сказал: почему бы не отправиться ко мне?

— Не уверена, что так будет лучше, — ответила Алиса, разрываясь между желанием принять предложение и боязнию показаться одной из «таких» женщин — тех, кто легко соглашается на подобные предложения.

— У меня проблема с ключами, — заявила она. — Мы с соседкой договорились, что если она придет первой, то закроет только на второй замок, а если первой приду я — оставляю свет в парадном зажженным, а на ключ закрывать не стану и она позвонит в дверь. В общем, все довольно сложно...

Вопрос о том, как скоро следует поддаться соблазну, мучителен: поддашься слишком рано — и можешь показаться дешевой, промедлишь — и соблазнитель потеряет к тебе интерес. Так как же следует Алисе поступить: принять предложение Эрика ценой потери самоуважения или вежливо откланяться ценой потери шанса встретиться с ним вновь?

У чопорности и легкомыслия общий знаменатель: неуверенность. Можно сразу же предаться любовным утехам, потому что боишься, если затянешь дело, утратить интерес партнера, а можно им никогда не предаться, потому что боишься, что партнер утратит к тебе интерес после них.

По натуре Алиса была склонна к страхам первого типа и не думала о любовной инфляции, в процессе которой соблазненная делает ставку на отнюдь не бесконечный запас приманок.

Хотя правительства, как и многие любовники, ненавидят это признавать, но для правильного функционирования любовного хозяйства инфляция полезна — пусть и в несколько извращенном виде. Она позволяет одному из

любовников сказать: «Извини, у меня болит голова (несварение желудка), давай созвонимся позже», а второму поныть на тему о том, что путь истинной любви не устлан розами. Это даже полезно для отношений, когда один из партнеров вдруг думает: «Я несостоятелен, такая любовь мне не по карману». И тогда соблазнитель принимается закупать шоколадные трюфели, вздыхать и писать вирши приблизительно следующего содержания: «О если б нам принадлежал весь мир и время — стыдливая дама — не вершила б своих злодеяний...»

— Послушайте, я полностью разделяю ваши сомнения, — сказал Эрик, — и не хочу на вас давить. Это была лишь идея. Я подумал, как приятно было бы поболтать в более уютной обстановке, но нет так нет. Действительно, уже поздно, и вы еще недостаточно меня знаете. Уважая ваше решение и надеюсь, что мы сможем когда-нибудь еще встретиться. Например, сходим посмотреть тот итальянский фильм, о котором вы мне рассказывали.

— Конечно, это было бы очень мило.

Алиса ушла с приема во втором часу ночи, а поскольку ехать им было в одну сторону, Эрик предложил ей сэкономить на такси: он ее подвезет.

К тому моменту, когда они подъехали к его району, Алисе вдруг пришло в голову, что, если он действительно понял, насколько трудно для нее было согласиться на его предложение, и если он так уважительно принял ее отказ, тогда у нее нет никаких причин, чтобы не передумать и каким-то образом не дать ему понять, что легкая, ни к чему не обязывающая беседа может послужить достойным завершением так удачно начавшегося вечера.

## ПАРТЕНОГЕНЕЗ\*

Эрик оказался искусным любовником — нежным, понимающим, с воображением. Он знал, как избавить Алису от скованности и как высвободить ее потаенные и неожиданные даже для нее самой желания. Их любовные игры варьировались от нежных ласк до самых неистовых совокуплений. Вопросы, терзавшие ее вплоть до первого поцелуя, отошли куда-то на задний план под натиском бездумного восторга.

Когда ложишься с кем-нибудь в постель, память неминуемо возвращает тебя к привычкам тех, с кем ты делал это прежде. В процессе акта любви наше тело воспроизводит нашу сексуальную историю, новый поцелуй — это обогащенная модель прежних поцелуев, и поведение в спальне сохраняет отпечаток тех, прежних спален.

Когда Алиса и Эрик занимались любовью, это занятие было своего рода пересечением двух сексуальных историй. От Кристины Эрик узнал, как ласкать языком ушки Алисы, она же, в свою очередь, применила почерпнутый ею у Роберта прием легких и дразнящих прикосновений языком к Эрикову рту, Ребекка научила Эрика проводить языком по зубам партнера. Ганс был мастером в искусстве тереться носом о нос, но Алиса почувствовала, что Эрику это не должно понравиться. Алиса не могла забыть удовольствия, которое она получала, когда Крис пощипывал ее шею, и в этой странной игре, когда один демонстрирует другому, что именно доставляет ему радость, она на наглядных примерах учила этому приему Эрика.

\* Девственное размножение (греч.). Одна из форм полового размножения, когда яйцеклетки развиваются без оплодотворения. — *Прим. ред.*

Хотя с чисто технической точки зрения наличие сексуальной истории может быть желательным, с психологической точки зрения она осложняет ситуацию. Обладание сексуальной историей предполагает не только любовные связи с рядом людей — оно также означает, что ты либо отвергал, либо был отвергнут этим рядом людей. И, окинув эту самую историю обретения сексуальных навыков меланхоличным взглядом, можно увидеть в ней историю разочарований.

Следовательно, в самой процедуре таится странная неловкость: с одной стороны, в упоении страсти любовники открывают новый мир, с другой — в каждом их жесте, в каждом движении таятся улики из прошлого, от которого они стремятся уйти.

Энергия, с которой Алиса предавалась любви, символизировала восстание против своего собственного прошлого, она стремилась забыть другие поцелуи и ночи, которые... О, которые начинались с таким же неистовством, а заканчивались взаимными обвинениями: он твердил, что пока не готов к длительным отношениям, ее раздражала его равнодушная физиономия, уткнувшаяся в утреннюю газету.

Каким же всепоглощающим должно быть стремление доказать себе, что «до моего появления здесь никого и ничего не существовало», — реликт девственной берклианской фантазии о том, что «возможно, этого мира до меня не было, он был рожден вместе со мной, и я — его творец». Все помнят, как Ницше жаловался на самое распространенное среди философов заблуждение: они, мол, склонны игнорировать историческую перспективу. Но и за пределами академических сообществ мы постоянно сталкиваемся с жестокими примерами — различного рода революционерами, которые жаждут вернуть историю к нулевой отметке.

Отношение к истории всегда было двойственным: с одной стороны, существует желание сохранить, сберечь все (энциклопедичность), с другой — страсть начать все заново (революция).

Нетрудно догадаться, до каких крайностей дошла Алиса в своем отношении к любви. Хотя ей частенько приходилось сталкиваться с разочарованиями, она все же сохранила идеализм — антитезу исторического подхода: романтическая революционерка, она хотела верить, что каждый мужчина, с которым она ложилась в постель, каким-то образом станет завершающим этапом ее сексуальной истории, докажет право считаться ответом на основной вопрос ее существования.

Они лежали в полном изнеможении. Эрик принес из кухни напитки, потом свернулся калачиком под пуховым одеялом, пробормотал что-то похожее на благодарность и — мгновенно уснул.

В подобных обстоятельствах — в чужой комнате, на чужой постели, ощущая рядом чужое тело и чужое дыхание, — Алисе всегда было трудно поднять якоря и отплыть в страну бессознательного. Она снова и снова вспоминала события прошедшего вечера, пытаясь понять, почему очутилась здесь, как так получилось, что она, казалось бы, контролировала ситуацию, а в результате с ней не справилась. Пуританские инстинкты настойчиво вопрошали: а не совершила ли она чего-то очень дурного? И не придется ли ей слишком дорого заплатить за испытанное удовольствие? Тут подкрался и вопрос о доверии, но рука, упавшая ей на бедро, быстренько этот вопрос отмела.

Во сне рука Эрика жила самостоятельной жизнью и шарилась по постели в поисках Алисы, и, взглянув на эту

одинокую руку, Алиса вдруг почувствовала, как ее захлестнула волна любви.

Она взяла эту непослушную руку и уставилась Эрику в лицо, совсем по-детски вопрошая: «И кто он такой, этот человек, которого я нашла?» Она пыталась прочесть будущее в линиях, которые оставило на его лице прошлое. Как он будет относиться к женщине, которая его любит? Что ему может показаться забавным? Кто ему не нравится? Каковы его политические пристрастия? Как он станет реагировать на детский плач? На измену? На комплекс неполноценности?

Впечатления всегда складываются на основании недостаточных улик. Например, мы побывали на вечеринке, и приятель спрашивает, что за публика там была. Нам следовало бы ответить откровенно: «Да откуда ж мне знать? Я общался с ними всего пару часов». Да даже если б мы прожили с кем-то бок о бок целых сто двадцать лет, то, памятуя о том, что каждый человек — это крайне сложная система, в ответ на подобный вопрос следовало бы сказать: «Я только начал по-настоящему их узнавать». Но нет, после двухминутного общения мы уже готовы воскликнуть: «*Они мне нравятся/Они мне не нравятся!*» — атавистическая реакция, уходящая корнями к нашему пещерному предку, которому за долю мгновения приходилось решать, кто перед ним — друг или враг.

Возможно, из-за того, что ей пришлось так долго ждать, или потому, что спящий рядом с нею человек выглядел таким умиротворенным, беззащитным, был с ней нежен и добр, или просто потому, что это очень приятно — лежать без сна и размышлять над подобными вопросами, но Алиса вдруг подумала, что этот человек может стать воплощением всех ее полузабытых надежд.



## ВЛЮБЛЕННОСТЬ В ЛЮБОВЬ

Алиса проснулась от прикосновения губ Эрика: он нежно целовал ее шею и плечи, наполняя пробуждение радостью. Ах, если бы каждое воскресное утро было таким! — подумала Алиса и с улыбкой повернулась к тому, кто подарил ей счастье.

— Привет, — произнесла она.

— Привет.

— Хорошо спал?

— Как младенец, — ответил Эрик и поцеловал ее в лоб. — А ты?

— Отлично.

— Утомилась немного?

— Кто бы спрашивал.

И, чтобы спастись от возникшей тишины, любовники нырнули друг другу в объятия.

— Это было так мило, — проворковала Алиса.

— М-м-м-м, — ответил Эрик, вдыхая аромат ее кожи. — Чем, по-твоему, мы сегодня займемся?

— У меня нет никаких планов.

— Значит, мне повезло. Давай что-нибудь предпримем.

— Что именно?

— То, что хочется тебе. Будем целый день бесстыдно себя ублажать. Идти куда хочется, делать что хочется, быть кем хочется.

— Ты сумасшедший.

— Нет, правда, скажи, чего ты хочешь. Можем сходить куда-нибудь позавтракать, потом спустимся на пароходике к Гринвичу и съедим по мороженому. Или поднимемся на

колокольню собора Святого Павла, или сходим в Кью-гарденз. Перекусим в китайском ресторанчике в Сохо, устроим в Гайд-парке пикник. А можем сходить в кино, посмотрим подряд шесть фильмов и съедим шесть ведерок поп-корна. А то давай найдем воздушный шар и долетим на нем до Брайтона. Конечно, можно еще сесть на «Конкорд», слетать на обед в Нью-Йорк, а к ужину вернуться в Лондон. Короче, все, что твоей душе угодно!

— Тогда давай начнем с душа, — прозаически предложила Алиса, — и прямо сейчас.

После заезда на квартиру к Алисе, где она переоделась, любовники отправились позавтракать во французское бистро возле Хаммерсмита. Заказали яйца, тосты, кофе и апельсиновый сок. Сидя бок о бок на обитой бархатом банкетке, они читали воскресные газеты, время от времени соприкасаясь руками и поглаживая друг друга колени. День был теплый, тот идиллический весенний день, который, как уверяют романы, создан для любви. Алиса и Эрик изо всех сил старались оправдать метеорологические и прочие прогнозы.

Но что на самом деле Алиса знала о сидящем рядом с ней человеке? Собранные сведения носили весьма обрывочный характер:

- завтра он летит на деловую встречу во Франкфурт;
- он рассказал анекдот о бельгийской паре и парашюте;
- заявил, что превыше всего ценит честность;
- ему нравится ласкать каждый пальчик ее руки;
- у него глубокие синие глаза, очень живые и выразительные;
- он сказал, что врачебный опыт научил его ценить каждый день, словно этот день — последний.

Эти осколки информации сами по себе мало что значили — в отрыве от личности того, к кому относились. Но при желании и в соответствующей интерпретации они могли стать верхушками могучих айсбергов. И служить доказательствами того, что Эрик:

- успешен в работе;
- обладает чувством юмора;
- уверен в себе и откровенен;
- нежен и эротичен;
- красив и умен.

Уверять, что Алиса втюрилась в Эрика, было бы несколько преждевременно. В конце концов, она провела с ним всего лишь один вечер и одну ночь, и он пока что был всего на полпути ко второму яйцу их первого совместного завтрака. Тем не менее чувства ее с такой готовностью откликнулись на эти обрывки информации и лежащие на поверхности признаки, что, прежде чем говорить о любви, нам следовало бы потолковать о другом феномене. Алиса всегда была ему подвластна, и именно он был отличительной чертой первых проведенных ею с Эриком дней.

После завтрака они отправились на выставку в Уайтчепел, успели захватить конец торгового дня на рынке в Брик-лейн, затем на пароходике доплыли до Вестминстера, откуда пешком дошли до парка Бэттерси. По пути Эрик показал ей китайскую пагоду и рассказал о мудром китайском философе Конфуции, которого он, впрочем, назвал Конфаустом, — но Алиса этого даже не заметила, до такой степени она была поглощена радостью прогулки рука об руку с умным и красивым мужчиной по набережной великой реки Темзы в солнечный весенний денек.

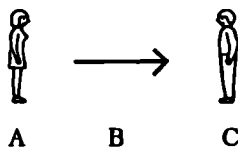
По зрелом размышлении нам следовало бы прийти к выводу, что, если Алиса еще и не была влюблена в Эрика, она определенно была влюблена в любовь.

Что означает это чувство, описываемое с помощью двух однокорневых слов?

В нем выражена определенная возвратность амурного состояния, оно означает, что человек получает больше радости и удовольствия от своего собственного энтузиазма, чем от объекта, энтузиазм породившего.

Вместо того чтобы просто считать X человеком замечательным, влюбленный в любовь сначала подумает: «Разве это не замечательно, встретить человека столь замечательного, как X!» Когда Эрик остановился на середине моста Баттерси, чтобы завязать шнурок, Алиса не просто подумала: «Разве он не очаровательно выглядит, даже когда просто завязывает шнурок?» Она подумала: «Разве это не сбывшаяся мечта — наконец-то встретить того, кто мне нравится до такой степени, что мне даже нравится то, как он завязывает шнурок?»

В опубликованной ниже диаграмме объект желания (пометим его буквой С) на этой стадии представляет собою нечто второстепенное по отношению к самому желанию (В):



Объект С останавливается на мосту, чтобы завязать шнурок, и поскольку уже смеркается, предлагает Алисе отвезти ее домой.

— Это был потрясающий день, — сказала она, открывая дверцу его бутылочно-зеленого автомобиля.

— Рад, что тебе понравилось. И прости, что не смог покатать тебя на «Конкорде».

— Что ж, оставим на следующий уикенд.

— Всю неделю буду к этому готовиться.

Вернувшись домой, Алиса швырнула сумку на кровать и захлопала в ладоши — именно этот признак возбуждения персоны старше двадцати лет всеми силами стараются скрыть от посторонних глаз.

Понять ее радость — значит понять, что предыдущие тоскливые месяцы довели ее до разрушающего душу подозрения, будто она пережила все свои желания. Она перестала спрашивать, что ж такого неправильного в мужчинах, и принялась вопрошать: «Что такого неправильного во *мне*, если я вижу в них так много неправильного?» Объяснения, которые содержались в женских журналах, носили характер мрачный: она, видите ли, боялась «дать себе волю». Возможно, в детстве она подвергалась сексуальному насилию или ее на самом деле больше привлекали женщины. Мужчина вроде Тони, который приставал к ней на рождественской вечеринке, не мог ей понравиться по определению, но она гасила подобные мысли соображениями типа: «Нехорошо думать, что люди нехорошие». И ответила на его поцелуй скорее от страха, что это с ней что-то не в порядке, если она не хочет с ним целоваться.

Алиса хлопала в ладоши, потому что Эрик отметал всю эту борьбу с собственными желаниями и нежеланиями как несущественную. Какое же облегчение — думать (хотя и не произносить пока это соображение вслух): «Знаешь, с таким, как ты, у меня может что-то получиться».

Когда пришла Сьюзи, Алиса все ей рассказала, и неудивительно, что рассказ изобиловал преувеличениями:

— Он замечательный, он тебе обязательно понравится! Он такой красивый, и умный, и нежный! Мне с ним так хорошо! На самом деле, мы говорили не так уж много, но это ничего не значит. Мы интуитивно чувствуем друг друга. До чего же прекрасно просыпаться рядом с ним, видеть улыбку на его восхитительном, ангельском лице! О, это великолепно!

Алиса потонула в своей собственной риторике, и слова «восхитительное, ангельское лицо» как-то слишком легко сорвались с ее языка. Но простим ей: она долго была лишена возможности произносить подобные речи и теперь наслаждалась новообретенным любовным словарем.

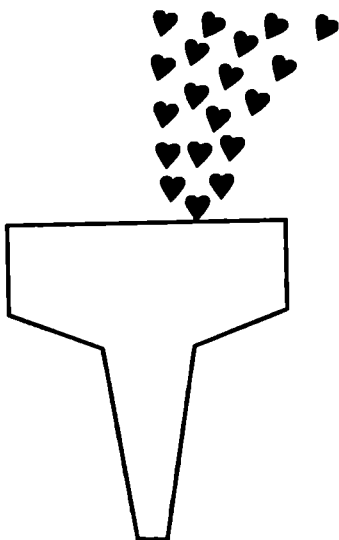
## НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

В тот памятный вечер Сюзи получила фрагментарный портрет Эрика, потому что, как заявила Алиса, наши влюбленные «понимали друг друга интуитивно». Тем самым она признавала отсутствие в своей информации необходимой логической связи.

Скептикам или тем, кто силен в искусстве диалога, утверждения об интуитивном понимании могут показаться подозрительными или нелепыми, придуманными специально, чтобы скрыть неполноту словесных свидетельств, но затем возведенных в ранг свидетельств, превосходящих мысли изреченные. Они считают молчание уловкой, призванной скрыть либо неумение излагать свои соображения, либо даже кое-что похуже.

Но бедность данного Алисой описания не только не препятствовала, но способствовала ее представлениям о том, как много у нее с Эриком общего, а это представление не поддается передаче таким ненадежным средством, как язык.

Когда Эрик целовал ее шею и плечи, Алиса была захвачена чувством, которое можно было бы назвать «спонтанным счастьем». Автор тоже не в состоянии найти слова, способные пусть бегло, но достаточно адекватно описать то, что творилось в ее сознании. Пытаясь передать такое сложное чувство, как любовь, мы постоянно сталкиваемся с неадекватностью слов: любовь лежит за пределами языковых средств, с их помощью можно лишь слегка, приблизительно наметить ее очертания — подобно крупномасштабной карте, способной дать лишь общие характеристики конкретной местности.



*Как мило быть здесь с тобой!*

Однако Алиса все-таки пыталась что-то сказать Эрику в постели в то самое первое их утро. Она произнесла: *«Как мило быть здесь с тобой!»*

Неудивительно, что она терпеть не могла слова. Боже мой! Такое обилие ощущений, а выражены они короткой и нелепой фразой *«Как мило быть здесь с тобой!»*. Вот он, пресловутый язык! Слова сплелись в гигантское решето, сквозь которое провалилось все охватившее ее в то первое утро богатство чувств, и бедолаге Эрику досталась лишь жалкая их горсточка: ей, видите ли, с ним мило!

Но если б только слова были виною общей неопределенности!



Отягощенные бременем романтического ожидания, Алиса и Эрик решили: пусть взаимоотношения развиваются сами собою. Они станут видаться тогда, когда им обоим будет удобно, когда встреча их будет совершенно естественной и не омраченной никакими посторонними соображениями.

Они обсуждали этот вопрос по телефону во вторник после первого их совместного уикенда, и разговор строился по канонам современного этикета, требовавшего необязательности.

— Думаю, лучше нам с самого начала не так уж углубляться — ты понимаешь, что я имею в виду? — спросил Эрик.

— Не углубляться? Конечно, понимаю. Ты совершенно прав. Ничего нет хуже, как сразу делать отношения слишком близкими. Мы должны посмотреть, как все будет развиваться, я имею в виду, постепенно.

— Очень важно, чтобы у каждого оставалось свое личное пространство.

— Конечно. У каждого должна быть своя собственная жизнь — за пределами отношений.

— Правильно.

— Кстати, а ты не хочешь сегодня вечером сходить в кино? — предложила Алиса. — В «Нэшнл» идут фильмы Вима Вендерса.

— М-м-м... Вряд ли у меня получится. Я сейчас занят.

— Ничего, я просто спросила. Ну, тогда через пару деньков что-нибудь придумаем.

— Лучше я сам тебе позвоню к концу недели. Понимаешь, полно всяких дел.

— Отлично.

- Я позвоню непременно!
- Прекрасно! Значит, скоро поговорим.
- Пока, рад был тебя услышать.

Своим друзьям — и себе самой — Алиса объявила, что вступила в фазу «зрелых взаимоотношений». Что она имела при этом в виду, сказать трудно, вероятно, мужчина, который отказывается сходить с тобой в кино и призывает к сохранению личного пространства, считается более «зрелым», чем влюбленный, бьющийся в истерике всякий раз, когда предмет обожания хоть на минуточку исчезает из поля зрения.

Но несмотря на отсутствие регулярности, связь их обрастала всеми ловушками романтического сценария. Обмен письмами, ночные разговоры по телефону, букеты, ожидавшие Алису под дверью, — букеты с карточками, на которых было начертано: *«Ты мой цветок, с любовью, Эрик»*.

На этой стадии обозначенная Эриком «любовь» пока еще поддавалась анализу. Когда они ходили куда-то поужинать, разговор вертелся в основном вокруг вопросов, поднимаемых газетами для интеллектуалов. Они как бы не испытывали нужды углубляться в прошлое, Алиса еще не составляла для Эрика каталога своих разочарований и, мучаясь ревностью, не выпытывала его любовного прошлого. Стремление влюбленных к гармонии оставляло вопрос о том, что действительно их объединяет, за скобками.

В определенном смысле они друг друга не слушали. Когда Эрик спрашивал у Алисы (чаще всего безотносительно к тому, о чем они только что говорили): «Не понимаю, что такая умная и чувствительная девушка, как ты, нашла в таком скучном и жалком банкире, как я?», она слышала

не «скучный» и «жалкий», а прямо противоположные по смыслу слова.

Она поставила на рабочем столе в офисе моментальный снимок любимого и частенько взглядывала на него, отыскивая в его чертах подтверждение своим чувствам. Она вспоминала, какая у него кожа, припоминала маленькие особенности, обнаруженные в приглушенном свете спальни, — веснушку в углу рта, след от шрама за левым ухом. Она видела лукавое выражение его лица, слышала его мальчишеский смех — и у нее перехватывало дух от желания.

Ибо желание способно возникать в самых неожиданных обстоятельствах, при этом воображение услужливо заполняет пустоты — этот феномен не обязательно сопутствует исключительно первым стадиям любви.

Когда киностудии набираются смелости экранизировать «Анну Каренину», «Эмму» или «Грозовой перевал», они неминуемо рискуют предать представления читателей о главной героине. Очарование литературного персонажа зависит от сложного комплекса, состоящего из намеков и неопределенности. Критики указывают, что в «Анне Карениной» Толстой ни разу не дал точного описания внешности своей героини, но вряд ли это можно считать упущением со стороны великого художника. Такова прерогатива литературного произведения, свободного от тирании зримого образа: полностью отдать его на откуп воображению читателя. С какой стати Толстому было докладывать нам, как конкретно выглядела Анна? Если писатель считает свою героиню прекрасной и хочет, чтобы и читатель считал ее таковой, тогда ему достаточно сказать, что она прекрасна, а уж сам читатель проделает остальную работу — в конце концов, он лучше знает, от чего конкретно у него текут слюнки.

Поэтические ассоциации строятся на умело выбранных деталях. Когда Артюр Рембо написал свою знаменитую строчку «*Heureux, comme avec une femme*»\*, он минимальными описательными средствами сумел ухватить состояние влюбленности. Фраза балансирует на грани банальщины, спасает ее только универсальность, потому что при чтении этих слов — «*Heureux, comme avec une femme*» (или же «*avec un homme*») — перед взором читающего предстают его собственные окрашенные сепией воспоминания. Одним приходят на память завтраки в постели, другим — прогулка в Марэ воскресным утром, перед мысленным взором третьих всплывает, как они, держась за руки, шли по Банхофштрассе, четвертые же вспоминают объятия в Нихонбаши.

А вот если бы Рембо написал: «*Heureux comme avec une femme portant un tailleur Saint-Laurent, avec un cappuccino, une édition du Figaro et une table au Café Flore dormant sur le boulevard Saint-Germain*», то есть: «И словно с женщиной, одетой в костюм от Сен-Лорана, с чашечкой капучино и с экземпляром «Фигаро» за столиком кафе «Флори» на бульваре Сен-Жермен...», большинство населения планеты почувствовало бы в этих строчках что-то иностранное, чуждое. Только те, кто бывал в Париже,

- \* Из стихотворения Артюра Рембо «Предчувствие» (1870). Последняя строфа звучит так:

Мне бесконечная любовь наполнит грудь.

Но буду я молчать и все слова забуду.

Я, как цыган, уйду — все дальше, дальше в путь!

И словно с женщиной, с Природой счастлив буду.

Цитируется по книге: Артюр Рембо. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. — Литературные памятники. М.: Наука, 1982. Издание подготовили Н. И. Балашов, М. П. Кудинов, И. С. Поступальский. Перевод М. П. Кудинова.

любил женщин в одеждах от известных кутюрье, женщин, которые хаживали в любимое кафе Сартра, читали серьезную французскую газету правого толка и имели вкус к кофе, могли бы ностальгически вздохнуть и сказать: «Как я помню те дни...»

В то время, когда у Алисы начался роман с Эриком, ее агентство занималось рекламой сети курортных отелей «Отпад». Во время затянувшегося совещания клиент проинформировал сотрудников агентства, что он хотел бы, чтобы их отели ассоциировались у потребителей с роскошью, молодостью и романтическими отношениями. Команда криэйтеров выкурила триста сигарет и выдала предложение: черно-белая фотография парочки, целующейся в гостиничном номере, и короткая подпись: «*Такой Доступный Рай*».

Вопрос о том, что общего имеет с раем гостиничный номер с его обычным набором услуг — доставкой в номер завтраков, обедов и ужинов, телевизором, мини-баром, фирменными махровыми халатами, — благоразумно оставили без обсуждения. У каждого имеется свое собственное представление о рае, и в иные из этих представлений, вполне возможно, входят и поцелуи, и объятия в гостиничных номерах (потом описываемые как «божественные» — пардон, это шутка). Но это вовсе не означает, что и другим рай рисуется в виде типовых гостиничных зданий из бетона где-то на северо-западе Англии.

Однако избавленные от ненужных подробностей и рекламируемый отель, и не до конца описанный возлюбленный (возлюбленная) приводят в действие порою бесплодное воображение. Словно потребитель рекламы, лишенный излишних и, возможно, мешающих деталей касательно

цвета постельного белья в данном гостиничном номере или напора воды в душе, Алиса тоже еще не имела ясного представления о характере Эрика — для этого требовалось и время, и возможность увидеть этот характер сквозь призму различных его проявлений. Образ Эрика был еще достаточно нечетким, и потому соответствовал ее желаниям и не вызывал разочарований.

## РАЗДУМЬЯ

В первую неделю мая в Челси на набережной открылся ресторан, вызвавший сенсацию. В городе — точнее, в том маленьком и привилегированном кругу, который уверен, что именно он и составляет «весь город», — только и говорили что о «Милтимае». Колесо моды совершило очередной оборот и вынесло своих приверженцев к дверям этого заведения общественного питания. С яростью новообращенных они принялись уверять всех и каждого, что только в «Милтимае» ужины обретают полноту смысла. Они будут придерживаться этого убеждения до той поры, пока не возникнут другие, более актуальные кулинарные верования, и тогда вера в этот ресторан будет предана и Иерусалим падет.

Алиса тоже несколько раз поминала в разговорах этот ресторан — довольно презрительно, что типично для тех, кто не надеется побывать в культовых заведениях и потому может позволить себе презирать тамошних завсегдатаев. Она же не подозревала, что в пятницу утром обнаружит на своем автоответчике сообщение от Эрика: он зарезервировал столик на восемь тридцать вечера! Не догадывалась она и о том, что такой сюрприз способен изменить ее мнение о «Милтимае» на прямо противоположное.

«Милтим» проповедовал идеологию открытости: в противовес традиционным представлениям, что кухни, то есть места, где готовится еда, вроде бы и не существует, здешняя кухня была выставлена на всеобщее обозрение. От посетителей ее отделяла только панель из толстого стекла, и каждый мог наблюдать пассы шеф-повара. Дизайн обеденного

зала также отвечал идее, поскольку ни вентиляционные ходы, ни электрические кабели, ни водопроводные трубы в стенах скрыты не были, а с потолка на спиралевидных шнурах, похожих на щупальца гигантской гидры, спускались галогенные лампочки.

Подаваемые здесь блюда соответствовали лишенному декоративных панелей и прочих финтифлюшек внутреннему убранству. Мы можем уподобить всяческие архитектурные излишества соусам, которые нивелируют вкусовые оттенки и различия между входящими в состав блюд ингредиентами. Соусы — своего рода компромисс, в то время как еда должна говорить сама за себя. И здешние блюда также смело обнажали свою структуру, им была присуща смелость палитры художников-примитивистов.

Среди закусок вы могли встретить ломтики пикантного пармезана, уложенные на подложку из листьев салата-латука, все это было щедро залито оливковым маслом (не извлеченным от холестерина) и подавалось на больших керамических тарелках. Присутствовал также тунец — не консервированный, а самый что ни на есть натуральный, его сопровождали приготовленные на шампурах овощи — как правило, это были темно-лиловые баклажаны в соседстве с жизнеутверждающими красными перцами. Ресторан посмел придерживаться традиционных ценностей, но был в воплощении их столь искусным, что это казалось новацией: к примеру, жареная картошка не стеснялась себя и была жареной картошкой во всей ее красе, эдаким воплощением философии Платона. Десерты были столь же нескромными — чего стоила гора густого взбитого шоколада на щедром куске развратнейших в своей спелости манго или папайи!



Рестораны способны захватывать воображение способами, которые недоступны другим коммерческим предприятиям, предназначенным для удовлетворения иных, менее насущных appetitов. Ощущения, получаемые их клиентами, сродни эротическим, а «Милтим» вообще возбуждал что-то вроде истерии. Столики надо было заказывать задолго вперед, всяческие знаменитости так и норовили пролезть без очереди, здесь в любое время суток можно было встретить поп-звезд и известных бизнесменов, политиков и художников, и все фешенебельные журналы и газеты отметились публикацией об этом заведении как «сенсации последнего десятилетия».

Еще недавно Алиса была обречена на одинокое поглощение консервированных супов, да и вообще она не привыкла к модным ресторанам, так что, оказавшись с Эриком в пятничный вечер в популярнейшем «Милтима», она впала во вполне простительную восторженность.

— Это просто фантастика! — воскликнула она, оглядывая зал со своего места: заказанный Эриком столик располагался в укромном уголке.

— Да, довольно приятно, — ответил Эрик тоном чело- века, который далеко не впервые ужинает с дамой в рестора- ции, объявленной «сенсацией десятилетия».

— Что ты закажешь? — осведомилась Алиса.

— О, полагаю, начну с крабов, а на второе — утку.

— А я никак не могу выбрать, здесь всего так много, хо- чется все попробовать.

В конце концов она сделала разумно-диетический выбор в пользу карпаччо из лосося и морского окуня. Оба эти блюда были отнесены обозревателями к категории совре- менной кулинарной классики.

Если мы в числе многих других посетителей ресторана выделили именно Эрика и Алису, то только потому, что она получала от всего происходящего особенное удовольствие, говорившее о сути и происхождении ее желаний.

Когда принесли первую перемену блюд, Алиса отметила, как восхитительно они выглядят, потянулась через стол и поцеловала Эрика в щеку.

— Чем я заслужил на этот раз? — иронически спросил Эрик.

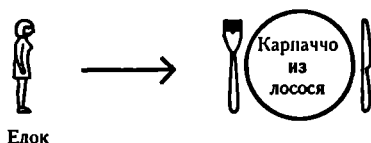
— О, всем, всем понемножку, — ответила Алиса и нацелила вилку на первый кусок.

— Потрясающе вкусно! — дoloжила она мгновение спустя.

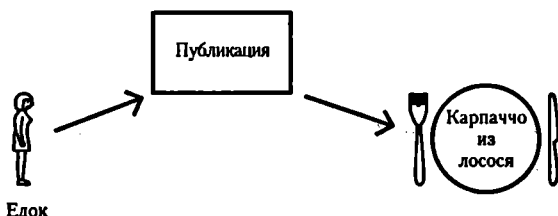
Поскольку восхищенная Алиса столь эмоционально проинформировала Эрика о том, что карпаччо из лосося великолепно, а ресторан выглядит элегантно, у стороннего наблюдателя могла возникнуть мысль о том, что ее радость вызвана исключительно едой и окружением. Но наблюдая за тем, как она ест, было легко заметить: ее энтузиазм вызван скорее ее представлением (именно представлением, а не фактом) о том, что она сидит и ест разрекламированное блюдо в ресторане, о котором говорят все и в котором только за последнюю неделю перебивало более дюжины выдающихся представителей кино, моды и музыки.

Это различие напоминает нам о двух моделях желания. Желание САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ: «Мне нравится этот ресторан, потому что *мне* по вкусу еда, которую здесь подают». И желание подражательное: «Этот ресторан определенно хорош, потому что *так считают все, кого я знаю*».

В первом случае желание напрямую связано с объектом:



Во втором же случае желание проходит сквозь промежуточный фильтр в виде газетных публикаций и высказываний знаменитостей:



«Все посетители ресторана «Милтим» сразу чувствуют себя как дома в очаровательном и элегантном интерьере, созданном знаменитым декоратором из Андалусии Хосе де ла Фуэнтой (он оформлял также интерьеры «Крок Мсье» в Мэйфэре). Мы призываем вас насладиться восхитительными блюдами из морепродуктов, божественным видом на реку и возможностью отведать более двадцати кушаний из рыбы и омаров. Шеф-повар — француз, а атмосфера способствует романти-

ческим и утонченным ужинам. Цены также разумны — около 25 фунтов стерлингов с человека, без напитков, выбор которых широк и вдохновляющ. Карпаччо (6,95 фунта) быстро приобретает статус классики, его, как уверяют источники, неизменно выбирают элегантные звезды моды и музыки, ставшие завсегдатями «Милтима». Мы также рекомендуем поленту, красного люциана с перцем и тунца на гриле. Здесь стоит побывать. Ресторан-чемпион!»

Но вернемся к двум типам желания. Алиса всегда была склонна ко второму, то есть подражательному, а не самостоятельному типу желаний, отчего ее выбор одежды, обуви, ресторанов и любовников диктовался высказываниями и представлениями других.

На прошлой неделе она смотрела в Национальном театре «В ожидании Годо» Сэмюэла Беккета. Критики захлебывались от восторга, публика обсуждала спектакль серьезно и со страстью, и Алиса сказала Эрику, что купит билеты. Но в театре она едва сдерживала зевогу. Диалоги казались надуманными и нелепыми, а паузы такими длинными, что смысл, и так малопонятный, ускользал совсем. Мир двух бродяг был от нее очень далек, она не хотела иметь ничего общего с его печалью и абсурдом.

Когда в середине первого действия Эрик уронил программку, она наклонилась, чтобы ее поднять, и улыбнулась ему — улыбка могла означать «Правда, это ужасно?», однако это все же была не гримаса, а улыбка, допускавшая двоякое толкование. В антракте она воздержалась от того, чтобы первой высказывать суждение, опасаясь, что ее мнение не совпадет с мнением Эрика и трех его приятелей, также же банкиров, которых он пригласил сходить с ними.

— Это величайшая из всех созданных в двадцатом столетии пьес, — объявил Эрик после того, как разбавил свой джин тоником (они расположились в укромном уголке переполненного бара). Вердикт был вынесен тоном, похожим на тот, в котором пишут на странице искусств в «Таймс». — А сама постановка — лучшая из всех лондонских постановок за последние пятнадцать лет.

Мнение Эрика, хоть и достаточно смелое, было поддержано его друзьями-банкирами, и поскольку все они с

важным видом кивали и называли постановку величайшей (из всех, на которых ей до сих пор приходилось зевать), Алиса, мнением которой наконец-то заинтересовались, поддерживала всеобщий энтузиазм.

Более того: во время второго акта она не только не скучала — она даже начала получать удовольствие. А по окончании заявила (хоть и почувствовала при этом легкий укол совести), что впредь будет «ходить только на Беккета».

Поведение Алисы кажется шокирующим только потому, что в последние четыре сотни лет философы, политики и люди искусства настаивали на самостоятельности — мол, свободен лишь тот, кто способен спонтанно выражать свои стремления, следовать велениям своего сердца, чье мнение не зависит от мнения большинства, кто бежит толпы и диктата моды. В высказывании насчет того, что «весь мир — театр, а люди в нем актеры», уже содержится порицание. Стремления этих «актеров» (как правило, к славе, деньгам и власти) социально обусловлены и потому как бы слегка неправильны. И актер, изъясняющийся высоким штилем, всего лишь повторяет слова, написанные кем-то, кто в данный момент пребывает за сценой. Так Алиса, выражавшая в ресторане восторг от карпаччо из лосося, всего лишь повторяла слова, рожденные аппетитом и пером кого-то другого.

Алиса, по крайней мере, была способна уловить перспективу, чтобы — в интервале между закуской и основным блюдом — заметить, что она счастлива побывать в «модном месте».

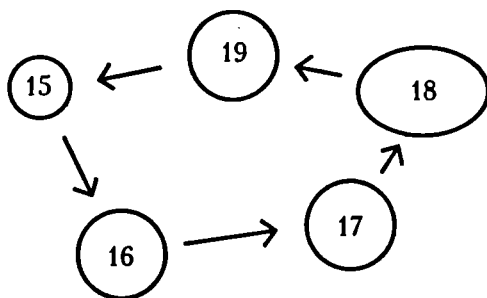
Но что означает желание «побывать в модном месте?»

Это означает желание побывать в месте, которое сочли *модным другом*.

Это означает стремление находиться в самой гуще событий, участвовать в ключевых моментах, к которым прикованы все взоры и которые в результате обретают неоспоримую значимость. В предыдущие эпохи желающие «побывать в модном месте» устремлялись в Рим, Мекку или Иерусалим, обращали свои взоры к монархам или столпам мысли. Именно такие личности или места были средоточием ценностей, предпочитаемых большим количеством народа. Но с упадком массовых идеологических течений произошла путаница понятий, и теперь в каждом большом городе был не один неоспоримо модный ресторан, а сотни ресторанов и прочих мест, претендующих на статус особо модных.

На короткий период истории данный ресторан обрел статус пупа земли, и хотя многие жаждали получить здесь столик и посидеть в воспетом заведении, в их рвении присутствовал некий парадокс.

Посетители разглядывали друг друга в отчаянных поисках тех, чья значимость уже получила общественное подтверждение. Люди за столиком номер 14 думали, что те, кто расположились за столиком номер 15, более умны и интересны, чем они сами, читали то, что обитатели столика номер 14 по какой-то причине не смогли или не успели прочесть, что их друзья более интересны, чем друзья едоков за четырнадцатым столиком. Но занимавшие столик номер 15 втайне думали то же о сидевших за столиком номер 16, те с аналогичным внутренним беспокойством взирали на столик номер 17, семнадцатый — на восемнадцатый, и так далее.



При этом в самом ресторане не было «центра», «ядра»: сердцевина его могла располагаться где угодно — в холле, в большом аквариуме, в котором копошились огромные омары, или у окон, где находились самые престижные столики (к сожалению, Эрику такой столик не достался). «Милтим» достиг успеха, искусно создав впечатление, что он сам по себе является центром, средоточием, сумел стать объектом соблазна, фактически ничем особенным от других ресторанов не отличаясь.

— Здесь все по-настоящему хорошо одеты, ты не находишь? — спросила, оглядывая зал, Алиса.

— Наверное, — промычал Эрик, более заинтересованный поданной ему уткой.

— Посмотри на эту пару. У него знакомое лицо. Он не на телевидении работает?

— Не знаю.

— Скорее всего, да. Он ведет шоу, ну, то самое, где людей интервьюируют в ванной. А блондинка с ним просто потрясающая, такая красавица, что никто не устоит. Может, она модель? Никогда не видела такой роскошной фигуры. Уверена, она, чтобы позволить себе полакомиться

салатом, неделю ничего не ест. По крайней мере, на своего спутника она особого внимания не обращает.

Алисе нравилось разглядывать людей в ресторанах и воображать (или узнавать), какую жизнь они ведут. Эта игра придавала особую остроту отношениям. В том, что Алиса часто спрашивала партнера, какие именно женщины ему нравятся и почему, а потом рассказывала, кто из присутствующих мужчин понравился ей, заключался намек на то, что, несмотря на влюбленность, она вполне способна привлекать чье-то внимание и обращать на кого-то свое собственное.

Однако Алиса интуитивно почувствовала, что развлекаться подобным образом с Эриком нельзя — у этой игры были строгие правила: привлекательность другой женщины можно замечать только в том случае, если не сомневаешься в своей собственной. *Я позволяю тебе говорить о привлекательности других, потому что убеждена в твоих чувствах ко мне.*

Обаяние Эрика и легкость, с которой он вступил в отношения с нею, не позволяли Алисе шутить на тему о неверности. Но не стоит нам испытывать к ней жалость, поскольку Эрик нравился ей еще и тем, что нравился другим женщинам. Ее чувства к нему по сути чем-то напоминали ее энтузиазм по отношению к ресторану: ощущение того, что они оба желанны и ценимы другими, прибавляло ее желанию определенный оттенок.

Когда Эрик перед походом в ресторан выбирал галстук, он позвонил Алисе и спросил ее совета.

— У меня столько галстуков! — пожаловался он. — Все дареные.

— Мне тебя искренне жаль! — ответила Алиса. — Как подумаю обо всех этих сотнях женщин, которые потратили



тяжким трудом заработанные деньги, чтобы купить тебе галстук... И ты еще жалуешься.

Ремарка о сотнях женщин была неслучайной. Алиса искренне верила, что Эрик знал многих женщин, и эта мысль, хоть и не лишенная доли ревности, на другом уровне была, как ни странно, приятной.

Любовь для нее была сопряжена с восхищением. «Не могу любить мужчину, которым не восхищаюсь», — часенько говорила она. Восхищение же безусловно предполагает, что данным объектом восхищаешься не только ты, но и другие. Внимание мужчины в итальянских ботинках и костюмах, сшитых на Сэвил-Роу, который, несмотря ни на что, из сонма обожательниц выбрал именно ее, освобождало ее от комплекса неполноценности. То, что другие желали его, а он желал ее, служило драгоценным подтверждением ее собственной значимости.

Следовательно, мужчина, в чьем шкафу висели сотни галстуков — знаков любви, был более желанным, чем мужчина с одним-единственным галстуком, и Эрик совершенно естественно не собирался лишать ее иллюзий, потому что большинство галстуков хоть и были дареными, но не пламенными почитательницами, а на различных презентациях — в наборе с прочей рекламной продукцией.

По возвращении из ресторана Алиса сказала Сьюзи о том, как привлекательно выглядел Эрик, что привело к развернутому диалогу о мужчинах и их внешнем виде.

Сьюзи давно утверждала, что страдает комплексом Квазимодо.

— Стоит мне встретить горбуна, или однорукого, или еще какого калеку, как я сгораю от любви.

— Боже! Как ты можешь? Мне, конечно, очень жалко таких людей, но я не смогла бы с ними встречаться.

— Почему? Разве не интереснее встречаться с человеком, чья привлекательность не кажется очевидной?

— То есть как?

— Потому что только ты знаешь, чем он замечателен и сексуально привлекателен. И вообще, когда любишь кого-то, какое значение имеет, что об этом человеке думают окружающие? — спросила Сьюзи, чей нынешний возлюбленный Мэтт хоть и не был одноруким горбуном, однако мог бы быть на несколько дюймов повыше и на несколько фунтов полегче.

— Я тебя не понимаю. Я не могла бы встречаться с тем, кто выглядит недостаточно презентабельно. Помнишь Криса, ну, того, что за мной бегал? Он был очень милый, но такой неуверенный в себе, такой неуклюжий! Я не могла быть с ним рядом, потому что мне все время приходилось как бы делать скидку на его неуклюжесть и неуверенность.

Сьюзи обладала завидной способностью считать что-то плохим или хорошим, не интересуясь мнением других. Например, она считала один польский ресторанчик лучшим в Лондоне, хотя никто из ресторанных критиков ни разу и словом о нем не обмолвился, и любила человека, на которого все остальное человечество не обращало никакого внимания.

Алиса же, готовая рухнуть под грузом общественного мнения, понимала, что за привлекательного мужчину приходится расплачиваться невозможностью обмениваться с ним коварными суждениями о достоинствах и недостатках скучающих по углам модных ресторанов блондинок.

## СЕКС, ШОПИНГ И РОМАН КАК ЖАНР ЛИТЕРАТУРЫ

За Алисой водился еще один грешок: оно обожала шляться по магазинам.

— Помнишь, я тебе рассказывала о том местечке в Кэмдене? — спросила она у Эрика на следующее утро.

— Как я могу забыть? — ответил он, погружившись в финансовый раздел субботней газеты.

— Так вот, говорят, что в этом магазине весь месяц будет сейл.

— Бог милостив.

— Я уже тысячу лет ищу себе подходящий кардиган, там наверняка такие есть.

— Какие?

— Вот как на ней, — и она показала ему картинку из модного журнала. — Тебе нравится?

— Хм, — ответил Эрик.

— Такой кардиган стоит целое состояние. Мог бы изречь что-нибудь более вразумительное, нежели «хм».

— Извини. Как прикажешь реагировать? Хорошо. Этот кардиган представляет собою триумф западной цивилизации в производстве шерстяных изделий. Это апогей дизайнерской мысли, цветок модной индустрии, Мона Лиза среди кардиганов...

— Отлично! В таком случае, ты со мной туда съездишь?

Эрик согласился, но в тот день Кэмден оказался не единственным пунктом назначения. В «том» магазине кардиганов нужного размера не оказалось, зато оказались сандалии, которые глупо было бы не купить, раз уж они

забрались в такую даль. На обратном пути они проезжали через Ноттинг-хилл, а там продавались просто фантастические индийские пуговицы. И уж поскольку они все равно попали в Ноттинг-хилл, то оттуда рукой подать до Кенгс-сингтона. Из Кенгссингтона они совершенно естественно переместились в Южный Кенгссингтон, откуда буквально два шага до Кингз-роуд. И если уж ты очутился на Кингз-роуд, следует воспользоваться случаем и прошвырнуться по Вест-энду и Бонд-стрит с заходом в Ковент-гарден.

Из вояжа Алиса вернулась обладательницей не только вожделенного кардигана, но также пары сандалий, сережек, трех пар колготок, нескольких совершенно необходимых предметов косметики и флакона духов. К ее восторгу, Эрик оказался отменным шопинг-партнером, он не выказывал ни малейших признаков характерного для мужчин нетерпения и даже настоял на том, чтобы заплатить за пресловутый кардиган, а ведь самостоятельное приобретение его пробило бы изрядную брешь в Алисином бюджете. День явно задался: кассовые аппараты беспрепятственно считывали кредитные карточки, продавцы все сплошь были отменно вежливы, таксомоторы не заставляли себя ждать. Они пообедали в маленьком кафе возле Гановер-сквер, вернулись в квартиру Эрика в Онслоу-гарденз и страстно занялись любовью прямо на кушетке, среди пакетов из полудюжины модных лондонских бутиков.

Публикация в 1856 году «Мадам Бовари» в «Ревю де Пари» принесла Гюставу Флоберу славу автора первого в мире романа о сексе и шопинге. По крайней мере, «Мадам Бовари» была первым романом, в котором психологическая связь между этими двумя видами деятельности

была подмечена и подробно описана. И хотя Эмма шокировала современников в основном тем, что пошла на адюльтер, то ведь к падению ее подтолкнули долги, вызванные неумеренной страстью к приобретению модных нарядов. Трата денег была для мадам Бовари упражнением в распутстве, связанным с рискованными поездками в разбитом экипаже и прочими сомнительными удовольствиями.

Одобрял ли Флобер секс и шопинг? И можем ли мы утверждать, что его знаменитая фраза «Мадам Бовари — это я» говорит не только об одобрении романтического склада характера, но также и о глубоком понимании соблазнов потребления?

Возможно, решающее значение имеет тот факт, что потребительский и сексуальный оргазм привели мадам Бовари к краху именно в тот момент, когда индустриальный капитализм переживал «потребительскую революцию» (по крайней мере, так называют этот период историки) и когда пуританизм девятнадцатого века изо всех сил сопротивлялся некоторым прогрессивным тенденциям в освобождении женщин. Исходя из этого попытки запретить роман могут расцениваться не только как намерения моралистов запретить секс, но и как призыв, в первую очередь, наложить запрет на излишнее потребление. Как только аргументы против секса без зачатия стали терять свою религиозную убедительность, так все большую силу стали набирать аргументы против приобретательства без нужды (примечательно, что между публикациями «Мадам Бовари» и «Капитала» Карла Маркса прошло всего одиннадцать лет — последний вышел из печати в 1867 году). Связь между нападками на потребление без необходимости и половой акт без зачатия слишком очевидна: в обоих случаях остракизму

подвергалось удовольствие, в частности удовольствие, получаемое женщинами, а в роли гонителей выступали, как правило, мужчины в цилиндрах и при окладистых бородах.

Движущей силой обуревавших Алису желаний было огромное количество прочитываемых ею ежемесячных журналов. Они отличаются буйством красок, с которым книги соперничать не могут, их чистые, шелестящие, глянцевые страницы похожи на блестящее, словно отполированное, яблоко. Алиса часто шутила, что хотела бы «раствориться в журнальных страницах», «журнализировать свое существование».

Объединяет эти журналы ощущение яркости, отсутствующей в обыденной жизни. Это мир, в котором прекрасные существа замирают на фоне замшелых стен — когда они рекламируют осеннюю коллекцию, или вечно сидят в миланских кафе, одетые исключительно в хлопок — когда рекламируют коллекцию весеннюю. В этом мире красавцы держат в объятиях красавиц, а те призывно изгибаются; модели, одетые в легчайшее и струящееся, томным взором окидывают морские дали; гигантские тюбики губной помады и роскошные красные платья соседствуют с мощными спортивными автомобилями и тропическими фруктами.

Журналы — это инструменты желания, при этом они предлагают решения различных житейских проблем и, следовательно, берут на себя функцию моралистов. Но хотя они утверждают, будто их единственная цель — удовлетворять потребности читателя, они эти потребности формируют: их главная задача — коммерческая, они призваны заставить читателя затосковать по сотням вещей, которые он,

читатель, мог бы приобрести, и к литературе это никакого отношения не имеет.

Журналы должны были заставить Алису чувствовать себя несчастной. Они не говорили ей о том, что одежда, которую она носит в этом сезоне, вполне сойдет и на следующий год, что внешность значит вовсе не так много, что вовсе не важно, кто твои знакомые и в какой цвет выкрашены стены у тебя в спальне. Разделы, посвященные моде, должны были заставить ее опечалиться тем, что в ее гардеробе отсутствуют именно эти вещи; разделы, посвященные путешествиям, талдычили о том, что в мире полно уголков куда более солнечных, чем тот, в котором обитает она, а под рубрикой «Стиль жизни» публиковались материалы, после прочтения которых становилось совершенно понятно, что у нее нет не только стиля, но и жизни.

Мадам Бовари читала романы, Алиса, мечтательница современная, читала журналы, но между этими двумя видами деятельности существует важное структурное сходство. И роман, и журнал выступают в роли магазинной витрины, в которой выставлен другой, более совершенный мир, стимулируя желание стать участником иной, обманной реальности.

Рожденные исключительно фантазией автора, романы XIX века, тем не менее, изо всех сил и с помощью избыточных деталей старались выглядеть правдоподобными, чем отличались от других развлекательных жанров. В романах тщательнейшим образом описывались дома и ландшафты, нравы и внешность, и чем правдоподобнее все это выглядело, тем острее становилось желание. И хотя сюжеты были зачастую необычными (на их развитие влиял

лунный свет или, скажем, неожиданное наследство), сама техника изложения, изобилующая деталями, заставляла читателя верить, что такое действительно может происходить либо в городе, либо в отдаленной деревеньке, в которых он, читатель, никогда не бывал. А поскольку ему или ей докладывалось и о масти лошадей, и о числе веснушек на руке, и о том, как солнечный свет отражался от старого револьвера, читатель охотно прощал героине ее бегство в отдаленный шотландский замок, где нашу девственницу с веснушчатými руками ждал богатый и до невозможности добросердечный лендлорд — естественно, чтобы заключить с нею законный брак. И во имя истинной любви стрелял старый револьвер, и ревнивый и гадкий соперник откидывал копыта.

Журналы продолжают эту традицию заигрывания с возможным, приукрашивая грязную действительность. Здесь есть статьи о том, каким лаком красить ногти для подводной охоты у берегов Маврикия, советы, как создать сады Семирамиды на заднем дворе в Южном Лондоне и как приготовить блюда, достаточно интересные, чтобы возбудить аппетит, но до того сложные, что приготовить их в обычной жизни совершенно невозможно.

Интерес Алисы к такого рода литературе был вовсе не случайным. В нем отражался более глубокий интерес к вопросу о собственной индивидуальности: неуверенная в том, кто она есть или кем хочет быть, она, совершенно естественно, была склонна получать подсказки из самых разных источников. Поиски кардигана представляли собой попытку загнать собственную сумятицу в русло уже существующего стиля, смоделировать себя по образу, предъявленному



кем-то другим. Это был способ элегантной и дорогой мимики, сокращения потенциальной бесконечности черт до нескольких штрихов, идентифицирующих ее с уже признанной социумом формой.

Мода сама по себе основана на шизофренически хитрой системе признания того, что есть хорошо и что есть плохо, на двойном и вечно переменчивом стандарте того, что «в» и что — «вне». В описании этого явления без метафоры не обойтись: представим моду в виде дома, в который каждый волен войти, но из которого каждый может быть изгнан. В этом месяце единственно истинными признавались рукава раструбом, низкие вырезы и мягкие ткани. В определенных кругах особо ценились пуговицы с замысловатым индийским орнаментом и волосы, скелотые в узел при помощи большой шпильки. Ювелирные украшения считались «вне», женщины, носящие мужские наручные часы, напротив, объявлялись «в», длинные платья — «вне», платья из джинсовой ткани — «в», кашемир — «вне», шелк — «в», румяна — «вне», тональный крем — «в», лиловый цвет возвращался, оранжевый считался преступлением. Дизайнеры сражались за многослойность одежды, и выживание видов зависело от того, правильно ли индивид надевает свободного покроя длинную рубаху или тунику поверх легинсов.

Такие представления проникали в умы не по какому-то одному, центральному каналу, а сквозь мельчайшую и разветвленную сеть капилляров гигантского организма *вкуса*: переменчивого, непредсказуемого чудища, которому прислуживали его гомункулы — молодые, знаменитые, богатые, творческие и красивые, все они были ингредиентами постоянно взбалтываемого коктейля. Бурление в этом

коктейле не замирало ни на мгновение, потому что представления о том, что хорошо и что плохо, зависели не от каких-то особых свойств объекта, а от места, которое этот объект занимал внутри целой системы. Сам по себе неизменный кардиган, в данный момент считающийся элегантным, мог бы с таким же успехом быть признанным дизайнерами реакционным или даже ложным. Способен ли был некий кардиган возродить блеск и славу двадцатых годов XX века или — и это величайший из грехов! — он был всего лишь тщетной попыткой некоего дизайнера воскресить концепцию бурлящих двадцатых, тех самых двадцатых, которыми и так уже все уши прожужжали?

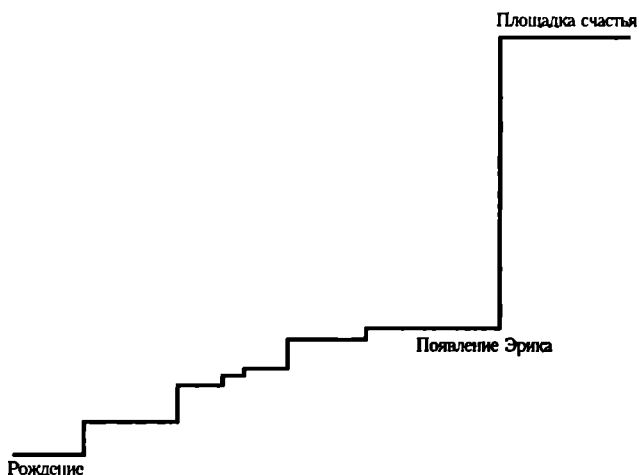
## ЦИКЛЫ СТИРКИ

В зависимости от настроения взгляды Алисы на жизнь (если позволено столь высокопарное выражение) колебались между двумя концепциями: концепцией *лестницы* и концепцией *сушилки*.

Пребывая в «лестничном» настроении, она воспринимала все происходящее как доказательство того, что жизнь хоть и медленно, но неуклонно движется вверх, к счастью и покою, которые она обретет на верхней площадке. Она, конечно же, понимала, что бывают и периоды движения строго по горизонтали, но верила, что вопреки этим периодам мучений, самоотрицания и тоски вектор все равно останется вертикальным. Когда она сравнивала себя с той, какой она была в детстве, угрюмом отрочестве или студенчестве, она чувствовала, что ей с успехом удалось расчистить препятствия прошлой жизни, обрести веру в себя и ясный взгляд на окружающих.

Появление Эрика было, конечно же, воспринято как гигантский скачок вверх.

Наконец-то он объявился, тот, кто сделал ее счастливой, рядом с которым она чувствует себя так комфортно, кто спас ее от приступов тоски на вечеринках и одиноких вечеров у телевизора. Их отношения казались свободными от очевидных неурядиц ее прежних связей, в нем была восхитительная уравновешенность, основанная на здравом смысле. Казалось, Эрик точно знает, чего он хочет, у него сформировавшиеся взгляды на действительность, он старше ее (ему было уже за тридцать), он имеет четкие мнения по поводу политики и экономического положения, он уверен в мире и в своем в нем месте.



Однако следует отметить, что в «лестничном» настроении присутствовали и защитные функции. Алиса вела себя так, как ведут себя некоторые люди, всеми силами пытающиеся достичь богатства: заработав свои десять миллионов, они не могут удержаться и всячески подчеркивают этот факт.

Таких людей называют «новыми богачами», поэтому Алису можно было бы назвать «новой довольной». Так вот, наша «новодовольная» в прежние, темные времена приобрела себе подруг, с которыми ее объединяло причиненное мужчинами зло. Этих ее «товарок по несчастью» звали Белинда и Маргарет. Они частенько собирались на кухне Белиндиной квартиры в Клапэме, где за кофе и слишком обильным количеством бисквитов обменивались рассказами и шутками.

Но теперь Алиса перебралась на другую ступеньку и избегала встреч, а общение с ними перепоручила автоответ-

чику. Они напоминали ей о прошлом, которое она стремилась забыть, привязывали ее к постыдной теперь несчащливости. Она глядела вниз со своей лестницы и неминуемо впадала в преувеличенную независимость, подобно подростку, который всячески старается подчеркнуть свою самостоятельность, осознав, что слишком долго держался за маменькин фартук как в эмоциональном, так и в финансовом плане.

Настроение *сушилки* коренным образом отличалось от вышеописанного. Вы помните, как работает сушилка для белья? Ее основной принцип — цикличность. Это вращающийся барабан. Заложите внутрь некоторое количество вещей, и во время вращения они расположатся в барабане в одном им ведомом порядке: то в окошечке мелькнет пара джинсов, затем вдруг носки, затем, возможно, рубашка, потом посудное полотенце и так далее. В окошечке видно не все белье, однако вращение барабана заставляет вещи проплывать перед вашим взором через определенные интервалы времени. И если назвать джинсы счащьем, носки — состоянием внутреннего подъема, рубашку — скукой, а посудное полотенце — страданием, то процесс сушки можно сравнить с процессом жизни, когда то, что ты однажды уже испытывал, через какое-то время к тебе возвращается, все в жизни повторяется и существование носит циклический характер.

Отношения Алисы с Эриком длились уже чуть больше месяца, что совпадало с натиском весны. Лондон был необыкновенно хорош, столь же очаровательны были и пригородные деревеньки с их старыми скособоченными домами и деревьями в цвету на фоне бледно-голубого неба. Алиса

чувствовала, что жизнь ее наконец-то началась, что земное счастье, о котором она так долго мечтала, вполне достижимо. Помимо жизни эмоциональной складывалась и жизнь деловая, потому что в офисе поговаривали о ее скором повышении — ее вклад в рекламную кампанию по продвижению на рынке смягчителя для изделий из шерсти был оценен весьма высоко.

Последний уикенд был особенно примечательным. Пятничный вечер они провели в «Милтимер», в субботу отправились за кардиганом и прочими приятными вещичками, вечером встречались со старым другом Эрика, который прилетел из Нью-Йорка, а потом потанцевали в клубе неподалеку от Пикадилли. В воскресенье утром по предложению Алисы сходили в музей возле моста Тауэр, пообедали на террасе ближайшего к музею бара, а потом, стараясь не удаляться от набережной, прошлись до площади Парламента.

Вскоре после того, как они вернулись к Эрику, тишину разорвал громкий раскат грома. С запада неслись черные тучи, они сгруппировались над столицей и разразились дождем — в лучших традициях британского климата, который не может не отомстить за целых пять солнечных дней кряду.

— Это невероятно! — воскликнула Алиса, выглядывая из окна гостиной на Онслоу-сквер, которое секли струи воды. — Прямо потоп какой-то!

— Они предсказывали дождь целую неделю, — откликнулся Эрик.

— Ну и что? Я никогда прогнозам не верю. И какой в них толк? Мне всегда кажется, что если погода хорошая, то она будет хорошей вечно.

Климат молил о переменах. 22 июня угол наклона земной оси составляет 23,5 градуса к северу, следовательно, в этот день солнце находится в тропике Рака. Поэтому в Лондоне лето достаточно теплое, чтобы принимать солнечные ванны, чтобы Эрик мог после работы играть в теннис и чтобы они могли завтракать в патии на его заднем дворе. Однако из-за того, что 22 декабря солнце находится акkurat в тропике Козерога (угол наклона земной оси — 23,5 градуса к югу), лондонские зимы ужасны — на деревьях отсутствует листва, ночи темные, а в час пик невозможно поймать такси.

— Разве не замечательно жить там, где всегда тепло? — размечталась вслух Алиса. — Ну, понимаешь, не нужно было бы покупать теплую одежду, платить за отопление, и настроение всегда было бы хорошим...

— Хорошее настроение всегда-всегда?

— Ну да!

— Тогда человек не был бы самим собой.

— Ну, я была бы собой, но в прекрасном солнечном настроении.

— Вряд ли погода способна так влиять на людей.

— Но на меня-то она влияет!

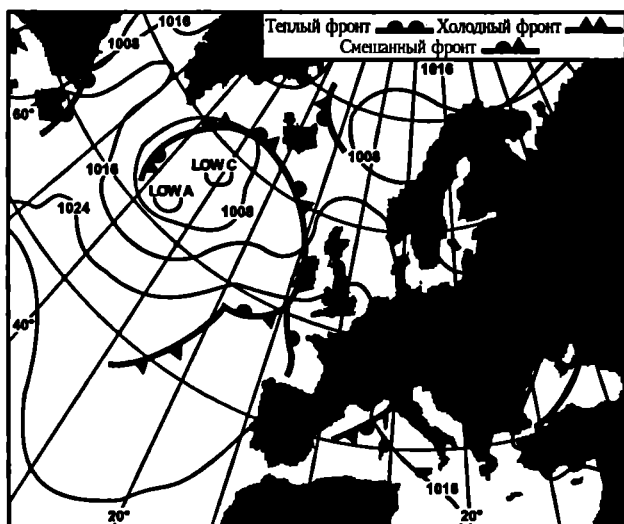
— Я совершенно забыл, что ты — своего рода исключение.

— Избавь меня от своего сарказма. Ученые давно доказали, что так оно и есть.

В детстве Алисе довелось год прожить в Мексике, и с тех пор она сохранила привязанность к экваториальным регионам земного шара. Метеорологи утверждают, что между 15-й и 30-й широтами весь год дуют теплые ветры, правда, там часто случаются ливни, но климат по преимуществу

стабильный. Температурные перепады минимальны, они колеблются между 20-м и 30-м градусами выше нуля, отчего смена времен года почти незаметна.

Но в северной температурной зоне, в которой развивается история Алисы и Эрика, субтропические и субполярные воздушные массы постоянно между собою враждуют, циклоны и понижение давления несут с собой влажный морской воздух. В результате идет постоянная метеорологическая борьба, теплые фронты сражаются с холодными, при этом создаются временные альянсы в областях взаимного поглощения фронтов. В тот день, когда Алиса наблюдала за пресловутым дождем, конфликт метеоинтересов выглядел приблизительно следующим образом:



Эрик же к дождю интерес потерял и включил телевизор. Шла программа, посвященная экономике и финансам,



в ней обсуждалась деятельность какой-то расположенной на севере Англии фирмы по производству шарикоподшипников. Алиса пристроилась на краешке кушетки, обняла его и с любовью взглянула на его устремленный к экрану серьезный профиль.

— Чего ты хочешь? — спросил он довольно резко, не поворачивая головы.

— Ничего.

— Тогда почему ты меня разглядываешь?

— Просто так. Ты такой милый, когда вот так поглощен передачей.

— Хорошо, тогда сиди тихо, потому что с этими людьми нам предстоит сделать одно дело, так что помолчи.

— Ничего, если я тебя поцелую? Всего один тихий, незаметный поцелуй? — игриво осведомилась Алиса и, нырнув вбок, чмокнула его в губы.

— Алиса, Христа ради, оставь меня в покое! Я пытаюсь смотреть передачу, но не могу, когда ты меня теребишь.

— Извини.

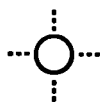
— Не могла бы ты для разнообразия хоть на секундочку подумать о других, а не о том, что тебе, черт подери, в данную секунду стукнуло в голову?

— Я же уже извинилась!

Эрик молчал. Алиса встала и направилась в кухню попить. Открыла холодильник, налила воду в стакан, выпила несколько глотков и вылила остаток в раковину. Взглянула на часы, села на кухонный стул и задумчиво провела рукой по лицу. На широте рта, примерно в сантиметре с четвертью к северу от его угла, она заметила признаки надвигающейся дерматологической катастрофы. Когда это началось, она сказать не могла, но где-то в течение

дня (а может, и ранее) одна из сальных желез закупорилась и теперь, в знак протеста против принудительного застоя, собиралась выдать вулканический прыщ. Все вокруг эпицентра приобрело иные характеристики — кожа натянулась, напряглась в ожидании извержения. Или — что еще ужаснее! — извержение не состоится, а скрытое воспаление продержится несколько дней, угрожая перерасти в воспаление постоянное.

И пока одна часть ее сознания была занята размышлениями о прыще, другая часть с клинической отстраненностью отметила, что Эрик впервые выказал свое раздражение, а ведь он до того был с нею неизменно вежлив (имеется в виду не вежливость в обычном понимании — ну, вроде пожимания рук и всего такого, а в том смысле, что он никогда не демонстрировал раздражительности — ни ей, ни по ее поводу). Это «оставь меня в покое» символизировало первую претензию на отстаивание своего «я», а прежде это «я» демонстративно угождало Алисе — подавало ей пальто, и пропускало вперед, и придерживало дверь.



Она не могла понять отчего, но, сидя на стуле в темной кухне Эриковой квартиры, вдруг ощутила внезапную и резкую утрату веры в себя. Всего лишь несколькими минутами ранее она была уверена в своей способности выжить во взрослом мире, без запинки произносить требуемые по роли слова, и вот в одно мгновение все снова скрутилось в тугую спираль самобичевания и презрения к себе.

Ее уверенность всегда была крайне хрупкой конструкцией, требующей постоянной поддержки. Она могла сохранять веру в себя и в других только при благоприятных обстоятельствах — если ей удавалось добиться желаемого или если ее симпатия к кому-то была взаимной. Но эта вера в себя походила на шину с дырочкой — ее все время приходилось подкачивать, а когда это оказывалось невозможным, она быстро погружалась в состояние, при котором весь предыдущий оптимизм выглядел в ее глазах наглым притворством, и всю ее жизнь небеса были затянуты тучами и шел дождь, и рука Господа настигала ее, и нечего было даже пытаться уклониться от неминуемого удара.

— А не заказать ли нам на ужин пиццу? — крикнул из соседней комнаты Эрик. — Мне неохота готовить или куда-то выходить.

Он лежал на диване, запустив руку в штаны и почесываясь.

— Тебе обязательно этим заниматься? — спросила Алиса.

— Чем заниматься?

— Ну, вот этим.

— А чего ж не почесать, если чешется?

— Очень милое зрелище.

— Или ты хочешь чего-нибудь китайского? Можем, в конце концов, заказать и карри. Чего бы тебе хотелось?

В контексте заданного вопроса ответ показался бы совершенно неуместным, но Алисе до чертиков захотелось сказать Эрику: «Чтобы ты меня обнял». Больше, чем пиццы, карри или лапши, ей (что звучит совершенно иррационально) захотелось расплакаться, а в ответ: «Почему?». Сказать: «Потому что мне грустно». Она почувствовала

себя совершенно разбитой, неспособной скоординировать свои реакции с запросами окружающей действительности. Ей хотелось, чтобы ей позволили разнуниться в теплых объятиях, выплакаться всласть, пока она не сможет снова собрать воедино осколки бытия.

— Э-э-э, видишь ли, мне не хочется... Я не хочу есть.

— Что?

Она не находила в себе сил, чтобы высказать свои чувства: все, что ей хотелось, — это чтобы он просто посмотрел на нее и сказал: «Понимаю, понимаю».

Вместо этого он заявил:

— Что это ты стоишь с лицом матушки Бэмби, словно тебя только что подбили? Я ведь только осведомился, чтобы ты хотела съесть.

— Извини.

— Да не за что извиняться. На самом деле такое выражение тебе идет.

— Послушай, думаю, мне пора домой. Я должна закончить кое-какую работу. Хорошо?

— Отлично, Бэмби.

Часом позже, уже лежа в собственной постели, Алиса с горечью размышляла о том, как часто меняется у нее настроение — словно телеканалы, которые переключает вечно недовольный дьявол, дорвавшийся до пульта дистанционного управления.

---

<i>Канал 1</i>	Она уверена в себе, ей комфортно в собственном теле, она энергична, любопытна, весела и легко контактирует с окружающими.
<i>Канал 2</i>	Она раздавлена грузом непонятных страхов, растеряна, у нее полный упадок сил, она ни с кем не способна общаться.
<i>Канал 3</i>	Физическое состояние, при котором ее тело становится вялым и неуправляемым, словно холодная, серая овсянка.
<i>Канал 4</i>	У других и трава зеленее, и жизнь куда интереснее, чем у нее.

---

Когда она размышляла о «поисках себя», то имела в виду нечто большее, чем нахождение исключительно только себя, — она подразумевала под этим нахождение *какого-то* канала, по которому транслировались бы стабильность и покой, и тогда этой адской сушилке-отжималке пришел бы конец.

## СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

В этот вечер Алиса получила первые сигналы того, что ее идеализированный возлюбленный не является зеркальным отражением ее романтических ожиданий. Это не значит, что он не стоит мечты, просто его личность, оказывается, не зависит от ее проекций.

Но если в отношениях Алисы и Эрика начали возникать напряжения, основанные на определенном диссонансе, то в чем основа этого диссонанса?

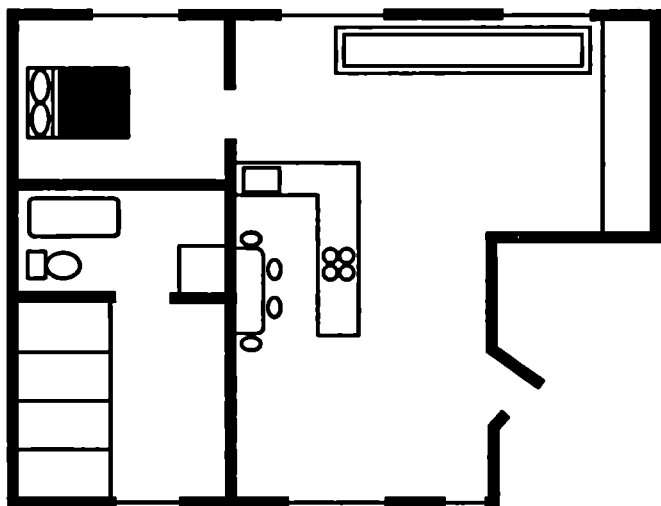
Пытаясь выявить причины расхождений между людьми, мы — при отсутствии четких линейных диаграмм — иногда вынуждены пользоваться второстепенными деталями. Именно эти детали оказываются порою поводом для раздоров.

### *1. Дизайн интерьера*

За месяц до их встречи Эрик завершил наконец ремонт квартиры — он хотел, чтобы интерьер был выдержан в минималистском японском стиле, и нанял для этой цели архитектора. Он мечтал о такой стилистике лет десять — с тех самых пор, как ему в руки попала книга, посвященная интерьерам Востока, — но лишь недавно его финансовое положение упрочилось настолько, что он смог осуществить свою мечту.

Встроенные шкафы и светильники, голые полы из светлого японского дуба, стены без всяких карнизов и лепнины, вместо штор — жалюзи, укрепленные прямо на рамах. Двери — гладкие, с хромированными ручками в стиле

«баухаус», все поверхности на кухне — из нержавеющей стали, как в столовых и ресторанах. На стенах в ванной комнате — простая белая плитка, в центре — сделанная из кедрового бруса ванна, раковина вырезана из цельного куска каррарского мрамора и покоится на основании из йоркширского песчаника. Пол в спальне покрыт татами, фuton на ночь раскладывается, а днем убирается в стенной шкаф. Совершенно белые стены оживляют несколько произведений современной американской живописи, кое-где разбросаны черные и стальные кубы и кольца из покрытой патиной меди.



Банк командировал Эрика на год в Японию, по будням он изучал валютные рынки, а по выходным — культуру страны. Он не мог похвастаться глубокими знаниями, а начитанность его была в лучшем случае поверхностной: отчаянно зевая, он продрался сквозь «Хризантему и меч» Рут

Бенедикт, ненадолго припал к Мисиме и преодолел отрывки из Кришнамурти и Алана Уотса. Восток привлекал Эрика скорее интуитивно, нежели благодаря глубоким академическим познаниям.

Ближе к середине мая он повел Алису в японский ресторан на Финчли-роуд, где над блюдом с суши попытался объяснить природу своих предпочтений.

— Ты только посмотри, как четко организовано пространство на этом блюде, как аккуратно уложены крохотные кусочки лосося, как тщательно они обернуты. Во всем присутствует логика, которая мне в японском подходе больше всего и нравится.

— Да, замечательно, — откликнулась Алиса. — А что это за белые штучки?

— Макрель.

— А розовенькие в центре?

— Имбирь. А еще что замечательно в этих блюдах, так это то, что можно съесть хоть целую тарелку, и все равно потом будешь чувствовать себя чистым и легким, в отличие от ужасно тяжелой западной еды, в которой все перемешано.

Говоря о Востоке, Эрик оперировал несколькими ключевыми понятиями: *легкость, порядок, логика, чистота, пространство*. Он обнаруживал эти качества повсюду — в суши, в черных лакированных коробочках, в которых подавали еду, в свежести деревянных палочек, в спокойной атмосфере ресторана. То же он видел и в храмах Киото, в каллиграфическом искусстве мастеров дзэн, в немногих хайку, которые он запомнил.

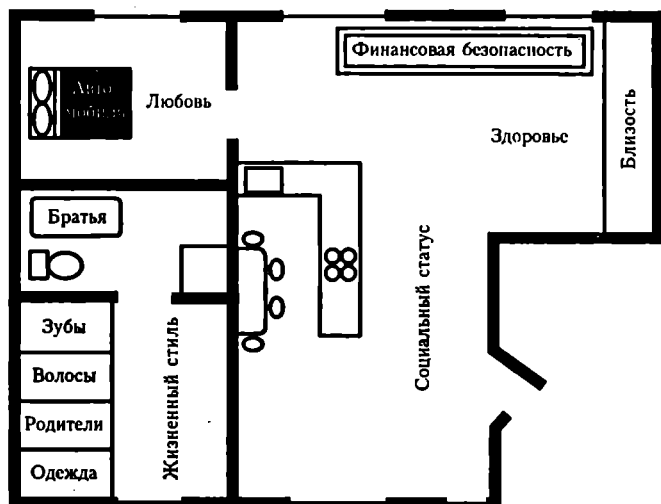
Когда одетая в кимоно официантка налила им чай, он продолжил:



— Мир настолько перенаселен и сложен; в восточной эстетике меня привлекает то, что в ней ценится пространство, что в ней есть рациональность. Потому я и выбрал для своей квартиры такой дизайн — я хочу, чтобы после хаоса, царящего в моем офисе, дома меня ждал оазис покоя. Сама идея о том, что все открыто, все на виду, предполагает, что в таком доме нет места пыли, грязи или ненужному бараклу, что все четко и аккуратно. Я хотел, чтобы в моем доме не было ничего лишнего. В детстве мне пришлось походить под парусами, а на гоночных яхтах все устроено очень разумно, там нет места для мусора или бесполезного груза.

Интерес Эрика к дизайну интерьеров простирался до самых незначительных мелочей. Он потратил уйму времени, чтобы отыскать соответствующие его представлениям будильник, штопор или калькулятор, он тщательно выбирал аксессуары для ванной комнаты, кухни и спальни, а также радиаторы, выключатели, ножи и вешалки для полотенец.

Как можно интерпретировать эту страсть к аксессуаризации? (Позволим себе этот современный неологизм.) Возможно, как попытку контролировать все в своем окружении, потому что Эрик желал быть уверенным, что ничто в его жизненном пространстве не предоставлено на волю случая — от зажима для бумаг до винной пробки, от электрической лампочки до кухонной вытяжки. В большинстве домов ящики забиты предметами, уволенными, так сказать, по сокращению штатов, предметами, может, и имеющими сентиментальную ценность, но лишенными какой бы то ни было ценности эстетической. Для Эрика это означало бы, что что-то идет не по плану — как в доме, так и во всем остальном.



Расстановка мебели представляет собой как бы зеркало того, кто эту мебель расставляет, интерьер без слов говорит о характере своего владельца. Когда психоанализ обратился к лечению детей, специалистам пришлось столкнуться с проблемой «оздоровительных бесед» с теми, чьи разговорные навыки были далеки от совершенства. Теоретики вроде Кляйна, Анны Фрейд и Уинникотта вскоре поняли, что дети с успехом могут *выражать* свой внутренний мир невербальными средствами, используя в основном игрушки и другие объекты. Ребенок, не способный говорить о своих проблемах, мог с помощью деревянной палочки или мотка шерсти изобразить, разыграть поддающийся толкованию конфликт. Подобным же образом (хотя сам Эрик яростно противился бы такой интерпретации своих эстетических воззрений) мы могли бы сказать и об Эрике, что его вкусы в игровой форме выражают его внутреннюю суть.

Поскольку он думал о жизни с функциональной точки зрения, то предпочитал, чтобы и в его жилище все было организовано соответствующим образом — дабы его социальные, финансовые, романтические и сексуальные устремления могли воплощаться максимально логично и гармонично.

И поскольку его существование казалось четко упорядоченным, то имелись основания предполагать, что он очень боялся хаоса и из-за этого острее, чем другие, реагировал на беспорядок. Паутина, корзина с грязным бельем, разбитое окно или тарелка производили на него большее впечатление, чем можно было ожидать от человека, на работе постоянно имевшего дело с хаосом и суматохой. Когда Алиса оставляла на полу груды газет и журналов, это непременно вызывало раздражение и саркастические комментарии.

— Ну и что с того, что я оставила телепрограмму? — ответила Алиса (разговор происходил в воскресенье утром).

— А то, что я терпеть не могу, когда кругом раскиданы газеты.

— Но я собиралась вечером все убрать.

— Значит, ты хочешь сказать, что мы бы ушли из дома и оставили весь этот бедлам?

— Вообще-то, я так и собиралась сделать, но поскольку, как я понимаю, за такое преступление меня ждет Нюрнбергский процесс, то я, так и быть, уберу сейчас.

Подобным же образом он впадал в панику каждый раз, когда оставляли перекрученным телефонный провод (точнее, когда на нем было больше трех витков), когда не клали на место — над телевизором — пульт дистанционного управления или когда самовольно переставляли книги на

книжной полке (его библиографический метод предполагал, что книги должны быть выстроены по размеру, и «Сокровища Лувра» соседствовали с «Великими мгновениями Уимблдона» только потому, что по параметрам они составляли идеально гармоничную пару).

В семье, в которой вырос Эрик, за фасадом буржуазной респектабельности скрывались менее приятные проблемы. Еще когда Эрик был совсем юным, отца — юриста по профессии — по таинственным причинам уволили. Он ввязался в ряд сомнительных предприятий по покупке недвижимости в Ирландии, в результате чего семья оказалась в долгах. Мать Эрика, строгая, но невероятно дисциплинированная и мужественная женщина, с помощью своего наследства сумела довести сыновей до окончания государственной школы. Отец пристрастился к алкоголю, в пьяном виде был склонен к насилию, и мать ухитрялась скрывать эти его приступы ярости и от себя, и от детей, и от соседей по тогда престижному району Ноттинг-хилл, где обитала семья.

И Эрик стал человеком, который из всех сил стремился держать под контролем и окружающее его пространство, и окружающих его людей, и профессию. Медицина привлекла его своей безопасностью и престижностью, но в конце концов ему надоело еле-еле сводить концы с концами. Стремясь оградить себя от долговременных финансовых проблем, он переключился на банковскую деятельность, в которой и преуспел. Но в нем все-таки осталось что-то от игрока, он еще был способен на риск — но только в определенных обстоятельствах, при условии, что все остальное в его жизни разложено по соответствующим полочкам.

Что касается Алисы, то в ее спальне минимализмом и не пахло — разве что ее размер. В ней хранилось все, что только могло храниться, и декорирована она была в самых кричащих тонах. С одной стороны от постели располагались книжные полки, забитые книжками в бумажных обложках, при этом классика соседствовала с далекими от классических произведениями. Рядом с полками стоял маленький черно-белый телевизор с комнатной антенной, над которым висела большая пробковая доска с набором ярких фотографий. Здесь были снимки маленькой Алисы и ее семьи на пляже, фотографии ее старого дома, ее собаки Гэтсби, друзей и бывших возлюбленных, тетушек и бабушек. Далее следовал комод, на котором валялись коробочки с косметикой, щетки для волос, разные флакончики, аэрозоли, ключи, стояла желтая керамическая ваза цилиндрической формы, которую она привезла из Бордо, и старое зеркало в викторианской раме, купленное на рынке в Уайтчепеле. Потом — стол со старенькой письменной машинкой, на которой западали буквы «г» и «у». На ней она иногда печатала свои письма. Ящики стола трещали от старых писем, пятнадцати томов ее дневников, которым она почти десять лет поверяла свои мысли. У противоположной стены стоял огромный гардероб, хранилище свидетельств истории изменчивой моды. Возле кровати высились две стопки журналов, а сверху — портативный радиоприемник с кассетным магнитофоном и грудой кассет.

После первой проведенной здесь ночи Эрик окрестил спальню Алисы «свалкой», каковым определением он регулярно и пользовался. В особенности он возражал против подушек и плюшевых зверушек, наваленных на ее постель.

Он почему-то особенно возненавидел одну подушку — розовую, мохнатую, в форме сердца, на которой было вышито «*Я люблю Рим*». Когда бы он ни оказывался в ее комнате, он обязательно запихивал подушечку в корзину для мусора или забрасывал ее поверх книжных полок, куда Алиса не могла дотянуться.

— Ах ты, маленький урод, почему ты не можешь оставить мою подушку в покое? — спросила Алиса, когда подушка снова оказалась на полках.

— Потому что это самая оскорбительная, уродливая, отвратительная, ужасная вещь, которую я когда-либо видел.

— Что ж, у тебя есть выбор: либо я и римская подушка — либо ничего.

Алиса ни на мгновение не могла бы помыслить, что подушка дорога ей как произведение искусства, однако таскала ее за собой уже десять лет. Потому что ее решение интерьера было скорее *эмоциональным*, чем *рациональным*, и выбор предметов обстановки и аксессуаров определялся не тем, насколько полно они соответствовали своим задачам, сколько вызванными ими побочными ассоциациями.

Подушку с сердечком подарил ей отец — он купил ее во время их последнего семейного путешествия по Италии, как раз накануне родительского развода, и об этом путешествии у Алисы сохранились самые теплые воспоминания. В мире, конечно же, существовало великое множество более элегантных подушек, из лучшего материала, не таких вульгарных по дизайну, но в каждой ниточке именно этой подушки была история, она стала воплощением того необычайного счастья, которое ассоциировалось у нее с последним семейным отдыхом много-много лет назад.

## 2. Чувствительность

Недавно Эрик и Алиса ужинали в маленьком испанском ресторанчике неподалеку от ее дома. И там между ними снова вспыхнула дискуссия, на этот раз предметом ее стал кролик, которого Эрик вознамерился выбрать в качестве основного блюда.

— О, Эрик, не надо! Неужели ты не можешь взять что-нибудь другое? — взмолилась Алиса.

— Что за глупости? Кролик выглядит восхитительно, тушеный в белом вине со свежими овощами... Вкуснотища!

— Мне отвратительна мысль о том, что кроликов употребляют в пищу, — сказала Алиса, у которой в детстве был любимый — не тушеный в белом вине, а абсолютно живой кролик, светло-коричневый, по кличке Забияка.

— Такие заявления отдают вегетарианским мистицизмом.

— Вы уже готовы сделать заказ? — осведомился подошедший официант.

— Да, готовы! — кивнул Эрик.

Через четверть часа на столе появился кролик на большом блюде, над которым клубился ароматный пар, и его оголодавший заказчик воздел над ним нож и вилку.

— О, бедный маленький кроличек, тебя сейчас слопает большой злой волк, — дразнился Эрик. — Только посмотрите на большого злого волка, чьи острые зубищи терзают прелестную сочную кроличью плоть!

— Сейчас же перестань, мерзавец, я действительно не понимаю, почему ты заказал именно кролика, хотя в меню сто миллионов блюд!

— Послушай, Алиса, это я не понимаю, с чего ты так взбесилась из-за какого-то чертова кролика? Ты с превели-

ким успехом ешь мясо, и единственная причина, по которой ты, как я понимаю, не можешь есть кролика, так это потому, что морда у него посимпатичнее, чем у коровы или овцы, а их ты лопаешь без всяких воплей! Интересные у тебя моральные нормы! Дарвину следовало бы выдвинуть другую теорию, согласно которой выживают милейшие.

Эрик продолжал поддразнивать ее по этому поводу, и даже на следующий день спросил: «Ну, вегетарианочка моя, сколько ты сегодня кроличьих клеток построила?»

Допускаю, что Алиса заслужила упрек в лицемерии (действительно, ну почему судьба кролика беспокоит ее больше, чем планида старой безобразной овцы?), однако и раздражительность Эрика по поводу ее сентиментальности также вызывает определенные подозрения. Его бесчувственность имела в основании не только логику (если овцы, то почему не кролики?): он вообще неловко себя чувствовал в ситуациях, когда кто-то разводил излишние сантименты. И редко удерживался от сарказма в адрес тех, кто распускал нюни по поводу сирых, убогих, одноногих, а также хромых уточек, несчастливой любви, плачущего ребенка и страдающих артритом бабушек. Этот сарказм намекал не неловкость, которую он испытывал рядом с очевидной слабостью.

Если он поддразнивал Алису всякий раз, когда она плакала, глядя «Историю любви» (а смотрела она этот фильм раз десять), то только потому, что остерегался печали, которую эти ее слезы символизировали. И неудивительно, что он бесцеремонно обрывал ее попытки пожаловаться на плохое настроение или на то, что она «чувствует себя толстой, как слон». Его нетерпеливые ремарки по поводу того, что она совершенно нормальная и даже красавица и не могли бы они сменить тему, на самом деле



значили: *«Все у тебя о'кей, у тебя все должно быть о'кей, потому что если у тебя не все о'кей, то я...»*

Дети — воплощение слабости, и противоположные взгляды на них Алисы и Эрика также говорили о многом: Алиса детей обожала, а Эрик не раз говаривал: «Если б у меня были дети, я б не мог дожидаться, пока они вырастут: терпеть не могу, как они верещат». Когда они ходили в гости к Джейн и общались с ее четырехлетним сынишкой Тимом, Эрик, как правило, задавал пару-другую самых простых вопросов, но поскольку Тим подспудно чувствовал антипатию, он замыкался в себе, умолкал и тарасился в сторону, и если мать вовремя не забирала его, разражался бурными рыданиями.

Если Эрик был не в состоянии расшифровать детский лепет, то Алиса прекрасно понимала, что именно хотел выразить ребенок, и с помощью своего воображения заполняла пустоты. Вполне зрелый в других отношениях, Эрик был на удивление инфантилен в своих реакциях, потому что он ожидал от других того, что дети обычно ожидают от родителей, а именно — непогрешимости. Он был не способен использовать свою силу, чтобы компенсировать слабости окружающих, не способен выступать в роли родителя, умеющего прощать чужие ошибки.

В один из уикендов их пригласили на ленч к друзьям, жившим в предместье Оксфорда, но Эрику надо было вернуться в Лондон пораньше, и они решили ехать на двух машинах. Алиса не очень хорошо знала дорогу, поэтому они договорились, что она будет ехать за ним. На своем BMW он привык ездить по скоростной полосе, и жутко злился, поскольку ему пришлось принаравливаться к неспешному ходу «фольксвагена-жука» Алисы. На перекрестках он

видел в зеркало заднего вида, как нерешительно вела себя за рулем Алиса. «Совсем как бабушка-старушка!» — злобно шипел он. На развязке под Редингом Алиса застряла, потеряла Эрика из виду и не смогла найти нужного съезда. Когда он увидел, что ее позади нет, он снова выругался, но к развязке не вернулся. В конце концов, у нее есть адрес, ей тоже продиктовали, как добираться, и карта у нее есть, следовательно, каким-нибудь образом она все равно доедет. Он предпочел нажать на акселератор, а не изображать из себя отца, прощающего Алисе ее автомобильную беспомощность.

По логике Эрика *чувствительность* означала снисходительное отношение к слабостям, а он испытывал уважение к тем, кто преодолевал препятствия с достоинством и высоко поднятой головой. Будучи личностью несентиментальной, Эрик презирал слабость и восхищался силой.

### 3. *Нагота*

В их самую первую ночь, всего через несколько часов после знакомства, Эрик уложил Алису на обеденный стол и сорвал с нее нижнее белье. Для Алисы период между первым обменом заинтересованными взглядами и первым половым сношением мог длиться от одного уикенда до нескольких месяцев, и она сама была ошеломлена силой собственного желания и стремительностью предварительных процедур. С одной стороны, она намеревалась сопротивляться, с другой — не желала склоняться перед устарелыми моральными нормами, диктовавшими приличным девушкам свои правила поведения. «Да какого черта!» — мысленно воскликнула она и поддалась требованиям момента. Она позволила Эрику энергично стащить с

себя платье, расстегнуть застежку лифчика и перенести себя, совершенно обнаженную, сначала на софу, а потом на кровать в спальне. При этом Эрик и сам радостно обнажался и раскидывал одежду по всему пути их следования.

После того как все было кончено, Эрик вылез из кровати, направился в кухню и вернулся с бутылкой воды и двумя стаканами. Вот это было зрелище — как он стоял, совершенно нагой, возле комода и разливал по стаканам воду, пародируя подобострастные манеры официанта из хорошего ресторана.

— У тебя что, нет купального халата? — спросила Алиса.

— Есть, но он разрушает посткоитальную эротику, — ухмыльнулся Эрик.

— А я думала, что когда коитус кончается, то и эротика заканчивается.

— Таковы традиционные верования, однако... — и Эрик многозначительно умолк.

С самой первой ночи стало понятно, что Эрик в своем теле чувствует себя необыкновенно комфортно. По части удовольствия от собственной физической формы он был сама непосредственность, и с такой же непосредственностью предполагал, что и другие к собственному телу должны относиться подобным образом и считать халаты или банные полотенца излишними. Он не видел необходимости задерживать шторы и скрывать от соседей страстный поцелуй, а завидев речку, джакузи, бассейн или еще какой водоем, с готовностью сбрасывал с себя одежду.

Алису восхищала его откровенность, которую — кроме мгновений всепоглощающей страсти — она сама была не способна разделить. Ее первым побуждением было схватить

халат или длинную майку, приглушить свет и бежать от беспристрастного взгляда большого зеркала. Тело — это совсем не то, чем следует без повода трясти по дому, поводом могут быть только занятия любовью, при этом надо быть уверенной, что мужская особь достаточно ослеплена страстью и ее способность к беспристрастной критике по вполне понятным причинам притупляется.

Эрику это служило поводом для подтрунивания. «Не понимаю, почему ты просишь меня закрыть глаза, если всего через полсекунды будешь лежать рядом со мной совершенно голая, — говорил он, когда она просила его отвернуться, а она всегда просила об этом, раздеваясь. — Не понимаю, почему мне нельзя смотреть, как ты идешь по комнате, если я и так знаком со всеми тайнами твоего тела».

Обнажаться для Алисы было мучительно. («И это — грудь? Это не ноги, это утиные лапы», — твердила она себе в моменты ненависти к себе.) Когда макияж был смыт, а одежда кучкой валялась на полу, она чувствовала себя беззащитной и жаждала получить от любовника поддержку. Он не должен был насмехаться над ней или использовать против нее «физические улики». Для нее тело было источником неприятностей, ее слабостью, чем-то, что делало ее зависимой от доброты и благорасположения других людей. Никакому рациональному объяснению это состояние не поддавалось, но без одежды она чувствовала себя настороже, ей требовалось постоянно уговаривать себя, что она может доверять близкому ей мужчине, — и при этом бороться с позывами удрать и запереться в ванной.

— Ты, идиот, а ну верни мне вещи! — умоляла она Эрика в то утро, когда он решил сыграть с ней шутку и припрятал всю ее одежду в стенной шкаф, о существовании

которого она не подозревала. — Даю тебе одну минуту, а потом звоню в полицию.

— Отлично, вот телефон, когда они приедут, они со мной согласятся: в раздетом виде ты выглядишь гораздо привлекательнее, чем в одетом.

— Эрик, ну перестань! А то я действительно рассержусь, — предупредила Алиса, стоя посреди гостиной, ни дать ни взять негодующая Ева после того, как у нее отобрали фиговый листок.

— Расслабься!

— Расслабиться? Тебе очень смешно, да? Что ж, отлично, ты нашел, как меня достать. А теперь, пожалуйста, отдай мне мои вещи.

— Все прекрасно, сладенькая моя, они в чулане возле кухни... Только не ной!

#### *4. Эмоциональная нагота*

Однако как ни гордился Эрик своей откровенностью по части физической наготы, была другая форма наготы, которая вызывала у него болезненную стыдливость. Для Алисы это было странно, и она не могла связать эту его стыдливость с ее стремлением спрятаться за фиговым листком. Эрик мог без зазрения совести резвиться нагишом в полях и лесах, но любая попытка заставить его обнаженным эмоционально заставляла его запахивать метафорический купальный халат.

Эмоциональную обнаженность трудно разглядеть, потому что ее невозможно четко определить. Нагота физическая — факт наглядный, поэтому современные ревнители философии удовольствий с их упором на физическую раскрепощенность легко отслеживают пуристов и прячут их

покровы. А вот «эго» укутано в тело, и, чтобы разглядеть и разоблачить эмоциональную стыдливость, требуется гораздо больше времени, хотя ханжей и скромников в этой сфере водится не меньше, чем в сфере физической наготы.

Эмоциональная обнаженность — это разоблачение собственных слабостей и недостатков перед другим человеческим существом, форма зависимости, которая лишает нас способности воздействовать на другого каким-либо иным образом, кроме как самим фактом нашего существования. Мы не можем более лгать или приукрашивать, хвастаться или скрываться за красноречием. Перефразируя высказывание Монтеня о миге, когда наступает смерть, в состоянии эмоциональной обнаженности мы вынуждены изъясняться на простом французском (или каком-либо ином языке, которому случилось быть нашим родным).

Я обнажаюсь эмоционально, когда говорю о своей настоящей *необходимости* — о том, что без тебя я погибну, что я вовсе не тот независимый человек, каким я пытался казаться, а жалкий слабак, что путеводная нить, ведущая меня по лабиринтам жизни, так тонка и так легко рвется! Когда я плачу и доверяю тебе самое сокровенное, я надеюсь, ты не расскажешь никому, потому что если другие об этом узнают, это меня уничтожит. Когда я перестаю играть в гляделки на тусовках и вечеринках и признаюсь, что только ты одна мне нужна, я срываю с себя тщательно сконструированную иллюзию неуязвимости. Я становлюсь таким же беззащитным и доверчивым, как привязанный к доске циркач, в которого его партнер швыряет ножи, и ножи втыкаются в дерево в считанных миллиметрах от моей обнаженной кожи, те самые ножи, которые я сам, по своей собственной воле, тебе вручил. Я позволяю тебе видеть

меня униженным, неуверенным в себе, нерешительным; видеть, как ненавижу я себя за это и потому не могу, не способен убедить тебя (да и так ли уж это необходимо?) поступать по-другому. Я утратил свою силу тогда, в три часа ночи, когда ты увидела мое искаженное паникой лицо, когда ты распознала мой страх перед жизнью и увидела меня без прикрас — без того буйного оптимизма, который я пригоршнями рассыпал перед тобой за ужином. Я пошел на риск и отдаю себе в этом полный отчет: хотя настоящий облик мой не годится для рекламных плакатов, хотя у тебя всегда под рукой длиннющий список моих страхов и фобий, ты, надеюсь, все-таки любишь меня.

Что же это такое — наши эмоциональные покровы? Это целый гардероб шмоток, сшитых для того, чтобы спрятать от посторонних взоров мягкое нутро, символическую генитальную уязвимость, великое и тайное признание: *«Ты мне нужна»*. Быть одетым — значит не отдаваться на милость того, кого ты не можешь контролировать, кто может причинить тебе боль или довести до психушки просто тем, что не отвечает на телефонные звонки или флиртует с другим (другой).

Эрик редко вступал в отношения, предварительно не удостоверившись в наличии полного гардероба одежд на двойной подкладке. Его целью было построить жизнь, в которой любовь не служила бы центральной опорой и при которой ему не пришлось бы сдать на милость победителя автономные основы собственного счастья.

Архитекторов, работающих в этой области, можно условно разделить на романтиков и практиков. Практики выучили основное правило: вес здания должен быть распределен между многими опорами (чем больше, тем лучше), чтобы в случае крушения одной опоры вес можно

было бы распределить между оставшимися, и так до той поры, пока цела хотя бы одна опора.

Эрик распределял вес здания: у него было несколько подружек-колонн (таким образом он сокращал опасность полного обрушения конструкции из-за отказа одной из них); он общался с большим количеством людей, и поэтому ему не грозил риск выпасть из единственного дружеского круга; и он зарабатывал достаточно денег, чтобы не утратить финансового статуса из-за одной-единственной неудачной сделки.



Алиса была архитектором другого типа, куда менее дальновидным, потому что она была склонна возлагать тяжесть всех своих желаний, ожиданий и надежд на одну опору, отчаянно уповая на ее несокрушимость.





Пребывая в настоящее время в роли опоры, Эрик, тем не менее, в высшей степени виртуозно уклонялся от исполнения этой роли, а также от принятия определенной позиции в их взаимоотношениях. Он не задавался вопросами типа: «А что *именно* я чувствую?», «Что *мы* здесь делаем?», «Чем *мы* займемся в следующий уикенд?»

Он сопротивлялся вовсе не потому, что пренебрегал достоинствами Алисы; просто он относился к ним как эмоциональный ханжа и не желал признать, что ему придется трудно без этих ее достоинств.

Поначалу Алиса принимала это как часть правил игры — в конце концов, в первые недели трудно ожидать, что влюбленные станут обсуждать, что они значат друг для друга (из опасения, что их чувства не взаимны). Будущее не обсуждается, если один из участников будущего не видит.

После того как любовники провели первую ночь любви, вопрос о том, когда они встретятся вновь — через несколько дней или же через несколько недель, — обычно приобретает серьезное значение. И вряд ли следует считать случайной фразу одного из любовников: «Может, мы сходим с тобой на эту пьесу в день моего рождения», если известно, что означенный день рождения состоится акkurat через две недели. Эта фраза представляет собой едва различимый, но все же определенный сигнал, говорящий о том, что они останутся любовниками хотя бы на означенный срок, то есть на две недели. И по мере развития отношений вполне разумно ожидать, что и временные рамки будут раздвигаться, вплоть до момента, когда один из участников процесса вдруг скажет: «Почему бы нам не начать копить деньги для поездки на лыжный курорт

в конце следующего года?» или даже: «А давай, когда выйдем на пенсию, отправимся в морской круиз?»

Временные рамки, предлагаемые Эриком, были сжаты до предела: они редко простирались далее чем на неделю. И хотя Алиса надеялась, что будущее вскорости станет более определенным, он все более изощренными способами уходил от опасностей хронологической самоотносимости.

Даже его объяснения в любви и те были закодированными. Как-то они посмотрели паршивый американский фильм о какой-то техасской парочке, которую разлучили обстоятельства, но их любовь превозмогла все препятствия. Исполнитель главной роли (в фильме его звали Билли) был невероятно похож на Эрика, что и он, и Алиса отметили по выходу из кинотеатра. В этот вечер Эрик был к ней особенно нежен и обнял ее, пока они шли к машине. Он хотел сказать ей, как прекрасно она выглядит и как он любит ее, но произнес это не так, как принято в его стране и на его социальном уровне, а спародировал манеру киношного героя.

— Моя медовая коврижка, ты — самая сладкая из всех, кого я видел в этой чертовой жизни, — сказал Эрик тягучим техасским голосом Билли.

— О, как хорошо ты это сказал! — ответила Алиса своим обычным голосом и нежно погладила его руку.

— Ты знаешь, ты лучшая штучка на этом берегу Миссисипи, — поэтически добавил Эрик-Билли.

— Неужели? Тогда кто та женщина с другого берега Миссисипи, к которой мне следовало бы тебя приревновать?

Эрик привык маскировать свои эмоциональные потребности под физические нужды. Когда ему хотелось внима-

ния Алисы, он чувствовал себя гораздо комфортнее, заявляя, что ужасно простудился, или что у него грипп, или что у него болит спина. Так мнимыми телесными страданиями он прикрывал истинную потребность в ее любви. Заболев, он облачался в вязаную шапку, кутался в одеяло и, лежа в постели, объявлял о неминуемой и скорой своей кончине.

— Сестра Алиса, придите на помощь страдалцу, будьте ангелом и дайте мне немножечко витамина С, — умолял он с «одра».

Разыгрывая скетч «Сестра и пациент», он избегал юридических ловушек, которые таились в сценарии на тему «Возлюбленный и возлюбленная»; простая потребность в обожании и ласке удовлетворялась просьбой принести ему еще капель от насморка и сиропа от кашля.

В июне Эрик летал в Гамбург на заключение выгодной сделки для своего банка, но вернулся в Лондон крайне разочарованным, потому что контракт перехватила какая-то немецкая фирма. За ужином он по большей части молчал и мрачно ковырялся в приготовленной Алисой еде. После этого уселся на диван с таким несчастным и унылым видом, что Алиса не выдержала и обняла его.

— Ты по-прежнему мой герой, и неважно, привез ты сундук с дойчмарками или нет, — сказала она, нежно глядя его по волосам.

— Ради бога, Алиса, прекрати, черт побери, меня жалеть! — рывкнул он.

Это была естественная реакция человека, живущего в мучительной уверенности, что он заслуживает любви исключительно за свои успехи.

## 5. Щедрость

Эрик всегда был щедрым человеком. Даже во времена относительного безденежья он первым предлагал «еще по одной» и норовил платить по ресторанным счетам. На дни рождения друзей он обязательно присылал цветы и подарки, участвовал в нескольких благотворительных акциях и приплачивал своей секретарше из собственного кармана. Когда они с Алисой отправлялись по магазинам, он часто расплачивался за ее покупки, прекрасно понимая, что зарабатывает куда больше нее.

Алиса провела уикенд у друзей в Дорсете и привезла Эрику подарок — местный сыр, аккуратно упакованный в фольгу.

— Его делают на крошечной ферме, там всего пара коров, и я даже не знаю, как это место называется, но я уверена — сыр тебе понравится, — сказала она.

— Как приятно! Никто и никогда еще не дарил мне сыров, — растроганным голосом ответил Эрик: его взволновала не столько экзотическая история происхождения подарка, сколько ее внимание.

Хотя и сам по себе вкусный, этот символ теплого отношения Алисы весил в его глазах куда больше, чем непосредственно кусок сыра: это было определенное бремя — бремя благодарности за любовь и заботу, воплощенную в даре. Его присутствие в холодильнике Эрика символизировало все те усилия, которые Алиса совершала ради него: она сходила на ферму, заплатила деньги, завернула сыр, положила его в сумку и привезла в Лондон. И все это она сделала для него! Что за прелесть! Что за тяжесть!

Неудивительно, что Эрик решил свалить это бремя благодарности со своих плеч и на следующий день подарил Алисе кольцо, которое они видели в магазинчике на Оксфорд-стрит и которое им обоим понравилось.

— Глазам поверить не могу! — завопила Алиса, открывая коробочку, и бросилась Эрику на шею. — Какой ты добрый и щедрый!

Да, в финансовом отношении Эрик проявил щедрость — кольцо было не из дешевых, но в эмоциональном отношении щедростью это назвать трудно: это была довольно жалкая попытка вернуть Алисе долг за кусок сыра ценою в пять фунтов стерлингов. Он хотел проявить свои более богатые возможности по части подарков не только потому, что любил дарить, но еще и потому, что ненавидел быть одариваемым: принять подарок — это в какой-то степени допустить посягательство на свою независимость.

Хотя в мире финансов долги — вещь недопустимая, мир дружбы и любви в какой-то степени строится на хорошо управляемой системе долгов. И то, что хорошо в политике фискальной, может быть плохо в политике любовной, поскольку это одна из особенностей любви — быть в долгу и маяться неуверенностью, потому что ты кому-то что-то задолжал, но мириться с этой неуверенностью и наделять займодавца правом выбора, каким образом и когда требовать возвращения кредита.

И хотя Эрик всегда вовремя оплачивал свои счета, к сожалению для Алисы, он не обладал аналогичной эмоциональной зрелостью, которая позволила бы ему забыть о долге и не спешить с его возвращением.

## ПОЗНАНИЕ ДРУГОГО

В первую неделю августа — к тому времени Алиса встречалась с Эриком уже более пяти месяцев — ей позвонила подружка, которая теперь жила в Голландии и с которой она познакомилась много лет назад в летнем лагере в Мас-сачусетсе.

— Давай посплетничаем, — заявила Моника. — Кто он такой?

— Его зовут Эрик, он банкир.

— И сколько это уже тянется?

— О господи, несколько месяцев, что-то около полугода, я полагаю.

— Сексуальный?

— Ну-у-у... Да.

— И какой он?

— Что значит: «Какой он?»

— Ну, ты знаешь!

— Нет, не знаю.

— Как это — «Не знаю»?! Ты же с ним встречаешься.

— Он... Ой, я даже не знаю, как объяснить, ну, он такой... Он такой немножечко странный, — сказала Алиса и рассмеялась, потому что сорвавшееся с языка слово «*странный*» удивило ее саму.

— Странный? — переспросила Моника. — Раньше у тебя все парни были такие нормальные... Что это на тебя нашло?

Алиса весь день размышляла: а почему ей на ум пришло именно это слово? И потом поняла, что именно оно, такое многозначное, отражает суть испытываемых ею ощущений

куда полнее, чем другие, более вежливые и корректные определения. Эрик был странным не в прямом смысле — он не считал себя Наполеоном и не ложился спать в пластиковой шапочке, однако в сумме все его проявления, все его поведение не могло быть определено иначе как «странное», потому что Алиса не могла отнести его ни к одной привычной категории.

Модель нашего поведения по отношению к другим в большой степени зависит от того, какой реакции мы ожидаем. Мы проецируем в уме карту, на которую нанесены характеристики другого человека, и пользуемся ею при выборе ориентиров — что и как говорить ему и как поступать. Приблизительная модель выглядит так: *«Если я сделаю или скажу X, он/она сделает Y...»* Усложненная и обогащенная, эта модель позволяет нам более или менее экспериментальным путем прийти к заключению, что мы *знаем* кого-либо. Алиса хорошо запомнила однажды увиденный ею плакат американской художницы Дженни Холцер. На плакате не было ничего, кроме следующего текста:

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ПОБЫСТРЕЕ  
УЗНАТЬ ЧЕЙ-ЛИБО ХАРАКТЕР,  
ВЫПЛЮНЬ НА НЕГО  
ПОЛНЫЙ РОТ МОЛОКА

До того, чтобы на самом деле плевать в людей молоком, Алиса еще не дошла, но время от времени развлекалась воображаемым «молочным тестированием»: как поведет себя вон тот мужчина, который сидит напротив в вагоне метро и читает спортивную газету? А какова будет реакция водителя такси или продавщицы из цветочного магазина?

Этот абсурдный воображаемый тест действительно позволял быстро выявить особенности чьего-либо характера — степень раздражительности, наличие чувства юмора, скрытую уязвимость. Со временем Алиса обнаружила, что реакции одних были вполне предсказуемыми, в то время как реакции других оставались совершенно непостижимыми.

Например, Алиса несомненно *знала* (в том смысле, что была способна предсказать), как в разных обстоятельствах будет вести себя ее коллега Зандра. Эта тридцатипятилетняя бухгалтерша сидела напротив Алисы. Она предпочитала желтые и винного цвета пиджаки, и контуры ее поведенческой карты прочитывались до смешного легко.

Возможно, от рождения Зандра была психологически сложной личностью, но вся ее жизнь была на редкость упорядоченной. Основным мотивом ее существования была печальная песнь о том, что другим суждена жизнь куда более насыщенная и интересная, чем ей самой, и что ее святая обязанность — ежедневно информировать окружающих о постигших ее чудовищных разочарованиях (делалось это за бесконечными чашечками кофе). Если Алиса рассказывала ей о том, какой замечательный уикенд она провела, первой реакцией Зандры были не слова: «Как я за тебя рада!», а: «Ну почему у меня никогда не бывает таких чудесных уикендов?» Если кого-либо из коллег повышали в должности, Зандра заявляла: «Они это сделали специально, чтобы мне насолить». Если через офис проходил какой-либо приятной наружности мужчина, то через несколько минут (Алиса даже специально высчитывала — временной предел колебался от одной до трех минут) Зандра затевала одну из своих бесконечных жалоб на то, каким докучливым может быть ее бойфренд, толстяк-электрик, до такой степени



лишенный каких-либо положительных качеств, что любой мало-мальски здравомыслящий человек обязательно задавался вопросом: и с какой стати Зандра с ним не расстанется? Даже самое обычное действие — вроде покупки сэндвича с начинкой на выбор в местной кулинарии — вызывало комментарий типа: «Почему мне никогда не удается придумать такую начинку?»

Алиса не испытывала к этой своей коллеге ничего, кроме легкого презрения, однако признавала, что в общении с Зандрой присутствовал элемент, к сожалению начисто отсутствующий в отношениях с Эриком. Она просто не *знала* его так, как *знала* Зандру, и в своем поведении с ним не могла положиться на такой четкий свод реакций, какие выдавала ей Зандра. Он по-прежнему оставался для нее фигурой в достаточной степени таинственной, кем-то, чьи внезапные вспышки гнева, припадки щедрости, эмоциональная слепота, чередующаяся с удивительными прозрениями, никоим образом не совпадали ни с одной из известных ей психологических моделей.

Например, порою у них совершенно не складывался разговор — что бы он ни сказал, все звучало напыщенно и нелепо. И она говорила:

— Сегодня мы словно совсем чужие...

— Неужели?

— Да, вчера вечером я чувствовала, что нам друг с другом хорошо, уютно, а сегодня мы так напряжены, будто только что познакомились.

— Что ж, такое случается, не так ли? Кстати, в холодильнике еще остались макароны?

(Эрик был большим мастаком сделать так, будто в неловкости виноват вовсе не он: в результате Алиса почув-

ствовала себя полной идиоткой, потому что затеяла этот разговор, а Эрик преспокойненько уселся доедать вчерашнюю лазанью.)

Алиса также не могла предугадать, когда и по какому поводу Эрик выйдет из себя. У нее появилась привычка в минуты беспокойства или нервозности теревить рукав его свитера и прятать в нем лицо. Как-то раз — они ехали в Хэмпстед — она повторила этот свой нервный жест, и вдруг Эрик внезапно ударил по тормозам и заорал:

— Не смей, мать твою, так делать!

— Делать что? — перепугалась Алиса.

— Хватать, черт, этот чертов рукав! — вопил он, от злости не способный даже четко сформулировать свои претензии.

— Извини, ну прости, о господи, ну что такого ужасного я сделала?

— А то, что меня это просто раздражает, понятно?

Но едва у нее появлялось искушение поместить его в один ряд с прочими вздорными ублюдками, которые взрываются по малейшему поводу, как он поражал ее спокойствием в ситуациях, в которых любой другой непременно бы вышел из себя. Когда она отправилась с визитом к одному клиенту в Питерборо, Эрик дал ей свою кредитную карточку, и она ее то ли потеряла, то ли забыла в телефонной будке на станции Кингз-кросс. Ополонув от ужаса перед тем, что ей предстоит, когда он узнает, что его драгоценная «Виза» исчезла где-то на забитой людьми станции, Алиса накрутила себя до такой степени, что с места в карьер объявила:

— Мы должны перестать встречаться.

— Что? Почему?

— Потому что я совершила нечто ужасное, и прощения мне нет, и лучше мы сразу со всем покончим, я только соберу вещи в спальне и вызову такси, нам некоторое время лучше не видеться, а потом, если...

— О чем это ты бормочешь? В чем дело?

— О черт! — воскликнула Алиса и закусила губу.

— Да что случилось?

— Я не могу тебе этого сказать.

— Но ты должна!

— Не могу!

— Не будь дурочкой, скажи, что произошло.

— Я потеряла твою кредитную карточку.

— И всего-то? О боже, ну ты меня и напугала.

— Ты что, на меня не сердишься?

— Нет, да никаких проблем, я сейчас позвоню в банк, они приостановят действие этой карты и в понедельник пришлют мне новую. Проще простого. Алиса, да не смотри ты на меня с таким ужасом, все в порядке, действительно, ну посеяла какую-то старую дурацкую кредитку, хорошо хоть, что не потеряла ничего по-настоящему ценного. Перестань, забудь, эта история яйца выеденного не стоит.

Алиса терялась от этой Эриковой изменчивости, она тосковала по определенности, она без конца вычерчивала эти самые карты, а потом перекраивала их в зависимости от геологических сдвигов его характера. А любовь наделяла ее желанием и силами интерпретировать всю эту путаницу в самом положительном ключе. Если он бывал раздражен, то только потому, что слишком много работал, если мрачнел и отказывался поддерживать разговор, то из-за того, что устал или проголодался. Временами она определяла Эрика как «человека, который сам поражен своей добротой, но

потом начинает бояться, что ею будут пользоваться, и старается замаскировать все свои лучшие качества напускной грубостью». А после его необъяснимых вспышек раздражения она говорила себе: «Не принимай это на свой счет, на самом деле он необыкновенно чуток и добр, но какая-то глубокая психологическая травма заставляет его изливать на окружающих гнев против самого себя».

В течение долгого времени она держала его неумение вступать в эмоциональный контакт в ящичке под названием «Робость». Именно этим она объясняла его достаточно бестактное поведение после занятий любовью или бесцеремонность, с которой он обрывал телефонные разговоры. Ко всему прочему примешивалось соображение о его «англизированнойности» — неопределенной совокупности представлений, почерпнутых из запасов народной мудрости, согласно которым англичане любят овощные блюда и не любят обсуждать свои чувства. Поверх всего этого она водрузила теорию, которая родилась у нее после обеда у его родителей: пищу поглощали там в таком строгом и торжественном молчании, что она подумала: «Он не виноват, это в семье его так воспитали».

Таким образом, Алиса решила, что его неспособность к диалогу — а именно это в его поведении беспокоило ее больше всего — покоится на трех краеугольных камнях:

- 1) стыдливости;
- 2) англоязычности;
- 3) родительском влиянии.

Но только она начала привыкать к этим его особенностям, как в один из уикендов, проведенных в доме его друга в пригороде Лондона, Эрик открылся с совершенно другой стороны: он легко общался с друзьями, был нежным,

заботливым и вел себя совсем не как традиционный житель Британских островов. И она принялась объяснять его некоммуникабельность другими причинами, а именно:

- 1) переутомлением на работе;
- 2) стрессами городской жизни;
- 3) (что весьма ее встревожило) ее собственной неспособностью обратить на себя его внутреннее тепло.

Казалось, Эрик сопротивлялся всяческим проявлениям сильных чувств в свой адрес — он не желал ни сильной любви, ни острой ненависти. Он чутко улавливал колебания Алисы по поводу их взаимоотношений, но никогда не понимал, что именно заставляло ее подвергать эти взаимоотношения сомнению. Если он делал это осознанно, значит, во всем его поведении был элемент балансирования на грани войны — то он был холоден с ней, а то вдруг, почувствовав, что она уже готова вступить в конфронтацию, впадал в нежность и даже извинялся и каялся.

Так что она вынуждена была признать: да, человека, которого она любит, она почти не знает; его образ мыслей, его поведение остаются для нее тайной за семью печатями. Эрик был для нее не меньшей загадкой, чем в вечер их первой встречи. В тот первый вечер ей показалось, что она его поняла, но по прошествии времени эта ее иллюзия рассеялась. Он походил на объект, который издали кажется целостным, но при ближайшем рассмотрении рассыпается на миллионы мельчайших деталей. И она не знала, сколько таких несовместимых деталей могут в нем сосуществовать, она уставала от всей этой непредсказуемости, от отсутствия стабильности, порождавшей все новые и новые вопросы и интерпретации.

## ПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ

Наше стремление знать, хорош или плох человек, вполне естественно, но еще больше мы жаждем уверенности в том, что, каким бы он ни был, данный человек будет либо стабильно плохим, либо стабильно хорошим. Конечно, лучше бы нас окружали исключительно хорошие люди, которые спрашивают, как у нас дела, и помнят о наших днях рождения, но если они плохие — просто воплощенное зло, может даже в чем-то извращенцы, — то это тоже не так уж и плохо, потому что мы быстро понимаем: от них надо держаться подальше, уносить ноги, утешая себя мыслью о том, что на свете всякие люди встречаются и что, слава богу, нам теперь не придется спать с ними под одним одеялом.

Но как же трудно дается понимание того, что человек может быть милым и добрым со своей секретаршей, но раздражительным со своей суженой, хорошо соображать в математике, но проявлять исключительную тупость в эмоциональной сфере, великолепно готовить суфле, а с бараньими отбивными... О, баранину ему ну никак доверить нельзя! Если мы пытаемся заглушить чувство общественного стыда участием в движении по защите дикой природы, то нас раздражают напоминания о том, что Гитлер тоже любил детей и животных. Если мы втайне восхищаемся собственной чувствительностью, поскольку не можем не всплакнуть над диснеевской «Белоснежкой», нам неприятно, когда говорят, что это был любимый фильм Иди Амина. Если мы любим классическую немецкую литературу, нас раздражает информация о том, что солдаты союзничес-

ких войск, освобождавшие узников Освенцима, находили среди брошенных эсэсовцами личных вещей томики Гете. Разве не приятнее для собственного «я» предполагать, что ты точно никогда не попадешь в список врагов человечества уже потому, что тебя так трогают пассажи из гетевской «Поэзии и правды»?

Перелистывая очередную биографию бедного Флобера, мы натываемся на определения, данные ему биографом: «странное существо», из которого, «как колючки из ежа, торчали противоречия»:

«Его презрение к буржуазии было потому таким сильным, что он сам чувствовал себя буржуа до мозга костей, с его любовью к порядку, комфорту и иерархии. Он клеймил все правительства, но не терпел неводержанности толпы, когда та осмеливалась их ниспровергать... Заклятый враг попов, он интересовался религиозными проблемами. Одержимый женскими прелестями, он отказывался принадлежать какой бы то ни было женщине. Революционер в искусстве и консерватор в повседневной жизни. Тоскующий по дружбе, он провел почти всю свою жизнь вдали от людей...»\*

То, что господин Труайя предпочел назвать все вышеперечисленное противоречиями, напоминает притворную невинность монахинь, явившихся на оргию и делающих вид, будто они шокированы тем, что человеческая природа не совсем такова, как они предполагали. Это означает веру в возможность существования непротиворечивых

\* Анри Труайя, Флобер.

характеров; в мир, в котором одержимые женскими прелестями непременно запутывались бы в сетях объекта своей одержимости; в котором те, кого интересуют религиозные проблемы, без конца распивали бы чай со священниками, а мечтающие о дружбе записывались бы в клубы любителей бриджа.

Но система мышления Флобера напоминала «двойную бухгалтерию» (по образному выражению философа Амели Рорти) или рельсовый путь, по обе стороны которого и друг напротив друга располагаются несовместимые элементы.

Биографы же, судя по всему, испытывают идиосинкразию к железным дорогам, пытаясь как можно оригинальнее объяснить противоречия в характерах своих героев. Например, революционер, который любил вкусно поесть, якобы наслаждался едой исключительно во имя классовой борьбы: «Любовь Троцкого к оленине и непрожаренному филею была всего лишь изощренным способом нанести удар вегетарианскому лобби и тем самым ускорить падение капиталистического строя...» Философ-идеалист, воспевавший в своих произведениях детей и детство, отказывался кормить своих собственных отпрысков из благородных, видите ли, соображений: «Кажущаяся жестокость Руссо по отношению к своим детям была лишь попыткой закалить их против жестокости общества...»





«Рельсовый путь» Флобера



Ненавидел буржуазию		Содержал свой рабочий стол в идеальном порядке
Поносил правительства		Считал толпу тупой
Обвинял священно- служителей в лицемерии		Писал о религии
Любил женщин		Редко оставался на завтрак
Был революционером в искусстве		Вовремя платил по счетам
Ценил дружбу		Часто ужинал в одиночку

Когда же противоречия настолько серьезны, что могут вообще уничтожить авторитет биографируемого, из загашника вытаскивается слово «гений». Флобер был противоречив, но такова цена за способность написать «Воспитание чувств». Пикассо был настоящим мерзавцем по отношению к своим женам, но писал картины, ставшие вехами в развитии изобразительного искусства, — да, картины сложные для восприятия, но разве можно ждать чего-то простого от величайшего художника двадцатого столетия? «Гений» в применении к интеллектуалам — это то же, что «псих» в применении к тем, кто не может похвастать излишней образованностью, к людям простым; это то экстремальное состояние, в котором возможно все и в отношении которого чудесным образом отменяются все установленные правила.

Но за пределами мира биографий противоречия встречаются не так уж редко. Флобера окрестили «странным»

из-за противоречивости желаний, из-за того, что он провозглашал одно, а делал другое. Но ненормальностью была не эта путаница желаний и поступков, а то, что он написал несколько классических произведений западной литературы. Во всем остальном Флобер был совершенно типичным существом, и если из него что и «торчало», так вопиющая нормальность.

Эрик романов не писал, и, помимо возлюбленных, копаться в сложностях его характера было некому — у профессиональных биографов повода заинтересоваться им нет, но по части противоречий и несоответствий он мог бы поспорничать с самим Флобером.



«Рельсовый путь» Эрика




---

Восхищался покоем философии дзэн	Регулярно выходил из себя
С энтузиазмом относился к понятиям «хорошая организация» и «хороший менеджмент»	Часто опаздывал позвонить
Был щедр на благотворительность для интеллектуалов	Не переносил глупцов
Наслаждался каждым днем	Был способен к сочувствию
Был равнодушен ко дню завтрашнему	Порою бывал эгоистичен до предела
Хорошо видел суть взаимоотношений других	Был слеп в отношении своих собственных

---

Противоречия становились еще неоспоримее, потому что Эрик сам их признавал. Он делал это легко и с улыбкой: «Я знаю, что я псих! — радостно сообщал он Алисе. — Я никогда и не утверждал обратного».

Такая обезоруживающая откровенность получила наименование «критской манеры поведения» — по известному парадоксу: «*“Все критяне — лжецы”*», — сказал критянин». Право судить о личности критянина недвусмысленно предоставлено самим критянам, от этого собеседник впадает в растерянность: так что же из сказанного правда, а что — ложь? Сказанное Эриком противоречило сказанному или сделанному им же через мгновение: то есть его предупреждение о том, что все критяне врут, аннулируется сообщением о том, что и сам он — критянин. Эрик знал о своих противоречиях лучше, чем кто бы то ни было.

Демонстрируя осведомленность о собственном взрывном темпераменте, он был холериком критского типа, который признает, что он — холерик («Я знаю, что я холерик», — сказал холерик), и потому вроде как критике не подлежит. Из-за этого Алиса спрашивала себя: «Если бы у него действительно был такой мерзкий характер, разве бы он так о себе говорил?» Ее воспитали в убеждении, что осознание собственных ошибок равноценно их исправлению: «Несомненно, настоящие ублюдки ужасны потому, что они не считают себя настоящими ублюдками. А если Эрик понимает, в чем дело, то, значит, он не может быть настоящим ублюдком».

Встречаются люди до такой степени просто и самозабвенно плохие, что они не представляют никакого интереса для анализа с концептуальной (в данном случае — противоположной моральной) точки зрения. Но встречаются

и такие, которых непросто вычеркнуть из перечня объектов внимания, потому что они сами в какой-то степени сознают, что в них есть отвратительные для окружающих черты, им не чужда самокритика, и, таким образом, они отчасти защищены от атаки со стороны этих самых окружающих.

Эрик мог пребывать в самом мрачном расположении духа на протяжении нескольких дней, а потом вдруг объявлял: «Знаю, что в последнее время я был совершенно невыносим. Поверь, я понимаю, через что тебе пришлось пройти. Но не думай, что ты перестала меня интересовать и все такое, — просто у меня сейчас такой период».

Его противоречия могли подорвать все ее представления о том, что логично, а что — нет. Как может мужчина одновременно любить ее и проявлять по отношению к ней такую холодность? Она часто пыталась нейтрализовать противоречие путем простого изъятия из уравнения одного из членов — либо он ее не любит, либо он на самом деле отнюдь к ней не равнодушен, а просто устал или стесняется.

Но и такого рода утешения он ее лишал, потому что стоило ей начать приспосабливаться либо к одному, либо к другому варианту, как он выбивал почву у нее из-под ног: признавался именно в том, в чем она его втайне обвиняла. Он отрицал справедливость двойного подхода к себе, казалось, он лучше и раньше нее сознавал собственную амбивалентность, и ей оставалось только жаловаться, но жалобы эти теряли свою убедительность.

— Я понимаю твое раздражение и не могу тебя за него винить, — сообщал он с неподдельной искренностью. — Поверь, да если б у меня был выбор, я ни за что бы не стал жить рядом с человеком вроде меня.

В ходе одного из своих менее известных экспериментов великий русский физиолог Павлов обнаружил, что собаку можно довести до состояния невроза, проявляющегося в дрожи, неконтролируемых мочеиспускании и дефекации, если перепутать сигналы, на которые ее натренировали каким-то образом откликаться. Если звонок, который прежде ассоциировался у нее с едой, превращался в известие о пустой миске, то после нескольких таких демонстраций собака могла приспособиться и к такому положению вещей: звонок — еды нет. Но если звонок означал то еду, то ее отсутствие, при этом в чередовании сигналов не соблюдалось никакой системы, бедное животное уже не понимало, как реагировать. Запутавшись в таинственном чередовании наличия пищи и ее отсутствия, в не соответствующих ожиданиям значениях звонков, несчастная псина медленно погружалась в пучину собачьего безумия.

## ПОСТОЯНСТВО ЛЮБВИ

Психоаналитику Дональду Уинникотту принадлежит знаменитое предположение, согласно которому момент, в который ребенка оставляет мать, от момента, в который ребенок перестает полагаться на постоянное присутствие матери и, следовательно, уже не ждет ее возвращения, отделяет ограниченный отрезок времени:

«Чувство присутствия матери длится  $X$  минут. Если мать отсутствует более  $X$  минут, то подсознательный образ матери тускнеет и вместе с ним исчезает способность ребенка использовать символ единения. Ребенок расстраивается, но его настроение скоро улучшается, потому что через  $X + Y$  минут мать возвращается. Через  $X + Y$  минут в ребенке не происходит перемен. Но через  $X + Y + Z$  минут ребенок получает травму. Возвращение матери через  $X + Y + Z$  минут не улучшает измененное состояние ребенка. Травма подразумевает, что ребенок испытал разрыв целостности жизни...»<sup>\*</sup>

Проницательность Уинникотта подсказала ему, что в сознании ребенка образ матери очень непрочен и со временем может понести невосполнимый ущерб — если она отъедет за океан на десять месяцев, сын или дочь может предположить, что она умерла, сколько бы замечательных заморских даров она ему (или ей) потом ни привезла.

\* Д. У. Уинникотт. Игра и реальность (в оригинале цитируется по изданию: D. W. Winnicott, «Playing and Reality», Routledge, 1991).

Взрослые же, напротив, обретают более прочную веру в выживаемость окружающих — даже тех, кто в данный момент находится вдали. Например, чья-то матушка отбывает на год в Австралию и в течение этого года умудряется не прислать даже обещанной открытки, однако память, вопреки времени и расстоянию, все равно хранит ее образ. Вообразить, будто она почилa в бозе, невозможно: теперь «с глаз долой» уже не означает «из сердца вон».

Уинникотт подчеркивал, что *постоянство образа*, фактор, который обеспечивает ощущение присутствия объекта, даже не находящегося в непосредственном поле зрения, — это черта развивающаяся, а не данная от рождения. Это то, чему мы обучаемся, а не наследуем, нечто, что постепенно формируется на основе веры в то, что поскольку мать всегда возвращалась, то те, кто заменяет ее во взрослой жизни (возлюбленные и друзья), также будут постоянно возвращаться.

Психолог Жан Пиаже дополнил этот тезис открытием, что до определенного возраста дети не представляют, что объекты, удаленные из их непосредственного поля зрения, не исчезают навсегда. Если убрать с глаз ребенка моложе восьми-десяти месяцев игрушечного медвежонка и спрятать его, например, под подушку, ребенку и в голову не придет поискать игрушку — в его сознании медвежонок исчез навсегда. Он будет оплакивать символическую смерть медвежонка, но искать его он не будет. Однако, становясь старше, ребенок, как предполагал Пиаже, развивает в себе чувство «перманентности объекта» до такой степени, что, вследствие обретенной веры в продолженность существования, отправляется на охоту за медвежонком и в конце концов выслеживает его в новом логове — под подушкой.

Применяя теорию Уинникотта и Пиаже к отношениям Алисы и Эрика (допустим такую вольность!), мы находим, что и в этом случае имеем дело с идеей *постоянства*, пусть не объекта, но любви. Что имеется в виду под постоянством любви? Вера в любовь более длительную, чем та, которая демонстрируется твоим возлюбленным в данный момент. Вера в то, что, отбыв на уикенд в Милан или Вену, твой возлюбленный не станет распивать капучино или кушать торт «Захер» в компании соперницы. Вера в то, что молчание — это всего лишь молчание, а не знак равнодушия.

Представление Алисы о любви Эрика часто нуждалось в подкреплении верой, сходной с верой ребенка в продолжительность существования матери, в то, что присутствует вопреки непосредственным визуальным или тактильным доказательствам. Часто за ужином ей казалось, что мысли его где-то витают, что он думает о кризисе чьей-то валютной системы или, еще хуже, о чьих-то красивых глазках. Тогда она брала его за руку и заискивающим тоном спрашивала: «У тебя все в порядке?», а он обрывал ее коротким: «Конечно», — как если бы накладывал табу на расспросы. В речах его появлялась легкая отчужденность, она чувствовала, что он теряет интерес к непосредственному общению, отстраняется от нее как от участницы диалога. Например, говоря: «Я бы действительно хотел встретиться с тобой на уикенд», он каким-то образом доводил до ее сведения, что на самом деле, «возможно, было бы лучше, если б ты осталась дома», — разница намечалась легкими паузами после слов «действительно» и «хотел».

А потом наступала оттепель, когда в такси он вдруг обнимал Алису и целовал ее в макушку. Он как бы возвращался домой — в символическом плане. И все же в интер-



вале между временем X, когда мысли его где-то витали и он лишь формально участвовал в общении, и временем Y, когда он целовал ее в макушку, Алиса маялась беспокойством. Она знала, как справляться со своим состоянием, не забывала его, как мог бы забыть Уинникоттов малыш, но все же ощущала следы первичной боли брошенного младенца и терзала себя вопросом: «Что я сделала не так?»

Любовь обладает способностью превращать вполне трезво мыслящего индивида в параноика, с маниакальным упорством отравляющего собственное существование мыслями: *«Она/он меня больше не любит, я ей/ему надоел/надоела, уверен/уверена, что она/он просто выжидает удобного момента, чтобы прекратить наши отношения...»*

Паранойя — совершенно естественная спутница любви, когда другой обретает для тебя все большую и большую значимость и страх потери становится тоже все более мучительным. А для тех, кто вообще имеет склонность терзать свое воображение видениями различного рода катастроф, любовь становится — образно выражаясь — щедрой щепотью соли на раны.

Алиса была из породы беспокоящихся: она боялась, что подтекает газ и что странный звук, раздающийся после того, как выключаешь плиту, означает начало пожара; она волновалась по поводу появившейся на спине родинки — ну конечно же, это рак! Она убеждала себя в том, что у нее провалы в памяти и что друзья от нее отвернулись.

Происхождение подобных тревог проследить трудно. Как правило, они не имеют ничего общего с предметом волнений: такие тревоги, пользуясь фрейдистской терминологией, следует называть симптомами. Возвращаясь к Уинни-

котту, можно предположить, что они говорят о чем-то, что она испытала в раннем детстве. Возможно, ее мать исчерпала временной интервал  $X + Y + Z$ . И верно, матушка у нее была особой ненадежной. Например, она могла позвонить Алисе из Майами, где проживала со своим третьим супругом, и сообщить, как она нежно ее любит и как ждет не дожидется встречи — ведь она скоро в очередной раз собирается навеститься в Европу. Когда она наконец объявлялась в Лондоне (останавливалась она всегда в самых дорогих отелях) и назначала Алисе встречу, то являлась на эту долгожданную встречу с часовым опозданием: видите ли, в последний момент она решила сделать педикюр!

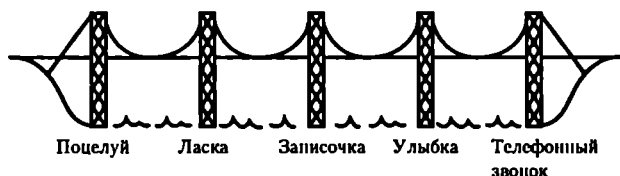
В университете Алиса имела страстный роман с бородач-ным биологом моря — роман длился несколько месяцев, пока в одно солнечное майское утро бородач не явился к ней и не сообщил: «Послушай, мне кажется, что я больше не испытываю к тебе этого чувства, ну, типа «дружок-подружка». Даже если отбросить явную нелепость подобной формулировки, сама суть сказанного не может не шокировать. Ведь не далее как вчера они катались на лодке, он отпускал шуточки по поводу того, что они, мол, «одной крови», гладил ее колени и вообще. Как же так могло получиться, что всего лишь за двадцать четыре часа чувство «типа “дружок-подружка”» столь решительным образом его покинуло? Отсюда следовал вывод: ее чувства, когда она протягивала ему руку, категорически отличались от его чувств, когда он эту руку держал.

Этот случай разрушил некоторые из накопленных Алисой к двадцати годам иллюзий. Она стала понимать, что далеко не все на этом свете совершается из искренних побуждений: мужчина может целовать ее и держать за руку,

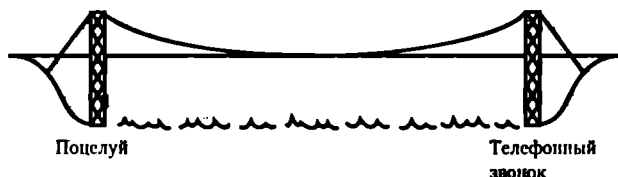
однако думать при этом о чем-то совершенно постороннем, а между внешним выражением и внутренними мотивами может существовать пропасть, в которую проваливаются все нравственные императивы.

Так перед ней встала проблема доверия, ей становилось все труднее верить в людскую искренность, а после каждого пережитого предательства ее убежденность в чрезвычайной ненадежности представителей рода человеческого и в то, что от них лучше держаться на расстоянии, только крепла. И если теперь в ее поведении появлялись некоторые параноидальные черточки, если ей требовалось, чтобы ее обнимали, прижимали к себе и проявляли к ней внимание чаще, чем кажется нормальным, то это в какой-то степени говорило о стремлении залечить раны, нанесенные прежним опытом.

Вообще странно, до какой степени отличается степень поддержки, необходимой разным людям, как разнится длина тросов между опорами отношений. В некоторых случаях, когда оба партнера открыты друг другу, излучают взаимное тепло, да просто испытывают потребность друг в друге, расстояние между опорами их взаимоотношений невелико и провисание проводов высокого напряжения между этими опорами — а опорами мы именуем постоянные знаки внимания, оказываемые друг другу, — не вызывает никаких опасений за целостность конструкции:



В других случаях расстояние между опорами может быть гораздо большим, но конструкция все-таки достаточно прочной:



Длина провода зависит от характера и жизненного опыта возлюбленных. Тем, кто по определению считает себя достойным любви, требуется меньше поддержки, и их кабель преспокойненько обходится без торчащих через каждые сто метров мачт. Им вовсе не обязательно постоянно слышать *«Я тебя люблю»*, потому что любая напряженность в отношениях улаживается с помощью фразы *«Я себя люблю»*. Те, кто относятся к себе с любовью, строят отношения на основе базового принципа *«А с какой стати тебе меня не любить?»* или *«А почему бы тебе не относиться ко мне так же, как я к себе отношусь?»*.

Но в случае Алисы расстояние между опорами должно быть как можно меньше, потому что ее базовый принцип формулировался так: *«Да разве возможно, чтоб ты меня любил?»* И дело не в том, что Алиса не доверяла Эрику: она скорее не представляла себя как личность, которой кто-либо может хранить верность в течение значительного промежутка времени. Она сомневалась в своей способности пленять гораздо больше, чем в способности Эрика оставаться плененным.

Доверие можно толковать как способность разумно интерпретировать отсутствие. Что же касается Алисы, то случайно вырвавшийся смешок или насмешливый прищур мгновенно открывал дверь, за которой таились ее страхи: «А что он имел в виду? Он, может, надо мной смеялся?» Во всем этом было нечто эгоистичное или, по меньшей мере, эгоцентричное, но склонные к варанойе люди уверены, что все окружающие смотрят только на них и только им адресованы все косые взгляды или тайные знаки (даже если клерк на почте подмигивал кому-то из тех, кто якобы косятся на параноика).

К тому же поведение Эрика частенько допускало двойное толкование. Зацикленный на своей свободе, он имел привычку представлять Алису окружающим как персону, в его жизни не очень-то значимую. В компании он вел себя так, словно они были случайными попутчиками. И она спрашивала: «Неужели я такое тяжелое для тебя бремя, что ты даже не можешь признаться себе, что мы — вместе?», а Эрик неизменно отвечал, что они, мол, не женаты и потому вольны в любой момент расстаться.

Недавно они ужинали в ресторанчике в Вест-энде с коллегами Эрика. Алиса сидела на противоположном конце стола, но все-таки слышала, как Эрик обсуждал с какой-то брюнеткой преимущества и недостатки различного рода бюстгальтеров — то, на что бюстгальтеры надеваются, имело у брюнетки вид весьма авангадный.

— А как вы относитесь к лифчикам на косточках? — спрашивал Эрик.

— Ну, я думаю, они выглядят ужасно старомодно — прямо как в пятидесятые годы, и именно в этом их прелесть, но, знаете ли, свыше определенного размера необхо-

димось в них отпадает. Я имею в виду, что когда грудь маленькая, косточки ее поддерживают, выпячивают, и тогда бюст выглядит куда соблазнительнее — такие бюстгалтеры зрительно увеличивают грудь. Но мне такие бюстгалтеры носить противопоказано: эффект будет слишком ошеломляющим.

— Заметьте, вы сами это сказали! — ворковал Эрик.

— Прекратите, негодник вы эдакий, правда, у меня большая грудь, и я первая это признаю, но меня это нисколько не беспокоит, и вообще, все зависит от генетики.

— Да, это не ваш грех.

— Совершенно верно, просто природа постаралась.

К этому моменту все присутствующие за столом притихли и вполуха слушали разговор, а Алиса гоняла вилкой по тарелке салатный листочек и размышляла о своей несчастной доле.

В определенной степени Эрика оправдывает тот факт, что развитие паранойи у Алисы в значительной мере подпитывалось ее нежеланием сообщить кому-либо о своих бессмысленных страхах, поскольку она сомневалась в их обоснованности.

На сентябрь в банке Эрика было запланировано важное совещание, которое должно было завершиться торжественным ужином. В тот самый момент, когда секретарша Эрика позвонила и оставила на автоответчике сообщение об ужине и о том, что он может привести с собой даму, Алиса была в его квартире одна.

Алиса благоразумно не сказала Эрику о том, что слышала это сообщение, но втайне лелеяла надежду, что он

пригласит ее на этот самый ужин. Но надеждам ее не суждено было сбыться.

«Ну и что из того? — сказала она себе. — Я ему не принадлежу, к тому же сегодня вечером по телевизору показывают «Военно-полевой госпиталь», так что меня ждет приятный вечер, и вообще, мне совершенно не хочется идти на какой-то дурацкий ужин по поводу окончания какого-то нудного совещания».

Но всю неделю, предшествовавшую этому событию, ее терзали неприятные сомнения: он боится, что я скомпрометирую его в глазах коллег и начальства? Он идет на ужин с какой-то другой спутницей?

Эти страхи гасились другими соображениями: какое я имею право злиться из-за того, что меня не приглашают? Ну почему я такая эгоистка? И почему я думаю, будто достойна приглашения?

Душа ее превратилась в поле боя между острым разочарованием и не менее острым ощущением, что она не имеет права жаловаться.

В означенный вечер Эрик позвонил ей незадолго до того, как отправиться на ужин, и пожаловался, что целых десять минут сражался с галстуком-бабочкой. В ответ Алиса неестественно рассмеялась и пожелала ему удачи.

Сьюзи дома не было, и Алиса отправилась на кухню, вытащила из кладовки здоровенную коробку с печеньем, уселась перед телевизором — «Военно-полевой госпиталь» как раз начался, и под титры объявила самой себе: «Мне очень даже приятно провести вечер в одиночестве, ничего не имею против своего собственного общества — для разнообразия».

Через десять минут она огляделась и поняла, что сидит здесь, в своей гостиной, одна-одинешенька, что Эрик предал ее и что ей ужасно хочется плакать.

«Сволочь поганая, — пробурчала она, — гад! Настоящий гад со своей проклятой бабочкой!»

Но поскольку она была не из тех, кто мог долго изливать свою ярость на кого-то другого, ее обвинения вскоре обратились на себя самое: «Самовлюбленная дура, да у него наверняка нашлось занятие поинтересней, чем тащить с собой такую скучную старую кошелку!»

На какое-то время она взяла себя в руки, выпрямилась в кресле, съела еще несколько печеньиц и сурово и решительно уставилась на экран. Но потом, поняв, что просто не в состоянии все это выносить, выключила телевизор, швырнула ставшее отвратительным печенье в мусорное ведро, убежала к себе в спальню, где рухнула на подушки и разрыдалась. Она и уснула в слезах — совсем как пятилетний ребенок.

Траектория паранойи — это душераздирающая трагикомедия в пяти актах:

1. Алиса любит Эрика.
2. Он дает ей повод сомневаться в его чувствах, потому что не приглашает на вечер.
3. Однако серьезных оснований для того, чтобы жалобы ее звучали разумно, у нее нет. Неспособная выразить свой гнев и разочарование...
4. Она начинает молча ненавидеть Эрика.
5. Неспособная терпеть свою агрессию против него, она обращает гнев на себя и бросается на кровать.



Волшебные ингредиенты любовной паранойи — подавляемый страх: *«Ты недостаточно меня любишь»* и унаследованный психологический императив: *«Я вряд ли могу нагружать тебя моими нелепыми тревогами»* — превращаются во взрывоопасную смесь и в результате:

«Вопреки всем моим попыткам оставаться разумным и зрелым человеком, я потихоньку схожу с ума».

Это может показаться удивительным, но Алиса всегда уверяла, что мечтает о равноправных отношениях. В парах, которые ее окружали, один партнер всегда подавлял другого или манипулировал им, а ей хотелось, чтобы чаши весов находились в равновесии.

Отношения с бородатым биологом были вопиюще неравноправными. Он был старше и потому считал себя мудрее, в результате чего вел себя с ней словно папаша — то журил, то поощрял, и всегда с позиции силы. Встретив Эрика, она решила, что тяжкий труд любви должен распределяться поровну. Она больше не хочет, чтобы ее обижали, она больше не желает жертвовать своими потребностями в угоду эгоизму партнера. Как-то Эрик оставил у нее дома грязную рубашку и пошутил, что она может выстирать и выгладить ее к их следующей встрече, в ответ же она разразилась гневной тирадой длиною в пять минут: обвинила его во всех неандертальских предрассудках. Пристыженный Эрик постарался исправить ситуацию и пригласил ее на собственноручно им приготовленный ужин — он разгуливал по квартире в фартуке с подсолнухами, призванном предотвратить попадание на злополучную рубашку брызг оливкового масла, в котором шкворчали два аппетитных куска форели.

Но какой бы вкусной ни оказалась форель, распределение власти в паре — проблема куда более сложная, чем вопрос о том, кто носит фартук и кто гладит рубашки. То были очевидные, но к нашим дням устаревшие символы неравноправия. Сегодня уже все согласны, что домашние

обязанности следует распределять более справедливо и что в цивилизованном обществе не очень благосклонно относятся к тому, что один из партнеров поколачивает другого. Но сводить вопрос о распределении прав только к случаям насилия в семье — все равно что сводить медицинское обслуживание населения исключительно к оказанию первой помощи, оставляя без внимания более сложные заболевания, проявления которых порою с первого взгляда незаметны.

Слова «сила, власть» обычно означают способность к действию. Оксфордский словарь английского языка сообщает нам, что власть заключается в «возможности совершать поступки или влиять на что-либо, а также навязывать определенные действия кому-либо или чему-либо». Имеющая власть персона может влиять на материальное или общественное окружение, а основания для этого ей дает обладание высокотехнологичным оружием, деньгами, нефтью, превосходящим интеллект или крепкими мускулами. Я сильнее на войне, потому что могу разрушить городскую стену или сбросить бомбы на ваши аэродромы. В мире финансов я сильнее, потому что могу скупить ваши акции и захватить ваши рынки. В боксе я сильнее, потому что мои удары настигают вас и я могу измотать вас на ринге. Но в любви на вопрос о том, кто сильнее, ответить трудно — здесь дефиниции становятся туманными, расплывчатыми и противоречивыми: вместо того чтобы видеть во власти возможность действовать, кто-то может трактовать ее как возможность ничего не делать.

В выходные, последовавшие за тем самым памятным сообщением в банке, Алиса прилегла рядом с Эриком на диване и, перебирая его пальцы, заметила: «Я чувствую себя так спокойно, когда ты рядом».

На подобное заявление ожидаешь аналогичного же ответа, однако он просто спросил: «А ты не помнишь, во сколько начинается этот фильм с Бондом?»

Никто никого не ударил, не было ни воплей, ни синяков, но баланс силы решительно и бесповоротно склонился на сторону Эрика. Представим произошедшее в виде схематичных качелей, на одном конце которых расположено легкомысленное, бессильное заявление Алисы, а на другом — более мощный и тяжеловесный вопрос Эрика.

Я чувствую себя так спокойно,  
когда ты рядом.



А ты не помнишь, во сколько  
начинается этот фильм с Бондом?

Чтобы устранить дисбаланс, Эрику достаточно было сказать: «И мне с тобой хорошо», но по каким-то причинам (вполне возможно, что его действительно интересовал вопрос о том, когда начинается фильм про Джеймса Бонда) Алиса сразу же лишилась всех козырей.

Перевес в любовных отношениях возникает из способности не вникать, не обращать внимания. Я силен в любви тогда, когда ты говоришь, как тебе со мной хорошо, а я могу себе позволить не заметить, что я меняю тему на вечернюю телепрограмму. В отличие от других сфер жизни, в любви сильнее тот, чьи мысли не заняты исключительно партнером, тот, кому ничего от него не нужно. Любовь — это общение и понимание, и тот, кто прерывает процесс, сменив тему разговора или позвонив на два часа позже обещанного времени, легко обретает превосходство над более

слабым, более зависимым, более нуждающимся в общении и понимании.

Стендаль пессимистично предполагал, что из двоих любящих один всегда будет любить сильнее, следовательно, вопрос о том, на чьей стороне власть, будет существовать всегда. Он может быть забыт только в тот миг, когда оба партнера кладут на соответствующие чаши весов равнозначные заявления, то есть когда один из партнеров говорит: «Я тебя люблю», а второй отвечает: «И я тебя люблю». А чтобы он возник опять, достаточно лишь легкого несогласия. Ну кто может не заметить чудовищного дисбаланса, проявляющегося в казалось бы невиннейшей ситуации, когда один говорит: «Джюльетта, ты знаешь, как сильно я тебя люблю?», а второй отвечает: «Конечно, знаю, Ромео, тыковка моя. А ты знаешь, как сильно ты мне тоже нравишься?..»

Когда Алисе было шесть лет, по соседству с ней жила ее ровесница — очень умненькая и очень озорная девчушка. Следуя логике — благополучно позабытой взрослыми — девочки разработали потрясающий проект того, как наполнить волнующими событиями скучный субботний вечер, а именно: они решили пробраться в сад строгой буржуазной четы, жившей в доме напротив, спустить там трусишки, показать обитателям дома языки и удрать восвояси. План готовили основательно, и когда пришел назначенный час, девчонки перепрыгнули через низкую деревянную изгородь и рванули в центр великолепно ухоженного газона.

Алиса только-только спустила штанишки и сразу же поняла, что подружки-то рядом и нет — та удрала в конец сада и там, благополучно в пресловутые штанишки облаченная, помирала от хохота, глядя на растерянную Алису —

без штанов и посреди газона — и на столь же растерянные лица солидной пары, наслаждавшейся в этот предзакатный час своим мартини на своей же веранде.

Почему мы вспомнили об этой истории? А потому, что Алиса, сидящая на диване подле Эрика (он уже следил за похождениями знаменитого шпиона в очередной его инкарнации), почувствовала себя словно та самая маленькая девочка, какой она когда-то была. Она выбежала на открытое пространство — на соседский газон (на незащищенное поле желаний) и спустила штанишки (сказала о том, как ей хорошо), — а в результате ее шестилетняя подружка (возлюбленный) и не подумала разделить с нею ее риск или душевный порыв.

Чтобы взаимоотношения стали более близкими и глубокими, чем обычная вежливость случайных знакомых, кто-то должен забраться в соседский сад и подставить себя всем сопутствующим опасностям. Кто-то должен набраться смелости спросить: «Могу ли я пригласить вас на чашечку кофе?» или «Вы уже видели этот фильм?», кто-то должен нервно откашляться и сказать: «Мне нравится быть с тобой» или «Почему бы нам не пожениться?». Кто-то должен положить свои слова на чашу весов и в страхе и надежде ожидать, что другой поместит на свою чашу слова, равные по весу.

И все же как трудно определить, кто за что ответственен! Когда человек нарушает закон — крадет машину, торгует наркотиками, — его вина очевидна. Но если он вежливо отвечает: «Спасибо, но у меня сейчас нет времени на кофе» или «Как мило, что ты об этом спросила, но, видишь ли, я не из тех, кто женится», его трудно обвинить в чем-либо, кроме простительного отсутствия интереса.

Эрика нельзя считать преступником только потому, что он не поцеловал Алису и не сказал, что ему тоже с ней хорошо. Он всего лишь продемонстрировал совершенно простой, совершенно понятный и совершенно простительный интерес к перемещениям по экрану агента 007 — того самого супершпиона, чью мощь он таким образом значительно превзошел, и ему при этом не потребовались ни снаряды с лазерным наведением, ни реактивные космические модули.

## РЕЛИГИОЗНОЕ ПОКЛОНЕНИЕ

Как бы странно ни прозвучало следующее предположение, но отказ Эрика ответить на замечание его подруги о том, что она себя с ним хорошо чувствует, в конечном счете послужил определенной (и, пожалуй, неблагоприятной) цели. Хотя Алиса и утверждала, что ненавидит любые проявления силы, она, тем не менее, искала партнера, которого могла бы уважать, но, увы, тот единственный мужчина, который вызывал ее восхищение, не выказывал такого уж явного восхищения ею самой.

За субботним завтраком после все того же судьбоносного совещания разговор как-то так повернулся, что Эрик попросил припомнить самое печальное ее детское воспоминание. И прежде чем она успела проглотить кусочек тоста и ответить, на глаза ему вдруг попался валявшийся на полу измятый костюм и он простонал: «О Господи, мне надо отнести это в химчистку до двенадцати! Если не успею, мне не в чем будет пойти в понедельник на встречу».

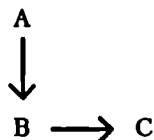
Кто-то мог бы и обидеться на недостаток внимания к возможному ответу на столь сложный вопрос, но Алиса отнюдь не была убеждена, что травмировавшее ее детское воспоминание может представлять интерес (даже для любовника), и спокойно ответила: «Не волнуйся, на Олд Бромтон-роуд есть химчистка, которая закрывается в пять вечера».

Когда взгляд Эрика переместился с нее на мятый костюм, Алиса вовсе даже не обиделась: она искренне верила, что он отвлекся чем-то значительным. Более того, такая очевидная невежливость (разве это хорошо — задать кому-



либо сугубо личный вопрос, а потом счесть груду грязного белья более интересной, чем ответ?) на удивление мало повредила Эрику в ее глазах. В конце концов, он пытался проявить интерес, он задал правильный вопрос, но разве могла она ждать, что он станет выслушивать длинный и сбивчивый ответ, если налицо необходимость более настоятельная — подготовить костюм к важной встрече в понедельник?

Рассеянный взгляд Эрика напомнил ей о привилегии существования рядом с человеком, чьи мысли заняты чем-то серьезным. Его отвлекло что-то более важное, более интересное, чем она. И если этот человек связан с чем-то важным, крупным, значительным, он, несомненно, достоин любви (даже ценою так и не озвученного воспоминания детства). Перед нами классический случай прямого угла любви:



Прямой угол любви иллюстрирует преданность кому-то, кто в свою очередь сосредоточен на чем-то или ком-то ином. А любит В, но В более интересуется С. Примечательно, что заинтересованность В в С не умаляет привлекательности В, а, напротив, ее усиливает — в определенной степени А любит В именно потому, что внимание В отвлечено от А наличием объекта С, поскольку тем самым В демонстрирует А свой хороший вкус (даже если этот вкус и не позволяет В быть более внимательным к А); ведь А, будучи человеком в себе неуверенным, полагает, что С обладает

какими-то особыми качествами, самому А несвойственными, но посредством В персона А становится тоже к ним причастной.

Но кем или чем является это С, по всем показателям превосходящее А? Вовлечен ли Эрик в проект, гораздо более важный, чем его подружка? Любовная интрижка тут вряд ли просматривается, скорее мы имеем дело с комплексом интересов: на вечеринке это может быть сидящая в углу рыжеволосая красотка, в ресторане — еда, во время занятий любовью — мысли о документе, выползающем из факс-машины.

Отличительной чертой подобного расклада является то, что психологический абсентизм Эрика шел ему в плюс. Предполагалось, что он имеет доступ к вещам, которые Алисе, при всей ее готовности слушать, при всей ее восприимчивости, просто недоступны.

Такой классический, ярко выраженный прямой угол любви напоминает религиозное поклонение.



В большинстве языков и религий для определения акта почитания Бога и привязанности к некоему человеческому существу используется один и тот же термин. Конечно же, различия в природе этой любви, хоть и прекрасно документированные и многократно описанные, все же не поддаются предельно точному и краткому толкованию. Однако нам хорошо известны случаи, когда любовь к человеческому существу слишком явно напоминает поклонение Богу, и в таком случае простительно вместо использования характерных для романтической связи терминов использовать

терминологию, употребляемую для описания поклонения религиозного.

Историки свидетельствуют, что с закатом Средневековья тема преданности Богу стала в произведениях литературы и изобразительного искусства замещаться темой любви человека к человеку. Гуманистические ценности Ренессанса, обуявшие Европу в XIV—XV веках, ставили во главу угла внутреннюю жизнь индивида; эта ценностная переориентация логически вылилась в романтизм XIX века. Любовь к Богу потеснилась и освободила в душах людей пространство для вполне земных идеалов, подпорченных концепцией плотской любви: теперь именно от нее ждали таких же откровений и экзальтации, как прежде от любви к Богу. В течение XVIII—XIX веков поиск идеального партнера (по крайней мере, для образованного и культурного меньшинства) перестал быть делом обыденным, рядовым, теперь это уже был не простой акт нахождения кого-то, кто сможет испечь более или менее съедобный пирог с рыбой, накрыть стол, вспахать поле или обеспечить сносный уровень существования. Теперь такой поиск ассоциировался с поиском идеального человеческого существа, кого можно было бы молча боготворить, с кем можно было бы совершать романтические прогулки по полям и любить как Бога. Примечательно, что героиня, ставшая самым ярким олицетворением соответствующих чаяний в истории романа, имела три всепоглощающих стремления: к Богу, к шопингу и к любви. Присущие ей желания превратили мадам Бовари в архетип современного человека, поскольку она искала горних высей по всем трем направлениям. В самом начале романа Флобер позаботился проинформировать нас, что детство Эммы прошло

в монастыре и в ее поклонении Богу (автор искусно дает нам это понять) было нечто эротическое. И хотя многие молодые женщины того времени получали образование при монастырях, Флобер указал на этот факт отнюдь не случайно. Он иллюстрирует нечто важное в подходе мадам Бовари к любви, он говорит об опыте непрямого нисхождения от любви к Богу к земным источникам вдохновения в виде уже совершенно иных поцелуев и усад. (Важно отметить, что мать Эммы умерла родами, поэтому объектом ее детской любви стал отец-мужчина; Флобер подробно описывает сходство между отцом и Отцом небесным.)

Поскольку первое чувство Эммы было религиозным, у нее совершенно предсказуемо произошло отторжение земного (столь отличного от небесного) представителя мужского пола. Ее супруг Шарль совершенно бесстыдно, беспардонно принадлежал этому, а не горнему миру, и не только потому, что был тупым и грубым сельским лекарем, имеющим обыкновение отпиливать крестьянам конечности, но еще и потому, что он никогда не опаздывал и подобострастно глядел Эмме в глаза. В нем не было никаких тайн, присущих объекту религиозного чувства, который заставил бы терзаться мучительными вопросами, от «Получил ли он мое письмо?» до «А знает ли он вообще о моем существовании?». С человеком типа Шарля подобные вопросы смысла не имеют — с ним все понятно.

Как замечательно! Или, может быть, — как банально, как скучно!

Шарль мечтал составить счастье Эммы, он давал ей все, в чем она нуждалась, он выслушивал ее рассказы и вытирал слезы с ее чела, но он не мог выбрать более нелепый

путь к ее счастью, потому что, чтобы она могла его любить, требовалось не его присутствие, а его отсутствие. Она была воспитана в горькой радости религиозной любви, при которой любящую и возлюбленного разделяет дистанция огромного размера. У нее был муж, любящий ее спокойной и ровной любовью, но не способный вызвать у нее того волнения, напряжения, какое вызывали ее неверные и ненадежные компаньоны. Ее религиозная любовь представляла собою как бы перевернутую максимуму Лизандра из шекспировского «Сна в летнюю ночь»:

Увы! Я никогда еще не слышал

И не читал — в истории ли, в сказке ль, —

Чтоб гладким был путь истинной любви\*.

Губительным для любви Эммы оказалось именно отсутствие препятствий, в чем и заключалась ошибка Шарля, повторяемая им с тупым упорством.

У религиозной любви есть особое свойство, мы называем его поклонением. Но как простой смертный может добиться, чтобы ему поклонялись? Очень просто: начать вести себя подобно божеству. А что характерно для поведения божества? Капризность и ненадежность. Взглянем для примера на поведение Иисуса. Проплутав где-то много сотен лет, он наконец появился в Землю обетованную, приведя в крайнее замешательство поджидавших его хозяев земли: одет был совсем не нарядно, и подарков никаких с собой не принес — всего лишь показал несколько фокусов, к тому же инсценировал серию мелодраматических предста-

\* Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

влений для властей предержащих. Погостил немного, а потом снова исчез, пообещав вскорости вернуться, и вот теперь миллионы и миллионы тщетно ждут хотя бы каких-то признаков его повторного появления.

Конечно, тактику Иисуса — *«Мы будем встречаться каждые пару тысяч лет»* — простые смертные применить не в состоянии, но, когда дело касалось Алисы, Эрик также не отличался пунктуальностью.

— Я позвоню тебе после собрания, и мы сходим куда-нибудь поужинать, — сообщил он, когда она позвонила ему в половину шестого вечера во вторник. — Как у тебя прошел день?

— Спасибо, хорошо, а у тебя? — спросила она.

— В трудах и заботах: дойчмарка вела себя просто отвратительно, но я думаю, что справился с ситуацией. Прости, надо бежать, звякну тебе в семь — семь пятнадцать. Я за тобой заеду, поужинаем где-нибудь в Сохо.

Так почему же Алиса в девять вечера все еще ждала звонка? Потому что ожидание носило противоречиво-теологический характер: вера с огромной быстротой чередовалась с неверием.

✚ Классическое христианство: «Он позвонит, но попозже».

✚ Агностицизм: «Поверю ему, только когда его увижу».

✚ Возрожденное христианство: «Он собирался позвонить, но потом решил ехать ко мне без звонка и застрял в пробке. Если я буду упорно смотреть на дверной глазок — кстати, краска на двери облупилась, — он скоро войдет в эту дверь. Возможно, он задержался, чтобы купить букет цветов — таким образом он хочет извиниться за опоздание».

✚ Атеизм: «Ну-ну, мечтай, дорогая!»

В четверть десятого он так и не позвонил, и Алиса сама набрала его номер. Она предполагала, что он начнет мять-ся и маяться, и потому была удивлена его бодрым ответом:

— Ой, привет, это ты? Подожди минутку, звонят в дверь — это наверняка пиццу принесли, я тут заказал...

(До Алисы донеслись характерные звуки: вот разносчик снимает мотоциклетный шлем, вот бренчит мелочь. Эрик говорит: «Отлично, ветчина выглядит замечательно...»)

— Что случилось? Я думала, ты позвонишь и за-дешь, — сказала наконец Алиса.

— Извини, застрял в конторе. Билл и Джоффри попросили помочь с презентацией, которую они завтра устраива-ют для одного американского клиента, а потом мы заскочи-ли опрокинуть по стаканчику, и я только что пришел.

— А я думала, что мы собирались сходить поужинать.

— Да, конечно, но знаешь же, как бывает, мне надо бы-ло им помочь, понимаешь, они столько для меня делают... Извини, ладно? Ты не сердисься?

Столкнувшись с явно иррациональной и истеричной верой, самодовольные рационалисты часто пытаются трактовать религию как примитивный способ объяснить зло путем встраивания его в более широкую теорию добра. Зло — это просто тест, препятствие, которое надо преодолеть. Так ре-бенок вынужден съесть противную, резиновую на вкус ка-пусту брокколи, потому что знает: на кухонном столе его ждет награда — кусок восхитительного шоколадного торта. Такова психологическая модель, построенная на отсрочке вознаграждения, на убеждении, что хорошее следует заслу-жить, что метафорический шоколадный торт имеет мазохи-стски высокую цену.

И в натуре Алисы было сидеть и терпеливо жевать брокколи, вместо того чтобы скулить, что обещанного тор-та приходится ждать слишком долго. Она не была увере-на, что имеет право на Иерусалим, в ней жило чувство ви-ны, заставлявшее ее подозревать, что она заслуживает некоторых наказаний, которые преподносит ей жизнь. Ес-ли в магазине ее обманывали и недодавали сдачу, она поч-ти никогда не пыталась требовать свое. Если что-либо при-обретенное ею вдруг ломалось, она никогда не звонила производителям и не требовала в ярости, чтобы ей сдела-ли ремонт за их счет или вернули деньги, — она скорее ду-мала, что сама что-то сделала неправильно, из-за чего вещь и пришла в негодность.

«Моя проблема в том, что мне трудно сердиться», — признавала Алиса, когда оказывалась неспособной ис-править очередную поломку или противостоять неспра-ведливости со стороны друзей или коллег. Она спускала обиды, давала в долг, поскольку ей было трудно сказать «нет», и была вежлива, потому что ненавидела нагру-жать окружающих своими проблемами и своим раздра-жением.

У ее матушки таких проблем не было. «Ну, он у меня увидит!» — вопила она и клялась отомстить бедолаге-тор-говцу, мужу или парикмахеру. Если в ресторане ей подава-ли соус прямо на тарелке с мясом, когда она просила по-дать его отдельно, она подзывала официанта и надменно вопрошала:

- Понятно ли вам, что я собираюсь жаловаться?
- Не все в порядке, мадам?
- В порядке?! Дорогуша моя, как «все» может быть в порядке, если вы перепутали указание, которое я дала вам



всего десять минут назад, и сделали все с точностью до наоборот?

После чего все начинали суетиться. Официанты бегали туда-сюда, пытаясь ублажить мадам всеми мыслимыми и немыслимыми способами, а Алиса мучительно краснела и старалась спрятаться за горшком с цветами или за колонну.

Несчастному библейскому антигерою Иову, характер у которого был куда оптимистичнее, чем у Алисы, было ниспослано немереное количество испытаний. В Библии говорится, что «был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла». Но как только его не мучили! Он лишился быков, овец, слуг, верблюдов, дома, сынов и дочерей, покрылся язвами и страдал от всевозможных болей, но суть его истории в том, что, за исключением нескольких припадков отчаяния, он оставался верен своей любви к Богу. Он не впадал в неистовство, не потрясал кулаками и не вопил: «Я же просил, чтобы этот чертов эскалоп не поливали соусом, а подали соус отдельно!» или «Я раскошелился на пристройку к синагоге, а вы со мной так обходитесь!»

Несокрушимая вера Иова в Бога помогала ему переносить все испытания. Он верил, что Бог прав, а он, Иов, не прав, или, скорее, что Богу лучше знать, почему он так мучается, и потому бедному старцу непростительно воздевать руки и вопрошать Господа (сравните Иова с его современным двойником-атеистом, Йозефом К.<sup>\*</sup>, который также не задавал вопросов, отчего он так страдает, но относился к своим страданиям как к чему-то абсурдному).

\* Йозеф К. — герой романа Ф. Кафки «Процесс».

В повседневной жизни мы редко уподобляемся терпеливому Иову, потому что нам не хватает уважения к тем, кто заставляет нас страдать: неизвестный, занявший наше законное место на парковке, или коллега, сплетничающий у нас за спиной, не заслуживают прощения, мы вправе обрушить на этих господ весь свой праведный гнев, потому что они не имеют никакого отношения к высшей морали или мудрости.

Но Алиса не отвечала ударом на удар, потому что, подобно Иову и его отношению к Богу, доверяла другим и, как правило, уважала других больше, чем себя. Когда через некоторое время Эрик сказал: «Послушай, я не хочу, чтобы ты обижалась, что я тебе не позвонил. Я ведь только сказал, что мы, *возможно*, куда-нибудь сходим, если у меня будет время. У меня времени не было, вот мы и не пошли», она и думать позабыла о своих жалобах. Она интерпретировала свои страдания с теологической точки зрения — как определенного рода испытание, а не как прямую и явную обиду.

Она не была человеком верующим, но ее поведение доказывало, что двигали ею религиозные мотивы, хоть и не сопровождавшиеся чтением молитв, органом и хором ангелов; короче, она была склонна считать, что Другой (ее любовник, господь Бог), который руководил сверху всеми ее поступками, лучше нее знал, что именно он/Он делает, и потому она не имела права мучить его своими недостойными расспросами.

Отличительной чертой божеств является их частое отсутствие, и если не отсутствие, то недосыгаемость. Люди общаются с ними посредством молитв или в мечтах, а не

посредством прямого и открытого разговора на кухне за чашкой кофе.

Эрик устанавливал религиозную дистанцию посредством молчания. Он и вообще-то был не из разговорчивых, зачастую весь вечер держал рот на замке. Близкие друзья часто подшучивали по этому поводу — спрашивали, не израсходовал ли он дневную норму слов, но те, кто не был с ним хорошо знаком, или особы впечатлительные, просто терялись. Некоторые обвиняли себя в неумении поддерживать беседу и вносили новые вопросы в свой параноидальный список: «Почему я такая скучная?», «Что он обо мне думает?» Молчун — словно зеркало, в котором отражается чужая неуверенность: виновный начинает думать, что его преступление раскрыто, глупый подозревает, что его идиотизм вышел наружу, ущербный физически полагает, что его уродство оскорбляет взор молчуна.

Стоит в кругу людей, беседующих за ужином, появиться молчуну, как его искусно поданное и прямо-таки вопиющее молчание начинает гасить оживленный застольный разговор. Женщина, которая только что браво пересказывала передовицу из утренней газеты, разъясняющую суть внешней политики США, вдруг ловит на себе нетерпеливый взгляд молчуна и растерянно умолкает, почувствовав себя под этим взглядом ужасно неуютно — разве что не голой: «Он наверняка думает, что я сама не понимаю, о чем говорю». Другие тоже могут прийти к выводу, что этот гость молчит, потому что ему просто не о чем с ними говорить — настолько его знания и интеллект превосходят знания и интеллект присутствующих. Налицо демонстрация пресловутого афоризма: «Чтобы прослыть умным, надо реже раскрывать рот».

Эриковы приступы молчания заставляли Алису отчаянно скакать с темы на тему в попытке приземлиться наконец на ту, что может его заинтересовать.

Если вечером они шли в паб, она помимо своей воли подробно докладывала обо всем, что произошло за день.

— А потом, уже после обеда, я позвонила Сьюзи.

— Гм.

— Оказывается, на Рождество она собирается ехать в друзьями в Ноттингем — конечно, если ей удастся отпроситься с работы.

— Гм.

— Полагаю, мне следует как-нибудь позвонить Джону и узнать, получил ли он ту работу в Брюсселе.

— Да.

— Наверное, надо позвонить тому парню, который приходил оценивать мой телевизор. Я сказала, что ответ мне нужен до вторника, но он так и не звонит. Как ты полагаешь, стоит мне снова самой ему позвонить?

— Может быть.

— Ты устал?

— Немножко.

И так могло продолжаться весь вечер, но вместо того, чтобы швырнуть упряму в лицо бокал с вином, дать ему под дых и отправить его на поиски проглоченного языка, Алиса возвращалась домой и терзала себя мыслями о том, что она на редкость тупая и скучная особа.



Хотя открытость и коммуникабельность высоко ценятся обществом, не стоит забывать о загадочной привлекательности людей или явлений, которые с трудом поддаются пониманию.

В некоторых академических сферах царит давнее предубеждение против ясности и понятности: там уважают трудные тексты. Школяров, зачитывающихся туманной прозой какого-нибудь Канта или Гегеля, Гуссерля или Хайдеггера, чаще всего привлекают не только блестящие идеи, но и сложности, с которыми приходится извлекать эти идеи из стилистических закоулков, непроходимых для рядового читателя.

Вот, например, какой пассаж предлагает нам Гегель в своей «Феноменологии духа»:

«Ближайшая истина *восприятия* состоит в том, что предмет есть скорее явление и его *рефлексия-в-самое-себя* есть для себя сущее внутреннее и всеобщее. Сознание этого предмета есть рассудок. Только что упомянутое внутреннее, с одной стороны, есть снятое многообразие чувственного и, таким образом, абстрактное тождество, но, с другой стороны, оно именно в силу этого содержит в себе также и многообразие, но как внутреннее простое различие, которое в смене явлений остается тождественным самому себе. Это простое различие есть царство законов явления, их спокойное всеобщее отображение»<sup>\*</sup>.

\* Цитируется по изданию: Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа (Гегель Г. В. Ф. Сочинения, т. IV. М., 1959).

Возможно, несправедливо выдирать кусок из контекста этого, пожалуй, самого обсуждаемого философского труда, однако трудно не признать, что даже для самого гибкого и пытливого ума аргументация Гегеля зачастую все-таки остается загадочной.

И все же текст, через который невозможно продраться, может считаться более весомым, глубоким и истинным, нежели тот, который читается легко и просто. Чувствительный читатель, погрузившись в Хайдеггера или Гуссерля, думает: «Как глубок этот текст! И если я его не понимаю, то только потому, что автор гораздо умнее меня. Его трудно понять, следовательно, он несомненно достоин понимания...» — и это вместо того, чтобы отшвырнуть книгу и громогласно заявить, что все написанное — невыносимая чушь.

Академический мазохизм есть отражение метафизического предрассудка, будто истина — труднодостижимое сокровище, что все, что легко читается и легко познается, — несерьезно и несостоятельно. Истина подобна высокой горе, на которую следует карабкаться, такое восхождение полно опасностей и требует огромных усилий. И где-то в приглушенном свете читального зала маячит академический лозунг: *«Чем больше текст заставляет меня страдать, тем больше в нем истины»*.

Логическое следствие, проистекающее из всего вышесказанного и отнесенное к взаимоотношениям любовников: трудный возлюбленный может цениться выше, нежели возлюбленный открытый, предсказуемый и звонящий тогда, когда и обещал. Такие возлюбленные не годятся для религиозно-романтических душ, поскольку последние сильно смахивают на ученых, презирующих простую и ясную по

стилю прозу только потому, что она может быть понята и непросвещенным двенадцатилетним подростком.

Поэтому Алиса трактовала молчание Эрика не как знак того, что он скучный тип, а как доказательство восхитительной глубины его интересов. Она была подобна ученому, отдавшему жизнь изучению трудов Гегеля и непоколебимо верящему, что Гегель — гений, в то время как какой-нибудь беспардонный критикан мог бы заявить, что могучий немецкий философ был, в конечном счете, довольно посредственным мыслителем, додумавшимся до пары-тройки хороших идей, но до отвращения неспособным выразить то, что он хотел сказать.

## БРЕМЯ ЭРИКА

Но прежде чем винить Эрика (втайне или еще как) за его жестокое молчание или нарушение обязательства пригласить на ужин, стоит все-таки хотя бы попытаться войти в его положение. Он мог бы с радостью пользоваться преимуществами, которые дарила ему беззаветная любовь, но его также и тяготило бремя, накладываемое на него чрезмерной идеализацией собственной персоны. От него — пусть ласково и не напрямую — требовали, чтобы он стал чьим-то смыслом жизни. Так что неудивительно, что он иногда забывал или путал реплики.

— А что ты подумал обо мне, когда впервые меня увидел? — спросила его Алиса, лежа рядом с ним в постели в одну прекрасную летнюю ночь.

— Я подумал, что ты просто потрясающая, поэтому я с тобой и заговорил.

Алиса издала довольное мурлыканье.

— Как странно, — продолжала она. — Ты мне понравился, но я подумала, что не смогу понравиться тебе. Помнишь, как ты говорил с той женщиной? Я думала, что ты должен предпочесть ее.

Алиса бывала то таинственно сдержанной, то откровенной и наивной, как ребенок: «Как прекрасно, что ты все-таки выбрал меня!» Для того чтобы переварить такую порцию сладкого, требуется желудок крепкий и нечувствительный, а чтобы спокойно реагировать на пугающе неожиданные комплименты типа «Я уверена, что в тебя влюблены толпы женщин. Ты же такой красивый!», требуется немалый опыт.



Эрик был достаточно тщеславным, и можно было бы ожидать, что он, услышав такое, тоже начнет мурлыкать от удовольствия, однако лесть заставляла его неловко ежиться. Парадоксально, но этот человек с удовольствием ловил заинтересованные взгляды женщин на шумных улицах Си-ти, однако ощущал дискомфорт, когда из его собственной постели на него лился поток более откровенных деклараций любви и обожания.

Если он зачастую бывал бесцеремонным или рассеянным, если он порой забывал позвонить Алисе, то, помимо дурных манер, еще и потому, что он чувствовал себя несостоятельным в роли объекта любви. Его пугали заявления, на которые он не мог ответить адекватно и которые он считал неприемлемо (и непростительно) сентиментальными.

Вернемся к костюму, который срочно потребовалось снести в чистку. Его нежелание выслушать ответ Алисы напоминает нам об одной из двух форм отвлечения:

- отвлечение, которое возникает, когда человеку просто наскучил разговор, когда тема больше не может удерживать его внимание;
- отвлечение, используемое для того, чтобы не заострять внимания на чем-то, что уже обсуждалось, попытка избежать риска попасть в неприятную ситуацию, социально приемлемая психологическая реакция, равноценная тому, как если бы человек просто выскочил за дверь.

Когда возникла угроза, что Алиса примется рассказывать о своем детстве, Эрик отвлекся скорее по второй, нежели по первой причине. Хотя он сам задал этот вопрос, рассказ о наиболее болезненном событии ее детства мог

привести к нежелательным для него последствиям, когда от него бы потребовалось искать чистый платок или еще каким-то образом ее утешать.

Эрику хотелось, чтобы Алиса была с ним пожестче — так он мог бы избежать ответственности, налагаемой ее способностью к самоотречению. Однажды утром они ехали на машине в Уайтчепел. Он погрузился в свое обычное молчание, и через некоторое время она повернулась к нему и сказала:

— Прости, что затеваю этот разговор, но ты сердишься на меня за что-то?

У него не было никаких причин на нее сердиться: они встретились в его квартире всего десятью минутами ранее и, пока ехали, обменялись всего лишь несколькими словами. На самом деле его молчание было вызвано беспокойством: в утренней газете он прочел статью о том, что дело, в которое он вложил большие средства неделю назад, могло оказаться совсем не прибыльным.

— Нет, я на тебя не сержусь, — мрачно ответил он.

— Что-то не так?

— Я просто устал.

— Если не от меня, тогда ничего страшного.

— Нет, конечно. Просто я думаю о своем.

В каком-то смысле Алиса совершила ошибку. Точнее, ее поведение лишь усугубило его сварливый настрой. Он не привык к великодушию (или, как могли бы выразиться другие, к гибкости), предполагавшемуся в ответе на вопрос «Ты на меня сердишься?», который был задан женщиной простодушной, добросердечной и мягкой. Он был несправедливо строг, при этом недостаточно зрел, чтобы понять: в вопросе содержался своего рода упрек.

Он привык к женщинам, не отличавшимся душевной щедростью, более сдержанным, чем Алиса. Да, и у него бывали достаточно теплые и близкие взаимоотношения, но обе стороны все-таки сохраняли своего рода дистанцию, и прежде, случись ему вот так, в дурном настроении от газетной статьи, ехать в Уайтчепел, он либо объяснил бы, в чем дело, либо отделался шуткой, чтобы избежать серьезного разговора. Ему всегда нравились возлюбленные со скептическим складом характера, такие, которые не любили считать себя виноватыми, а не те, которые только и искали повода себя обвинить. Алиса, напротив, страдала из-за собственной готовности спускать ему все его капризы.

Его пугала беззащитность ее любви. С осторожностью принимая ее привязанность, он мог лишь на работе, вдали от нее, думать о том, как он сам к ней привязан, в ее же присутствии он был неспособен это понять, не говоря уже о том, чтобы выразить. Ему было необходимо время, чтобы ответить на ее нежность, — так некоторые не могут выразить свои мысли в телефонном разговоре, им, чтобы сформулировать ответ, требуется интимное общение с листом бумаги.

Во время их первой встречи Алиса пожаловалась, что хотела бы заняться более творческим делом, что хотела бы вернуться к рисованию — занятию, в котором она преуспевала в школьные годы, но которое потом оставила. Эрик, будучи в добром расположении духа, терпеливо разглядывал некоторые ее наброски, хранимые в дальнем ящике, а также смотрел, как она рисовала сухие цветы в стоявшей на подоконнике вазе. Это вызвало его особый восторг, и он объявил, что у нее природный талант и что ее рисунки

напоминают ему некоторые наброски Дега, виденные год назад на выставке в Париже.

— Нет, ты надо мной смеешься! Правда, что ты думаешь? — пристала Алиса.

— Я же тебе сказал: на мой взгляд, они действительно хороши. У тебя настоящий дар, я ни за что бы так не сказал, если бы не думал.

— Действительно? — спросила она, закусив губу.

— Конечно. Тебе надо только решиться, и ты добьешься успехов. У тебя есть все данные.

Эрика обуревали смешанные чувства — с одной стороны, неаккуратные старые наброски, в которых совершенно не чувствовалось вдохновения, не очень его впечатлили, с другой — его зачаровали легкие прикосновения ее карандаша к бумаге, и эта зачарованность дорого ему обошлась: в ее глазах он превратился в настоящего художественного критика. Она стала показывать ему свои рисунки и спрашивать, не замечает ли он некоторого прогресса, может ли он указать ей направление, и тому подобное. И Эрик почувствовал себя в роли отца, обладателя авторитета, которого он не хотел и которого, как он считал, у него и быть не может.

А после того как Алиса все выходные рисовала фреску на стене подружкиной ванной комнаты, она пригласила его посмотреть на результаты своих трудов и, стоя перед ним в заляпанных краской рабочих штанах, спросила с робкой и выжидательной улыбкой: «И как? Что ты думаешь? Ты меня одобряешь?»

В выборе слов чувствовался особый подтекст — она не спросила: «Ты это одобряешь?», она спросила: «Ты *меня* одобряешь?» Это прозвучало так по-детски, словно она

была ребенком, нуждающимся в поддержке и утешении: «Правда, я хорошая?»

Такой вопрос налагал на Эрика непосильную ответственность, и он почувствовал потребность обидеть ее, сказать, что ему плевать на эту дурацкую фреску, — в надежде, что она перестанет придавать такое большое значение всему, что он говорит или не говорит.

На ленч они с коллегами ходили в кулинарию по соседству с банком и часто обсуждали там противоположный пол. Как-то в понедельник разговор зашел о женских молочных железах — в тот раз они заказали сэндвичи с пастрами.

— Большие груди это, конечно, хорошо, но, чтоб вы знали, они менее чувствительны, чем маленькие, — изрек Роджер.

— Чепуха! Большие сиськи тоже — дай Бог! Помнишь Кармен, ту испанку, которая у меня была? Она полностью опровергает твою теорию, — ответил Билл.

— Не знаю, не знаю... Вот у Джоди грудь достаточно большая, но я не могу добиться от нее никакой реакции. Эрик, а ты что думаешь? — осведомился Роджер.

— Ну, что я думаю, совершенно очевидно. У Алисы грудь маленькая, но я — с Алисой, значит, я думаю, что все о'кей. Потому что какой же смысл проводить время с женщиной, если тебе не нравится ее грудь?

Облаченные в современные деловые костюмы, Эрик и его друзья вели себя так же инфантильно, как и их далекие предки, — они маскировали свои душевные потребности потребностями сексуальными, и все для того, чтобы облегчить груз ответственности.

Эрик часто говорил о физических достоинствах женщин: у той красивый нос, у этой — ноги, а у вон той — прелестные лодыжки. Также он не стеснялся комментировать и то, что на его взгляд казалось некрасивым: у одной — обвислая грудь, у другой бедра как бревна, третья ходила, словно гвозди в землю вколачивала.

Они с Алисой выходили из супермаркета, и он не удержался от комментария по поводу какой-то дамы:

— Боже, ну почему так всегда? Только заметишь хорошенькое личико, как глянешь ниже — а фигура просто ужас. Видишь, какая она толстая? Просто невероятно! А лицо такое, как будто она и не толстая вовсе.

Такие замечания, хоть и лестные для Алисы, все-таки вызывали у нее некоторую неловкость.

— Ну почему ты всегда так говоришь? — спросила она.

— Как именно?

— Не знаю — то кто-то слишком толстый, то слишком тощий...

— Я просто констатирую факты. Неужели ты не замечаешь, что все эти женщины...

— Понимаешь, мне не нравится, когда ты так говоришь. Это ужасно, что ты все время думаешь о теле.

— Тебе что, не нравится, что я думаю о твоем теле? — спросил Эрик с нарочитым калифорнийским акцентом. — Ладно, не цепляйся ко мне, — и он обнял ее за плечи.

— Я не хотела цепляться. Просто... Не знаю, ладно, забудь. Как ты думаешь, не купить ли нам вина? — спросила она и кашлянула.

Всю дорогу домой Алиса не могла избавиться от мыслей, вызванных этим разговором. Эрик всегда самым благоприятным образом отзывался о ее фигуре и часто в тишине спальни просил ее попозировать перед ним в обнаженном виде, как будто он был скульптором или живописцем, при этом восхищенным тоном называл ее то Венерой, то Афродитой, Евой или Еленой Прекрасной. После нескольких бокалов вина он принимался декламировать оды — мол, грудь у нее как у феи, глаза подобны самоцветам Востока, а лобок служит источником вдохновения для всего человечества.

— Не преувеличивай, ты, поэт-самоучка, — смеялась она и натягивала простыню до подбородка.

— О, наша Венера сегодня стыдлива, и настроенья любить Купидона лишилась...

— Если б Купидон не напился и стрелял без промаха, может, и не лишилась бы...

Неловкость Алисы была порождена сомнениями в том, что именно в ней привлекает Эрика. Она хотела выглядеть в его глазах привлекательной физически, но, пусть это звучит парадоксально, тем не менее не желала, чтобы ее физическая привлекательность была единственной причиной их близости.

У нее была собственная шкала ценностей относительно того, за что можно быть любимой, и только в соответствии с ней она могла решить, действительно ли партнер любит ее.

## 1. За тело

Тело — это решающий фактор в удивительной утрате контроля над восприятием. Окружающие воспринимают

нашу внешность как самую непосредственную часть нашего «я», при этом внутреннее «я» остается скрытым. И хотя наше тело — всего лишь набор клеток, аранжированных особым образом в соответствии со структурой ДНК, окружающие пытаются вычислить по этой аранжировке значение и сущность личности. Жертвы жалкого заблуждения, они называют наши черты прекрасными, циничными, открытыми или очаровательными, уподобляясь поэтам, которые одушевляют ландшафт местности в соответствии со своими эмоциональными критериями, называя гору «смелой», а ручей «веселым».

При этом мы, будучи уверенными, что наше тело не является нашим полномочным представителем, сами применяем при восприятии окружающих те же неверные критерии, так же привязывая их внутреннюю суть к их внешней форме. Мы не способны сопереживать кризису их личности, поскольку для нас очевидна внешняя сторона личности, а не внутренняя, и наше восприятие людей носит сугубо материалистический, опирающийся, фигурально выражаясь, на обе ноги характер.

Лишь на интроспективном уровне мы можем почувствовать, что имеем не больше прав на нашу физическую форму, чем, скажем, на форму планеты в какой-то далекой галактике. И неудивительно, что, анализируя вопрос о разуме и теле в «Рассуждении о методе», Декарт в негодовании воскликнул: «Мое я, душа... полностью отлична от тела», — хотя биографы и упоминают о пристрастии к шелковым носовым платкам и фламандским брыжжам, что, возможно, противоречит ортодоксальной трактовке его труда.

Конечно, существуют люди, не сомневающиеся в том, что их тело является полным их отражением, что между их



восприятием себя и фото на паспорте существует счастливое согласие. Они не могут пройти мимо зеркала, не подмигнув себе и не подумав: «Ай да молодец!» Физическая удовлетворенность Эрика собой проистекала скорее из этого согласия, нежели из особого тщеславия. Он считал, что его лицо точно отражает его внутреннюю сущность, он радовался тому, что окружающим нравится его живой взгляд, его коротко стриженные волосы, его сильная челюсть и мальчишеская улыбка.

Но есть и те, кто испытывает острое неудовлетворение, причем спектр претензий колеблется от простого «Мне не нравятся мои глаза» до сложного «А что я, черт побери, вообще делаю в этом мире?». Но нет! Возможно, «Мне не нравятся мои глаза» — это не лучший пример, потому что несогласованность между телом и восприятием себя — вопрос более глубокий, нежели простая *нелюбовь* к собственным глазам. Этот вопрос имеет более психологический, экзистенциальный смысл, чем «Эти глаза — *не я*». Алисе, например, не нравились ее большие пальцы, но она понимала, что они вполне отражают ее сущность. Ее большие пальцы — особенно правый — совпадали с ее восприятием себя: ноготь говорил об идеализме, сустав — о некоторой неуклюжести, внешняя сторона — об ироничности, к тому же его часто покусывали, а это выдавало нервозность. Но она не могла с такой же завидной согласованностью смотреть на свое лицо. Лицо вело себя странным образом: выражало радость, когда по всем показателям ему следовало бы выражать печаль, выглядело легкомысленным, когда от него требовалась задумчивость, казалось растерянным, когда черты должны были строго застыть. Она ловила свое отражение в вагонном окне и видела лицо двенадцатилетней девчонки,

в то время как ее отражение в окне офиса явно принадлежало шестидесятилетней матроне.

В подростковый период зеркало заставляет нас терзаться многовековым философским вопросом о внутреннем и внешнем. В это время Алиса искала спасения в книгах, и говоря об этом периоде жизни с Эриком, шутливо называла его «невероятно депрессивным»: «У меня в голове царил такая путаница — по поводу секса и всего прочего. Я ненавидела себя, но еще больше ненавидела мальчиков. Я их так боялась, и если кто-то из них со мной заговаривал, я краснела с головы до ног и начинала нервно хихикать и дергаться, закрывалась у себя в комнате, занавешивала окна и зеркала, валялась на кровати, читала дурацкие романы и рыдала, когда кто-то стучался в дверь».

Мама Алисы была жертвой предрассудка, согласно которому девушки «определенного возраста» должны отдавать все свои силы и время на то, чтобы производить впечатление на мальчиков, — с перспективой дальнейшего замужества. Ее шокировало пристрастие Алисы к старым джинсам и свитерам, и со свойственной ей энергией она таскала дочь по магазинам и бутикам и громовым шепотом вопрошала продавщиц: «Есть ли у вас хоть что-нибудь, что, на ваш взгляд, подойдет этой юной леди?»

И поскольку ассортимент в этих магазинах примерно на полвека отставал от общественного вкуса, в результате Алиса становилась похожей на свадебный торт — вся в воланах, лентах и кружевах. Эти наряды были способны отпугнуть любую особь мужского пола, и матушке все никак не удавалось сбыть с рук свою неуклюжую Лолиту.

Что больше всего мучило Алису в ее несовпадающем с ней самой теле, так это то, что другие видели согласован-

ность в том, в чем ее не было. Если Алиса считала свою физическую форму чем-то случайным, мужчины не могли не полагать эту форму продолжением ее самой. И когда Эрик пел шуточные хвалы ее груди, она не могла радоваться, она воспринимала их как поощрительный приз, вручаемый тому, кто опоздал на раздачу главных призов.

— Твой носик — это *ты* сама, — говорил Эрик, когда, лежа в постели, нежно проводил по нему пальцем.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, то, что он такой маленький, чуть вздернутый...

— Понятно, мы присутствуем на лекции по френологии.

— Вот именно. Кстати, а что, черт побери, это такое?

И как бы окружающие ни пытались, они все равно не могли понять Алису, когда она говорила: «Я совсем не такая, какой кажусь». Испытывая естественное недоумение, они что-то там лепетали по поводу того, что да, конечно, они ее понимают, что внешность — это не главное, да и что они могли сказать, если считали эти ее жалобы простым проявлением неудовлетворенности своим внешним видом?

Алиса прочла в журнале интервью с моделью — за то, чтобы обладать таким лицом, некоторые бы свою бабушку продали, однако эта красавица говорила, что, когда дело касается взаимоотношений, ее внешность превращается в проклятие. Она вышла замуж за невероятно некрасивого мужчину, которого она полюбила за все что угодно, только не за внешний вид, и тем самым она как бы давала понять: я — это больше, чем моя красота, я бы хотела, чтобы и мужчины любили меня вовсе не за нее.

Алиса пришла к выводу, что совершенно не важно — красив ты или уродлив: тело — это проклятие, это пропасть

между тем, какими мы сами видим себя, и тем, какими нас видят окружающие. У человека-слона и топ-модели, хоть и находящихся на противоположных концах модного спектра, одна и та же психологическая судьба.

Именно определенным кокетством Алисы можно объяснить ее чрезмерные расходы на нижнее белье и средства для ухода за лицом.

Кокетство можно трактовать в данном контексте как форму амбивалентности, при которой человек порицает что-то из страха — потому что это «что-то» обладает властью, оно желанно и не поддается полному контролю. В то же время ему нравится извлекать выгоду из этого чего-то.

Например, добившийся успеха художник кокетничает, когда гневно обличает капиталистическую систему, однако с удовольствием обналичивает чеки, которые выдают ему представители этой самой капиталистической системы, приобретая его работы. «Не в красоте счастье», — кокетничает супермодель, которой платят миллионы именно за то, что она прекрасна. Заявление это делается по поводу события, которое не могло бы с ней произойти, не будь жеманница хороша собою (вот она только что вернулась со съемок в Кении, вот объявила о том, что начинается выпуск именных духов). И Алиса тоже кокетничала, когда, вкладывая средства в соблазнительное белье, говорила: «Я никогда не стану судить о других по внешности и надеюсь, что и обо мне не станут».

Она знала жестокие правила игры, и это знание вело ее в магазины одежды и к парикмахерам, но когда какой-либо мужчина обращал на нее внимание, она до определенной

степени желала, чтобы уравнение его желания решалось без применения вышеуказанных правил. Если ее внешность привлекала внимание, она хотела, чтобы возлюбленный не принимал в расчет ее внешность. В мечтах — в которых не было ничего ханжеского — она уносилась в мир, в котором телу не было места — в картезианском смысле, то есть оно бы присутствовало, потому как секс — это чудесно, однако оно бы ничего не решало и не определяло. И ее любили бы за то непонятное, что оставалось после вычитания внешности, за неразбериху опыта, впечатлений, привычек и темперамента, которую она называла своим «я».

## 2. За деньги

До того как потерять все свои средства, отец часто страшил Алису рассказами о мужчинах, которых могут привлекать к ней ее деньги. «Тебе на пути встретится сонм таких типов, они будут стремиться попользоваться твоими деньгами, но, поверь, это даже хуже, чем когда кто-то хочет попользоваться тобой в сексуальном смысле», — говаривал он в те времена, когда у него самого еще не было опыта жизни бок о бок с супругой, чья любовь испарилась сразу же, как только испортилось состояние.

Осознание связи между любовью и деньгами подтолкнуло ее отца в свое время к погоне за богатством, но при этом — и в этом заключается парадокс, подобный тому, который мы рассматривали, говоря о прекрасном теле, — он утратил доверие к женщинам, которых привлекал этим легко отделимым от его «я» средством. Глядя сквозь призму своего циничного опыта на собственную дочь, он дошел до того, что назвал парня, с которым Алиса встречалась, когда

ей было семнадцать, «золотоискателем» — все потому, что она несколько раз сама платила за билеты в кино и на концерты. Такой проблемы более не существовало — финансовый крах избавил отца и от состояния, и от супруги, — и теперь единственным доходом Алисы была незавидная, но более приемлемая с точки зрения истинной любви зарплата.

Доходы Эрика были неизмеримо выше, из-за чего Алиса несколько раз говорила: «Мне нравится выходить с тобой в свет, потому что благодаря тебе я узнала те стороны жизни в Лондоне, с которыми прежде не сталкивалась — дорогие рестораны, театры и все такое прочее».

В ответ Эрик довольно улыбался, хотя, будь у него несколько иные взгляды, он мог бы задаться вопросом: а долго ли Алиса будет радоваться их совместному существованию, если это существование вдруг сползет на более низкую налоговую сетку, что вполне может произойти, случись ему совершить ошибочное капиталовложение.

Но, не имея привычки размышлять о побудительных мотивах любви, он просто говорил себе: «Покуда меня любят, какой смысл спрашивать за что?»

### *3. За достижения*

Как раз в тот период, когда она начала встречаться с Эриком, Алису повысили по работе — она стала иметь дело с клиентами, сумма контрактов которых колебалась в районе полумиллиона фунтов стерлингов. Ее посылали в командировки в Дублин и Париж, она вела переговоры с клиентами в Бостоне и Мадриде, ей выделили отдельный кабинет и дали личного секретаря.

Сознавая, что ей могут завидовать, она взяла за обычное пренебрегать свои достижения. Если кто-то из друзей говорил: «Мне бы такую работу», — она отвечала: «Да что ты, в ней нет ничего хорошего. Твое место гораздо лучше».

Эрик ей не завидовал — он скорее ею гордился (в патерналистском смысле подтекст его гордости был таков: «Добро пожаловать в мир настоящего бизнеса, в котором я живу уже давно»). В тот день, когда она получила для агентства новый выгодный контракт, он пригласил ее на ужин и осыпал похвалами, а позднее — поцелуями. Он похвалялся перед друзьями тем, что встречается с особой, которой суждено стать одной из ведущих бизнес-леди Британии, и доброты доносили эти его лестные высказывания до Алисы.

Как бы ни было приятно ей такого рода внимание, Алиса не могла избавиться от легкой горечи, вызванной тем, что она была более желанной для Эрика, когда ей сопутствовал успех и сопряженная с ним сила, чем когда она проявляла слабость и неуверенность. Ей не нужно было, чтобы ее приглашали на ужин, когда она и сама могла пригласить кого угодно, или осыпали комплиментами тогда, когда она сама почти верила в свою привлекательность.

Родители так же относились к ее достижениям, как и Эрик: когда она добивалась какого-то успеха, она замечала, что они становились с ней более ласковыми. До того, как ей исполнилось тринадцать, она училась кое-как и, казалось, была обречена на академическую отсталость. В результате она и дома была непопулярной — ее считали кем-то вроде черной овцы в семье, в особенности по сравнению

с более успешной в учебе старшей сестрой. Но в подростковый период все переменялось, она решила подналечь на учебу, и результаты не замедлили сказаться — сдала экзамены с высшими показателями. Буквально за одну ночь она стала семейной героиней, и на нее полились потоки внимания и подарков. «Разве тебе не нужно еще одно платье, более современный велосипед, неужели ты не хочешь съездить еще в одно путешествие?» — допытывались родители. Но мрачный подросток отвергал все дары, одевался самым неприятным образом и воспринимал родительские предложения как оскорбления. Да они и на самом деле были оскорбительными, поскольку представляли собою другую — пусть и благоприятную — сторону той же монеты, которой с ней расплачивались за ее неуспехи, когда только на основании школьного табеля считали девочкой-чернашкой.

Родители порою пытались объяснить ей свою родительскую некомпетентность: «Мы не умели общаться с детьми, мы могли общаться только с людьми одного с нами интеллектуального уровня, ну вот как с тобой сейчас. По сути, мы не могли дожидаться, пока вы станете взрослыми».

Теперь, когда она могла с легкостью обсуждать практически любую тему, они принялись демонстрировать свою прекрасную, умную дочь всем друзьям-приятелям и были немало удивлены ее нежеланием откликаться на приглашения. Она относилась к своим достижениям, как относятся некоторые голливудские звезды, которые общаются только с теми, кто знал их до наступления звездного часа: «Если вы любили меня, когда я была никем, то будете любить и сейчас». В ней, как и в этих знаменитостях, жило убеждение: «Если вы полюбили меня, только когда я стала



пользоваться всеобщим уважением, откуда мне знать, что вы любите именно *меня*, а не то почтение, которым я окружена?»

#### 4. За слабость

Одари кого-нибудь успехом, личными кабинетами, домами и яхтами, красноречием, красотой или умом, и в такого человека рано или поздно кто-нибудь да влюбится. Но у любви есть свой идеализированный прототип: это безусловная любовь родителя к своему ребенку. Наши самые ранние воспоминания о любви — это воспоминания о заботе, которой мы были окружены, когда были еще слабыми и беспомощными. Некоторые бэби бывают удивительно умненькими и хорошенькими, однако и они по определению не способны самостоятельно общаться с внешним миром. И тем не менее их любят и о них заботятся, следовательно, они любимы просто потому, что существуют, — а существование это приносит не одни только приятности: ведь малыши писают, какают, икают, срыгивают и скулят, и любят их не только вопреки, но и за это тоже.

Но когда ребенок становится старше, он должен любовь заслужить — сказать «спасибо» после еды, принести мамочке очки, вымыть посуду, а еще позже — стать владельцем телестудий, вилл на Мартинике и шале в Сент-Морице. Но хотя все вышеперечисленное гарантирует интерес окружающих, в глубине души мы жаждем не комплиментов старлеток и ведущих телешоу, а воссоздания контракта, заключенного когда-то между младенцем и родителем, по которому родитель был обязан при любых обстоятельствах хранить верность и преданность.

Алиса сознавала, почему в ее отношениях с Эриком присутствовала некоторая напряженность: одна часть ее натуры жаждала быть хныкающим младенцем, непостоянным, неразумным, требовательным, а другая знала: чтобы сохранить его привязанность, следует играть роль ответственной, зрелой женщины, привлекательной, мудрой и нетребовательной.

Порою они с Эриком говорили о политике, при этом она склонялась скорее влево, а он — скорее вправо. Как-то раз, после краха известного автомобильного гиганта, у них разгорелся ожесточенный спор.

— Но пойми, единственное оправдание для бизнеса — это доход, — говорил Эрик. — Если бы они умели делать автомобили, которые нравятся потребителям, они могли бы продолжать свой бизнес. Но они больше не могут его вести. И оправдания им нет. Их модели устарели, кадры раздуты, их менеджмент неэффективен, затратен и плох, они не вкладывали необходимых средств в инженерные разработки и в новое оборудование, так что естественно, что они разорились. Они и должны были разориться.

— Ну как ты можешь так говорить? Двадцать тысяч человек теряют работу, целый город остается без средств к существованию, и ты думаешь, что это правильно?

— Во всем есть высшая экономическая справедливость: если азиатские страны производят более дешевые и качественные автомобили, почему они не должны получать за это соответствующее вознаграждение? Да, этот город придет в упадок, но вместо него станет процветать какой-нибудь город в Корее или Малайзии — именно таковы правила игры. Корейские компании тратят огромные суммы на современные станки и приборы, равные которым ты

в этой стране просто не найдешь. Правительства не имеют права тратить деньги налогоплательщиков на поддержку распадающихся компаний — выживают наиболее приспособленные. Экономика должна строиться на основании реальных требований, ее нельзя стимулировать искусственно путем поддержки предприятий, которые рынок обреч на вымирание.

— Но это нелепо, негуманно, жестоко. Налогоплательщик не пострадает, если правительство даст компании заем на несколько лет, чтобы она могла выправить положение и снова стать прибыльной.

На самом-то деле это был спор не по поводу загнивающего автомобильного рынка и не по поводу государственных кредитов или мудрости корейских капиталовложений: Алиса защищала автозавод, потому что она отстаивала право слабых на любовь, а в нападках Эрика она видела не просто проявление капиталистического дарвинизма — она боялась, что его отрицание права слабости на существование касается не только бизнеса, но и любви.

Она боялась жестокости его экономической логики, боялась, что однажды, увидев, что бедра у нее раздалились, а груди обвисли, он и ее объявит «неэффективной», «затратной» и «неоправданной». Какими бы ни были истинные качества автопроизводителя, ее защита была отголоском детской потребности в безусловной любви (как если б она сама стала банкротом), а в государстве она видела желанного всепрощающего родителя. Возможно, управлялся автозавод из рук вон плохо, но разве он не принадлежал нации, разве его рабочие не были гражданами страны и разве государство не обязано было нянчить предприятие, пока оно не возвратило бы себе экономическое здоровье?

Когда один коллега попытался свалить на Алису вину за незаконченный контракт, Эрик помог ей так составить отчет для начальства, чтобы, с одной стороны, не выглядеть виноватой, а с другой — не подставить никого из окружающих. Когда он увидел, что ее обижают, он принял вызов, встал на ее защиту, но с куда меньшей готовностью он реагировал на ее растерянность, если она не бывала связана с неприятностями на работе, а порождалась, например, болезнями кого-то из друзей или членов семьи. Он не воспринимал «печали ни о чем», печали, у которой не было рационального объяснения, кроме того, что ей грустно и что она нуждается в поддержке на самом примитивном, самом бессмысленном уровне. Да она и сама не хотела обременять его этой своей слабостью. Она знала, что он гордится ею за способность быть сильной, хотя ее глубинным, невысказанным желанием было, чтобы он любил ее *«за мои страхи, за мою усталость, за мои неврозы, любил меня за то, что я есть, даже когда я просто не справляюсь...»*

## 5. За детали

За несколько лет до этого Алиса проводила отпуск во Флоренции. Когда она в палаццо Медичи разглядывала картину Гоццолли, к ней подошел человек и прошептал на ухо, что у нее кожа как у ангела. Поскольку у него самого кожа была отнюдь не ангельской, а сидящие на носу очки в роговой оправе намекали на то, что по галереям он ходит не только ради соблазнения невинных туристов, она приняла предложение выпить чашечку кофе. Чашечка кофе плавно перетекла в обед, прогулку по галерее Уффици, а закончилось все совместно проведенной ночью.

Поутру Джованни подал ей кофе и льняной купальный халат, и они уселись на веранде его дома в пригороде Флоренции. Там, на цветисто-ломаном английском, он пустился в возвышенное объяснение в любви — при этом он следовал перенятой у американцев привычке повторять в конце каждого предложения имя собеседника. Однако проведенная с английской леди ночь (или в том было только кофе виновато?) перепутала его литературные реминисценции, и он без конца именовал ее не Алисой, героиней Льюиса Кэрролла, но Беатриче, героиней Данте.

Поскольку она не запрашивалась на таковое объяснение, да и вряд ли его можно было считать неременным атрибутом случайной встречи, Алиса не встревала с поправками. Не была она оскорблена и обезличенным подтекстом описания того, что с ними в эту ночь произошло. Но в поезде, уносившем ее назад, в Англию, она не могла сдержатъ улыбки при воспоминании о контрасте между горячо и искренне звучащим объяснением и невниманием, проявившимся в замене ее имени на имя великой флорентийской литературной героини.

Для Алисы любовь становилась тем истиннее, чем больше один возлюбленный знал о другом. И не обязательно это были основные параметры существования (возраст, работа, национальность и т.п.), скорее, мелочи, составляющие отличительные признаки человека — какой джем он предпочитает на завтрак, какие смешные происшествия случались с ним в детстве, какие он любит цветы и какую зубную пасту.

Она доверяла тем, кто стремился узнать о ней как можно больше и таким образом как бы усилить ее ощущение собственной индивидуальности. Тогда в разговорах могли

бы проскальзывать фразы типа: «Помнишь, как я на прошлой неделе рассказывала тебе о...», означавшие большую близость, чем если бы вместо такой фразы звучало: «Это я тебе рассказывала ту историю или моей соседке?» Они могли бы вместе обращаться к мельчайшим подробностям ее жизни: «Ты вот вспоминала, что в детстве мать возила тебя в Страсбург...» или даже — совсем обыденно: «Ты ведь кладешь в чай два кусочка сахара, не так ли?» Такие мелочи говорили о том, какое место она занимала в памяти возлюбленного.

Если мужчина помнил, как она произносила некоторые слова или как держала вилку, какие книги и какие рестораны предпочитала, это красноречивее, чем дорогие букеты роз и пламенные объяснения, говорило ей о его любви и о том, что она могла верить в его любовь. И вовсе не из скромности предпочитала она, чтобы возлюбленный говорил ей: «Эти серьги тебе идут. Ты, кажется, в них была в прошлый вторник?», а не называл ее самой прекрасной женщиной на свете.

Вот почему когда Эрик сказал: «Так приятно наблюдать, как ты чистишь апельсин», — на сердце у нее стало тепло и она улыбнулась. В ее иерархии «я» замечание о том, как она чистит апельсин, было более интимным, более относящимся к ней самой, чем, возможно, более живописный, но менее детализированный комплимент.

## 6. За беспокойства

Если двое незнакомцев встречаются на какой-нибудь вечеринке и признаются друг другу, что им трудно разговаривать на вечеринках с незнакомыми людьми, таковое

признание в общей социальной проблеме таинственным образом устраняет любые препятствия для свободного общения — оба ухитряются избежать риска неестественного и напыщенного диалога.

Беспокойства отражают страхи индивида перед давлением общества. Буду ли я интересен моему собеседнику? Скажу ли то, что он ожидает от меня услышать? Смогу ли соответствовать ожиданиям тех, кто меня любит?

Эти беспокойства оседают на чувствительной мембране между человеком и обществом, и, не имея возможности никому в этом признаться, опасаясь, что окружающие его не поймут, человек считает себя одиноким в толпе людей. Разве это не апофеоз одиночества — сказать: «Я испытываю приступ острого беспокойства» — и услышать в ответ искренне-недоуменное: «Что ты имеешь в виду? Разве есть какой-то повод для волнений?» А поскольку мы подшучиваем над причинами своих страхов, неудачная попытка рассказать о них лишает нас возможности совместно над ними посмеяться, что влечет за собой определенные изменения в личности.

Разговоры с Эриком и их общие взгляды на взросление, ночные клубы и футбольные команды скрепили их отношения.

— Боже, я помню, как ненавидела танцевать, — рассказывала Алиса. — Нет, сама идея мне импонировала, но я была так застенчива, что мысль о выходе на танцевальную площадку ввергала меня в ступор. Помню, в летнем лагере один мальчик пригласил меня на танец, но я так перепугалась, что сказала «нет». Возможно, это сломало мне жизнь — ведь могло ж так случиться, что он стал бы моей самой большой любовью...

— А я рад, что ты с ним не пошла, — ответил Эрик. — Но я тебя понимаю — когда не знаешь, как нужно танцевать, чувствуешь себя таким идиотом. Считается, что в этом возрасте ты должен делать то-то и то-то, и когда ты этого просто не хочешь делать, чувствуешь себя чужаком. У меня было такое с футбольными клубами. В моей школе все за кого-то болели, но мне было на футбол наплевать, поэтому некоторое время меня считали настоящим придурком. Я даже помню, как спрашивал у мамы: а можно ли, правильно ли ни за кого не болеть, и вообще, все ли со мной в порядке?

Их разговор о танцах и футболе имел особое значение, потому что вокруг и того, и другого сконцентрировано клановое, групповое давление. И признаться в отсутствии интереса или в беспокойстве по поводу этого отсутствия значило отстраниться от группы, а обоюдное признание дискомфорта, испытываемого при уклонении от общественных требований, цементирует отношения: значит, ваши личности тождественны еще в чем-то.

## 7. За ум

Современный рыцарский кодекс предполагает, что наилучшей формой любви — это любовь за интеллектуальные способности. Представьте себе такую ситуацию: девушка знакомит подружку со своим новым поклонником, при этом прекрасно понимая, что его внешность непременно оскорбит эстетический вкус старинной приятельницы. Поэтому в первый же удобный момент подружку отводят в сторону и горячечным шепотом сообщают ей: «Ты знаешь, Максимилиан *блестящий* человек! Он просто потрясающе



умный!» И те, кого обычно привлекают хорошо тренированные тела, роскошно обставленные жилища или просто понимающие и добрые партнеры, чувствуют свою несостоятельность в присутствии этой модели истинной любви — любви к интеллекту.

Поскольку Алиса не хотела, чтобы ее любили за внешность, можно было бы предположить, что она желала, чтобы ее любили за ум. В определенном смысле так оно и было, однако вопрос сложнее, чем кажется на первый взгляд. Многие говорили, что она умница, потому что она хорошо училась и в школе, и в университете, а сейчас преуспевала по службе. Она признавала за собой определенные способности: например, она была сильна в математике, умело чертила таблицы и диаграммы для еженедельных совещаний по продажам и высчитывала потенциальные потери и выгоды. У нее была также хорошая память, и она все схватывала на лету, особенно легко давались ей иностранные языки. Но не за это хотела она быть любимой: она знала, что головная боль или дурное настроение резко снижают ее умственные способности, а то, что другие считали интеллектом, было всего лишь формой мозговой акробатики, на самом деле не имеющей почти никакого отношения к ее истинному «я».

Так что, возможно, в дальнейшем понятие «ум» следовало бы разделить на две части: на интеллект и на другую, более эфемерную — ту, что остается в этом понятии за вычетом интеллекта.

### *8. За факт существования*

В определенном смысле Алиса всего лишь хотела быть любимой за то, что она ни при каких обстоятельствах не

могла бы потерять, утратить, не потеряв, так сказать, самое себя.

Потому что со временем и при неблагоприятных обстоятельствах она могла бы утратить:

- а) внешний вид;
- б) работу;
- в) деньги;
- г) интеллектуальные способности.

И все же она продолжала бы оставаться собой.

Поэтому она хотела исключить вышеперечисленные категории из любовного обихода — ведь они были по отношению к ее существованию внешними, посторонними. Опасность заключалась в том, что они не поддавались ее контролю. Возможно, сейчас они определяли ее привлекательность, но в один прекрасный день могли исчезнуть — а вместе с ними и любовник, ими привлеченный.

Между этими танталовыми усилиями наконец-то найти то, за что нас можно любить, и ревностными Декартовыми поисками истины существует определенная аналогия. Его легендарный ответ о *cogito* стал инструментом, позволяющим подняться над скептицизмом, привнесенным в философию Монтемом, Галилеем и Гассенди: «Откуда нам знать, что что-то действительно существует, что что-то действительно таково, каковым оно представляется нашим органам чувств?» (Разве не напоминает этот вопрос сомнение, доводящее нас до депрессии в три часа ночи: «Откуда мне знать, что эта любовь настоящая? Что он любит именно меня?»)

Декарт раздвинул границы скептицизма и пришел к выводу, что, хотя он может сомневаться во многом из того,

что его окружает, единственное, в чем он может не сомневаться, так это в том, что в данный момент он находится в процессе размышления. Мыслящие существа имеют право сомневаться в чем угодно — от цвета деревьев до формы Земли, но они могут при этом быть совершенно уверены в своем собственном существовании, поскольку осознают собственные сомнения. Как тот же Декарт выразился в своем «Рассуждении о методе»: «Сновидения нисколько не должны заставлять нас сомневаться в истине мыслей, которые посещают нас наяву».

Тезис «Я мыслю, следовательно, я существую» (*Cogito ergo sum*) не следует путать с его более поздней интерпретацией, говорившей о разумности (так называемое «картезианское» сомнение). Декарт был далек от предположения, что люди могут претендовать на существование только в том случае, если их мысли отличаются строгостью, для чего желательно, чтобы они записались на какие-нибудь прогрессивные философские курсы. В *cogito* ценностные категории в отличие от описания иных видов деятельности отсутствуют. «Я чувствую, значит, я существую»; «Я играю в сквош, следовательно, я существую», и т. д. Этот тезис фиксирует тот минимум, в котором каждый может быть уверен абсолютно, в то время как все остальное может вызывать сомнения. Это способ отбрасывания всех неопределенностей, пока ты не останешься наедине с простой и голой правдой, на основании которой можно выстраивать все другие правды.

Поиски истинных критериев любви движутся по аналогичной траектории. Быть скептиком — значит считать лицемерными и фальшивыми все общепризнанные побудительные мотивы любви — будто любят за то, что кто-то

красив и богат, умен или силен. Все это может быть сокращено, уничтожено временем или судьбой, а ведь мы ищем в любви к нам того самого неуничтожаемого элемента.

Проблема, с которой столкнулся и Декарт, но по поводу которой он не очень-то волновался, состоит в том, что как только мы решимся на операцию по очистке от посторонних наслоений того самого истинного критерия любви, как выясняется, что с таким трудом найденная сердцевина весьма специфична и еще менее понятна. Декарт сомневался во всем, однако понимал, что факт того, что он при этом мыслит, сомнению не подлежит — и уже сама очевидность этого тезиса прекрасна, но что на самом деле говорил он ему о природе истины? Что ему с ним было делать? К чему применить? Ведь как бы точна и правильна ни была эта мысль, она в то же время не имела к процессу познания никакого отношения.

И с чем осталась Алиса, отринув все эфемерные, неистинные критерии любви? Что остается от нее в качестве объекта любви, если отбросить внешность, ум и другие ценные качества? Как и у Декарта, не так уж много.

Она осталась с чистым разумом, с чистым ядром бытия, с желанием быть любимой просто потому, что она существует.

Так что неудивительно, что она продолжала покупать косметику.

## ПУТЕШЕСТВИЕ

Ближе к концу октября Эрик и Алиса договорились, что возьмут на Рождество недельку отпуска. Занудливый осенний дождь, короткие дни, холодные ветры выталкивали их к далеким теплым берегам, так что они принялись рассматривать туристические проспекты. Дальний Восток, Таиланд и Индия, Полинезия, Маврикий и Сейшелы... В конце концов они остановились на Карибском бассейне и выбрали гостиницу на Барбадосе, о которой в проспекте говорилось, что она «манит расслабиться», а обслуживание «соответствует всем современным требованиям», о чем свидетельствовала и цена.

В перспективе отпуска есть своя мистическая составляющая: безусловное — в отпускном плане — будущее помогает преодолевать проблематичное настоящее — например, если вы испытываете усталость, раздражение или беспокойство, но у вас нет времени серьезно заняться этими вопросами и поводами к ним, тогда в отпуске вам видится исцеление. Каждый раз, подумав, что в последнее время она слишком мало читает, Алиса тут же бежала в магазин, покупала книгу и подкладывала ее к «отпускной стопке», которая становилась все выше и выше — чтобы прочесть все это, потребовался бы отпуск длиною в год. Стоило Эрику загрустить о том, как мало в последнее время он уделяет времени занятиям спортом, как мысли о подводном плавании в «идиллически-лазурных водах» (именно так описывались они в выданной им турагентством брошюре) отгоняли все угрызения совести. А поскольку из-за напряженной работы им не так уж много времени удавалось проводить вместе, они смотрели

на поездку как на шанс «заново открыть друг друга» (это обещание брошюра иллюстрировала фотографией пожилой пары, распивающей на гостиничной веранде шампанское).

К путешествию они готовились серьезно: закупали лосьоны для загара и майки, солнцезащитные очки и сандалии, пляжные сумки и книги. Вели они себя так, будто поездка была рассчитана на несколько месяцев, и размер багажа символично свидетельствовал о стремлении к вечному блаженству.

Время, чей бег весьма относителен — мы знаем, как быстро оно пролетает в радости, — тянулось ужасно медленно, но, несмотря на все его сопротивление, тот долгожданный декабрьский день все-таки наступил. Они проснулись в праздничном настроении, шутили, беспричинно смеялись и накупили в аэропорту еще какое-то количество никому не нужной чепухи. Они чувствовали близость друг друга, прочь ушли все сомнения, все терзавшие их вопросы. Они снова обрели волю к тому, чтобы радоваться друг другу, чтобы минимизировать любые трения. Эрик вызвался нести ее сумки, Алиса спросила, не хочет ли он почитать что-либо из ее книг или журналов. И когда самолет побежал по взлетной дорожке, они взялись за руки. В этом соприкосновении было что-то от радости, которую испытал Колумб, впервые ступив на неведомую землю.

— Разве это не чудо, что всего лишь через несколько часов мы окажемся на другой стороне Земли? — спросил Эрик.

— Это просто невозможно представить, это кажется нереальным.

— А самолеты — разве не чудо? — настаивал Эрик.

— Угу.

— Как подумаешь, что самолет величиной с десяток зданий несется по воздуху со скоростью пятьсот миль в час...

В этот момент раздался голос капитана корабля, зачитавшего маршрут полета. По коридору В4 они долетят до Бристоля, затем свернут, перелетят Атлантику и через пять часов и несколько тысяч миль достигнут Барбадоса. Алиса разглядывала в иллюминатор унылые лондонские пригороды.

— Господи, как же я счастлива, что мы улетаем от всего этого — от этих ужасных улиц, туч, дождя!

— Ты такая красивая, так бы тебя и съел, — заявил Эрик.

— Может, все-таки потерпишь до обеда?

— Нет. Ты замечательная, правда. Я не часто об этом говорю, я знаю, но ты — прелесть. Ты восхитительная, сладчайшая, нежнейшая, дивная... Ты — мой чудесный арбузик.

— Ты сумасшедший! — засмеялась Алиса, и он поцеловал ее с такой страстью, которая могла бы пробудить интерес даже у самой снулой стюардессы.

Потом они заснули и проснулись, только когда самолет начал снижаться над островом, дав им возможность увидеть, как он зелен и какой голубой водой окружен. Век воздушных перелетов превратил прибытие во что-то стремительное, бестолковое. Дверь открылась, и на них хлынул поток горячего влажного воздуха, пахшего морем.словно по мановению волшебной палочки они оказались на чужой земле, их самолет, «Боинг-747», выглядел слишком громоздким по сравнению со зданиями аэропорта, замедлявшееся вращение турбинных лопастей как бы говорило: «Перелет?

Какой перелет? Да никакого перелета и не было...» Легкий бриз колыхал пальмы, по лазурно-голубому небу плыли маленькие облачка.

— Как же здесь жарко! Просто невероятно! — воскликнула Алиса, слой за слоем сбрасывая с себя одежды.

Аэропорт представлял собою драматическое столкновение двух культур: западной, чьи представители были достаточно безумны, чтобы построить для себя гигантские стеклянные трубы, внутри которых было проще развивать никому здесь не нужную скорость, и вест-индской, куда менее озабоченной временем и скоростью: ее представители двигались степенно и с достоинством. После перелета со скоростью пятьсот миль в час пассажиры спешили схватить багаж и приступить к отдыху, за который так дорого заплатили и которого ждали так долго, — а вот служащие аэропорта придерживались совершенно иной концепции времени: они считали, что если что-то не случилось сегодня, то непременно произойдет завтра.

— Ну когда, черт побери, они запустят наконец конвейер? — волновался Эрик.

— Расслабься, — ответила Алиса, имитируя местный акцент и томно обмахиваясь подобранным в самолете журналом.

На выходе из аэропорта их встречал микроавтобус. Водитель, представившийся Дэвидом, повез их в гостиницу, расположенную на северо-западной стороне острова. По радио местный диджей передавал рэп-версии рождественских хоралов и желал своим слушателям безмерного счастья. Они проехали через столицу, Бриджтаун, в архитектуре которой было заметно влияние британского колониального стиля.

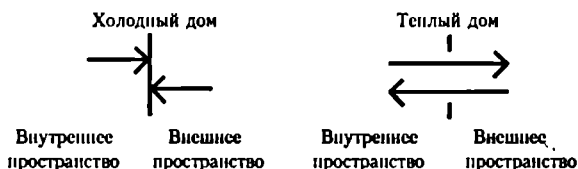


— Разве не потрясающе, что всего девять часов назад мы еще были в Лондоне? — заметила Алиса, во все глаза глядя на проплывающие мимо незнакомые улицы и площади. Здесь все было чужим: реклама навязывала незнакомые товары, растительность была буйной и в ней превалировал темно-зеленый цвет, по щербатым мостовым тарахтели старые автомобили. Это было царство ярких красок: сады заросли оранжевыми, розовыми и малиновыми бугенвиллиями, гибискусами и пуансеттиями.

Наконец они подъехали к отелю и прошли в фойе.

— Добро пожаловать в отель «Крузо», — приветствовал их портье, и после выполнения обычных формальностей проводил в бунгало, расположенное позади главного здания. Из бунгало открывался вид на море, слышался плеск волн, мягко набегающих на песчаный пляж.

Местный климат диктовал свои архитектурные законы: окон в бунгало как таковых не было — просто два больших проема в стене, сквозь которые вольно гулял свежий ветерок. Здесь не соблюдалось строгое северное разделение пространства на внешнее и внутреннее, здесь не было нужды в ставнях, запорах и двойных рамах. Это была архитектура, в основу которой легло доверие, в ней не было места подозрительности — и она сразу же пришлась по вкусу Алисе, ненавидевшей похожие на склепы дома Севера.



Эрик, во всем предпочитавший основательность, принялся искать кондиционер, а не найдя, позвонил портье. Оказалось, что здесь подобные устройства запрещены.

Алиса разделась, закуталась в висевший в ванной халат и вышла на веранду. Она чувствовала, как воздух ласкает кожу, как оживает тело, уже привыкшее к многочисленным одежкам, призванным защищать от холодной лондонской зимы.

— Хочешь пойти поплавать? — спросила она.

— Пока нет, мне надо разложить вещи, — откликнулся из спальни Эрик.

— Хорошо, тогда я сбегаю, скоро вернусь.

Она извлекла из чемодана купальник и полотенце и по песчаной дорожке спустилась на пляж. С разбегу бросилась в воду, взбивая ногами маленькие песчаные смерчи, и, когда глубина позволила, нырнула и поплыла. Ей хотелось размять мускулы, и она плыла сильно, быстро. Проплыв от одного конца бухточки до другого, она вернулась на берег и легла на полотенце, надеясь ухватить последние лучи уходящего солнца. Она чувствовала себя сонной и усталой (по лондонскому времени уже была глубокая ночь) и ненадолго задремала.

Вернувшись в бунгало, она нашла Эрика в состоянии глубокого раздражения.

— Что случилось? — спросила она, заметив, как он расстроен.

— В этом чертовом отеле не нашлось подходящего модема для моего компьютера.

— Какого модема? Зачем тебе понадобился модем?

— Затем, что я взял с собой компьютер.

— Но я думала, что ты всего лишь собираешься написать на нем несколько писем.

— И это тоже, но в основном я взял его, чтобы подключиться к Интернету и таким образом сократить расходы на телефонные переговоры, а теперь они заявляют, что это невозможно!

— О, да не волнуйся ты так, я уверена, что это не проблема, каким-нибудь образом все решится.

— Сомневаюсь. Это катастрофа. И душ к тому же работает черт знает как...

Алиса вздохнула и присела на краешек кровати. Путешествия и связанные с ними изменения привычного образа жизни явно нарушали внутреннюю гармонию Эрика. Если туроператор в Лондоне пообещал, что местные телефонные розетки годятся для компьютерного модема, тогда действительно это непорядок и для раздражения есть повод.

Эрик привык к бизнес-отелям, где в углу каждого номера стоит большой телевизор, где есть пара кнопочных телефонных аппаратов, эффективная система стирки белья постояльцев, всегда готовые помочь портье и ваннные, к стенам которых не прилипли чьи-то волосы и из кранов не течет ржавая вода. Из всех гостиничных сетей он предпочитал «Трансконтиненталь», отели которой были в каждом крупном городе. Гостиницы «Трансконтиненталь» ждали гостей в Нью-Йорке и Гонконге, в Бомбее и Кейптауне, и, оказавшись в фойе, постоялец-завсегдатай мог забыть, в каком конкретно городе он находится, — если бы не язык, на котором изъяснялся обслуживающий персонал. Все различия между этими гостиницами были сведены к минимуму, и вопреки существованию за их стенами рикш или незнакомых храмов, постоялец мог в любую минуту набрать девятку и заказать на завтрак все тот же датский творог и эспрессо. Эта философия была выражена в рекламном слогане:

«Трансконтиненталь» создан для того, чтобы вы везде чувствовали себя как дома.

Тех, кто отправляется в дальние края, можно условно разделить на две группы:

✦ *Туристы.* Они ненавидят сюрпризы, им может нравиться новизна — величественные пирамиды, красивые пляжи, — но только в том случае, если эта новизна совпадает с их стереотипными представлениями. Они терпеть не могут сомнения, неопределенность, всякие уловки, они уже с утра должны знать, что будут есть за обедом, и меню должно быть ясным и понятным. Их желудок бунтует, стоит им столкнуться с экзотическим карри, новыми эмоциями или фруктами, они твердо держатся за представления, усвоенные ими в кресле у камина задолго до отправления в аэропорт. В цикле романов «В поисках утраченного времени» Марсель Пруст создал образ самого знаменитого туриста современной литературы: он мечтает отправиться в Венецию — город, который создал в своем воображении на основании прочитанных книг и увиденных произведений искусства. Он сроднился с этим придуманным городом и все откладывает поездку в реальную Венецию — из боязни, что настоящий город не выдержит сравнения с вымышленным. Так и обычный турист смотрит на страну, не отрываясь от путеводителей «Фодор» или «Мишлин».

✦ *Путешественники.* Они отправляются в дорогу с меньшим набором предубеждений и меньше расстраиваются, когда их представления не выдерживают испытания практикой. Разница — в отношении к неизвестному. Если Эрик разолился из-за неприятного сюрприза — видите ли, местные

телефонные розетки не соответствовали его ожиданиям, — то Алиса совсем не возражала против того, что гостиница, описанная в рекламной брошюре, отличалась от той, в которой она на самом деле оказалась. Она с радостью отказывалась от привычек, и если бы местные обычаи требовали, чтобы на завтрак она ела вяленую рыбу, а не хлопья, то и это бы она делала с удовольствием.

Если же мы продолжим все эти аналогии и перенесем их на любовь, то увидим, что в тот день Алиса испытала разочарование в Эрике, схожее с его разочарованием в гостинице, — на территории любви она оказалась туристом. Ей тоже не хватало любопытства подвергнуть мечту испытанию, выйти за пределы ожидаемого и исследовать страну своей любви. Да разве это возможно, чтобы у человека, который, на ее взгляд, обладал всеми мыслимыми достоинствами, не оказалось модема — устройства, без которого общение просто невозможно?

## О ЧТЕНИИ

Алиса сидела на бережку и мучительно вспоминала: «Я намазала плечи шестым номером или четвертым?» Это был первый день в раю (хотя Эдем все-таки был утрачен), и она встретила его меланхоличным вздохом и легкой дурнотой, результатом длительного перелета. Жизнь предстояла непростая: необходимо было постоянно чередовать солнцезащитные кремы с разным уровнем SPF, переставлять шезлонг в соответствии с перемещением солнца по небу, переворачиваться с живота на спину и обратно, размышлять по поводу важнейшей проблемы: «А выгорят ли мои волосы до блондинистого состояния?» и нервно теревить завитки волос, как только на солнце набегало облачко. С моря дул легкий ветерок, у входа в гостиницу высокий негр подстригал газон. Ну ладно, хватит глазеть по сторонам, надо заняться делом... Алиса потянулась за плеером и вставила кассету:

Любя тебя, я, может, и не прав,

Но, детка, без любви мой станет хуже нрав...

Они с Эриком проснулись рано — еще не могли отрешиться от временного ритма родного континента, к тому же они не привыкли к такому громкому пению птиц и стуку ночного тропического дождя по крытой пальмовыми листьями крыше.

Эрик воспрянул духом, и они приятно позавтракали на главной террасе отеля. К тому времени, когда солнце поднялось достаточно высоко, они уже несколько раз переплыли бухту и уселись обсыхать в шезлонги.

— Ты не передашь мне мою книжку? — спросил Эрик, намазывая лосьоном ноги.

— Конечно, а где она?

— В моей сумке. Дэнис О'Донохью. Там, под полотенцем.

Эрик читал множество книг авторов с именами типа «Дэнис О'Донохью» — здоровенные книжищи во много сотен страниц, по которым бродили герои — солдаты удачи или капитаны ядерных подлодок. Они занимались любовью в иностранных отелях и опускались на вертолетах в скалистые каньоны.

Алиса часто поддразнивала его по поводу литературных предпочтений: «Зачем ты тратишь время на книги, по сравнению с которыми комиксы про Супермена кажутся вершинной интеллектуальной литературы?»

Эрик не отличался умением поддерживать дружескую пикировку, поэтому отвечал просто: «Я читаю их, потому что они забавные, легкие. Не понимаю, почему надо тратить время на всю эту развращающую псевдопсихологическую чухню».

Под «чухней» подразумевалась литература, к которой Алиса пристрастилась в последнее время и благодаря которой ее багаж лишь на несколько граммов не дотянул до уровня, после которого приходится платить за перевес. Это были книжки в ярких обложках с названиями вроде «Учимся быть близкими», «Я счастлива, когда ты счастлив» и «Чем лучше любовь, тем лучше жизнь». Читатель, который помнит, какой внутренний протест вызывали у Алисы все параграфы главы «За что нас любят?», может счесть присутствие в ее багаже подобных книг неуместным и даже неприличным, но в последнее время ее вера в интуитивное

понимание несколько подтаяла, вот она и взялась за соответствующие пособия — так талантливый повар, обычно полагающийся только на собственную интуицию, время от времени все-таки посматривает в кулинарные справочники, чтобы не ошибиться в пропорциях муки и сахара.

И когда мы смотрим на них, сидящих бок о бок в шезлонгах и погруженных в соответствующие книги — она в «Пойми себя и своего партнера», он в «Операцию “Коммандо”», мы не можем не размышлять о двух различных подходах к литературе.



### *Чтение как способ убежать от себя*

Если читателю не приходилось самому протрубить несколько десятилетий в Балканском отделе Секретной службы, побывать со шпионской миссией в Москве во времена Хрущева, в деталях разбираться в устройстве ядерного реактора, знать, как обезвреживать пластиковую взрывчатку, содействовать нелегальной торговле оружием в Африке, — тогда при чтении «Операции “Коммандо”» ему не грозит опасность вспомнить о том, что с ним в этой жизни происходило. Несмотря на уйму заслуживающих доверие учебников и пособий, написанных по поводу всех вышеперечисленных занятий, в самой книге эти виды деятельности, коей вполне могли заниматься некоторые ее читатели, обрисованы бегло. Читателю сообщается, что герой умеет стрелять из автомата «Узи» и выпускать шасси реактивного F-16, однако автор не объясняет, как именно выпускаются эти пресловутые шасси. Вместо того чтобы сообщить нам обо всех сопряженных с этим процессом эмоциональных, интеллектуальных и физических усилиях, он почему-то информирует о том, что



герой (портрет коего был бы неполным без «жесткой щетины: ведь после совещания с Маком на борту эсминца ему так ни разу и не удалось побриться») ни с того ни с сего «прижался губами к дрожащим губам Бернис и стиснул ее роскошные ягодицы».

В мире «Операции "Коммандо"» герои никогда не думают о смерти, им никогда не бывает скучно и они никогда не испытывают смутной и необъяснимой тревоги. У них просто нет времени на терзания и размышления по поводу почему-то молчащего телефона, ведь столько дел надо переделать: заманить в ловушку колумбийских наркоторговцев, предотвратить очередной угон самолета и обезвредить бомбу, заложенную под зданием парламента, когда до взрыва остается всего двадцать минут. Удивительно, но ни у кого из них не возникает мысли о тоске и неудовлетворенности, которая прочитывается в глазах клиентов обыкновенных пассажирских авиалиний (Томас Элиот называл это состояние «тихим отчаянием»). Никто из них не вопрошает себя: «Почему со мной никогда не случается ничего интересного?», или «Неужели я так и проживу до самой своей смерти?», или же — просто: «Да какого черта?»

А поскольку все читатели потенциально могут быть обеспокоены подобными вопросами, что вообще характерно для человеческих существ (все когда-то умрут, и, как указал Монтень, смерть делает философом каждого), читатели такого типа стремятся избавиться как от радостей, так и от мук самоанализа.

Эрик читал много, и несправедливо было бы говорить, что все читаемое им не требовало душевного или интеллектуального труда, но он по преимуществу читал не для того, чтобы что-то для себя открыть, а чтобы как раз убежать

от такого рода открытий. В книгах он не искал мыслей, совпадающих с его собственными, а если и были у него какие-то затаенные страхи, то меньше всего он хотел бы о них читать. Он испытывал облегчение, читая о страхе африканских торговцев оружием, которых преследует подразделение морских пехотинцев: «Да, это страх, но не *мой*».

В книгах типа «Операции “Коммандо”» напряжения хватало, но это было безопасное напряжение, потому что в нем отсутствовали все психологические и, следовательно, личные мотивы. Эрик сбрасывал напряжение, следя за перипетиями партизанской войны в Юго-Восточной Азии, и это избавляло его от необходимости распутывать не менее сложные, но гораздо более близкие конфликты. Он давно пришел к выводу, что самокопание, самомониторинг — это абсолютно бесполезное занятие и что человеческие существа сохранили склонность к нему благодаря какой-то ошибке эволюции, поскольку это такой же рудимент, как, скажем, селезенка или аппендикс.

Можно было бы предполагать, что Алиса разделит и его литературные вкусы. Но какой бы мечтательной особой она ни была, она при этом была особой ищущей. И ее собственные проблемы не убили в ней любопытства.

Жизнь у нее была достаточно беспорядочной, так что проблем, о которых стоило бы поразмышлять, хватало, но — недостаточно беспорядочной, чтобы отпала потребность в таких размышлениях.



### *Чтение как способ найти себя*

Книги редко общаются с читателем так же непосредственно, как может общаться собеседник из плоти и крови,

однако всем известны произведения литературы, которые, как нам кажется, «говорят» с нами. Вместо того чтобы просто, без затей зачислить нас в команду космонавтов, летящих сквозь черные дыры, космические путешествия в таких книгах предпринимаются исключительно для того, чтобы мы разделили с космонавтами их размышления и жизненные наблюдения. Первый поцелуй, острое чувство тоски, холодный свет осеннего дня, одиночество среди людей, ревность, скука — описывая все это, умелый и добросовестный автор может заставить нас испытать шок самознания. Автору удается найти такие слова, что, подобно любовникам, которые впадают в восторг, когда узнают, что они оба испытывают по поводу чего-то одни и те же чувства, читатель вздрагивает и восклицает: «Боже мой, оказывается, кто-то еще так чувствует! Нет, вы только представьте, а я ведь был уверен, что подобные ощущения бывали только у меня...»

И на какое-то мгновение, сидя в вагоне поезда, мчащегося сквозь ночные поля и леса, или в салоне летящего сквозь мглу самолета, читатель может почувствовать, что он уже не одинок, что он связан с чем-то неизмеримо большим, чем он сам, — со всем человечеством. И он вдруг испытывает острый приступ понимания и любви к своим попутчикам, тем самым, которых он считал недружелюбными незнакомцами, и это мгновение становится особенным, потому что чувство единства, сопричастности куда значимее, весомее, чем ощущение различий.

Конечно, шезлонг на берегу Карибского моря — не место для чтения высокой литературы. Книги вроде «Пойми себя и своего партнера» никоим образом не соответствуют тем критериям, которым, как нас учили, должна соответ-

ствовать классика. Язык подобных произведений прост, доходчив, фразы сконструированы не самым лучшим образом. Это книги, в которых недостаток авторской объективности неуклюже задрапирован избытком фамильярности. С читателем постоянно заигрывают, спрашивая его или ее: *«А вы помните, как сидели у мамы на коленках и думали, что...?»* или *«Вы когда-нибудь опасались, что люди, которые интересны вам, совершенно не интересуются вами?»* Что еще более навязчиво, авторы *«Пойми себя и своего партнера»* взяли на себя высокоморальную миссию поведать читателю то, что должно непременно изменить его жизнь, но делают они это просто, без респектабельной путаности трудов великих философов-классиков. Такие книги — апофеоз вульгарности, в них с прямотой пособий по уходу за автомобилями читателю рекомендуется *«запомнить, что в следующий раз вам следует спросить, о чем думает ваш партнер по поводу...»*.

Против литературы, которая слишком прямо о чем-то нам *«говорит»*, существуют вполне объяснимые предубеждения. Стендаль однажды сравнил введение идей в роман с выстрелом ружья в концертном зале. Но даже вне жантильного мира модного романа все же лучше заворачивать советы в некую обертку — им следует выглядеть достаточно абстрактными, чтобы превратиться в философию а-ля Сартр, в символистскую поэзию или в скандинавское кино.

Развивая мысль Стендаля, мы бы сравнили советы, которые давал Алисе автор книги, с пулеметной очередью в концертном зале (хотя это был и не роман). В описываемый период Алиса продиралась через главу под названием *«Сознавая свой потенциал»*: *«Большинство из нас ведет жизнь, не позволяющую полностью выразить себя. Мы*

*переполнены чем-то, что хотели бы высказать или сделать, тем не менее мы никогда этого не говорим и не делаем».*

Алиса считала, что достойна прочтения только та книга, которая каким-то образом может помочь ей в жизни. Таким образом, она совершала величайший — на взгляд высокообразованного литературного критика — из грехов, какие только может совершить по отношению к книге читатель: она хотела из нее что-то почерпнуть. Читателю это не положено — ведь у книги не существует практической цели. Вот у пылесоса или нефтяной вышки она есть, а у книги — *нету*, и разве мы не договорились, что искусство существует ради искусства? Можно вспомнить Набокова, который смеялся над теми, кто читает романы, чтобы что-то из них узнать, чему-то научиться, — учиться по романам! Разве это не столь же нелепо, как пытаться с помощью романа удовлетворить свой аппетит к черной икре?

Но поскольку Алиса имела возможность посвящать чтению всего лишь несколько часов в неделю, она хотела, чтобы книги имели прямое отношение к ее заботам, чтобы найденные в них ситуации и размышления можно было бы без особых усилий перенести на свое материальное и социальное окружение. Она искала книги, которые «попадали в точку», «нажимали на кнопку» в ее голове, и тогда она с их помощью формулировала то, что чувствовала, но самостоятельно облечь в слова не могла. В опыте других она искала более искусного выражения своего собственного опыта. Конечно, о физических соответствиях мы не говорим (она не собиралась отбрасывать книгу только потому, что речь в ней шла о Барселоне, а она жила в Лондоне, или потому, что герой был мужчиной, а она — женщиной),

мы говорим о психологическом совпадении. Ее могла захватить чья-то история, но в этой истории должен был присутствовать — пусть и беглый — ответ истории ее собственной.

И в этом смысле она была более эгоцентричной, чем Эрик. Именно потому, что он не шибко интересовался собственным «я» (то есть не выполнял предписания «познай себя»), он с одинаковым увлечением читал и о сафари в Кении, и об экспедиции по Амазонке, и о полете к Северному полюсу на воздушном шаре. Алиса же не могла мысленно переноситься в ситуации, слишком далекие от ее собственного опыта. Ее не интересовали очередные «смелые» и «мощные» откровения по поводу чьего-то детства и взросления в Сандерленде, очередные «великолепные» и «элегантные» описания жизни десяти поколений богатой семьи из американских южных штатов или подробный отчет молодого человека о том, как он в каком-то нью-йоркском баре пришел к выводу, что он — гомосексуалист.

Она мечтала «найти себя». И пусть это выражение, которое она часто повторяла, слабовато по части синтаксиса и вообще туманно, тем не менее оно полностью отражает ее требования к чтению. Она хотела лучше понять, почему она чувствует так, а не эдак, почему она то любит, а то — ненавидит, почему бывает в депрессии, а бывает счастлива, что значит — быть женщиной, и каково это — быть мужчиной, каким образом двое могут общаться между собой и почему так часто — не могут. Она хотела сюжетов, которые проливали бы свет на ее собственный опыт, чьи персонажи искали бы в суете повседневности любовь и смысл, а их судьбы были бы, по возможности, счастливыми.

— Перед тем как ты полностью познаешь себя и, возможно, меня, не хотела бы ты выпить «Пина Колады»? — осведомился Эрик со своего шезлонга, при этом он вскинул на лоб солнцезащитные очки и поднял брови.

— О, это было бы прекрасно, — отозвалась Алиса, откладывая в сторону «Познай себя и своего партнера».

— Отлично, тогда я схожу в бар и принесу. Вернусь через минуту.

Она смотрела вслед Эрику, как он шел по пляжу к центральному зданию отеля, и заметила, что его мускулистая фигура уже начала покрываться патиной загара.

«Он — чудо», — подумала она с иронией, поскольку только минутой ранее решила, что их с Эриком отношения никоим образом не соответствуют идеалу, описанному в вышеназванном пособии.



## ВЕСЕЛИЗМ

Эрик вернулся с двумя пузатыми фужерами, наполненными густой белой жидкостью и увенчанными яркими оранжевыми зонтиками.

— Бармен здесь очень приветливый, чудный парень, зовут Ар-Джей. Он ходит на рыбалку, сказал, что вчера поймал барракуду.

— Неужели?

— А еще он сказал, что они организуют на пляже грандиозную рождественскую вечеринку с танцами, карнавалом и прочими делами.

— О!

— Разве это не замечательно?

— Да, конечно.

— М-м-м, напиток фантастический, это лучшая «Пина Колада», которую я когда-либо пробовал. Тебе нравится?

— Да, отлично. Только немного приторно.

— Неужели? Мне так не кажется.

— Ну, это на мой вкус.

— Не думаю, что она приторная, сладости в самый раз.

— И все же...

На лбу Алисы появились морщинки, говорившие о глубоких раздумьях, и Эрик это заметил.

— В чем дело?

— Ни в чем. Просто я задумалась.

— Разве здесь не великолепно? Пляж и все остальное.

— Да.

— Здесь только сумасшедшие не чувствуют себя счастливыми, ты не находишь?



— Ну, все зависит...

— Я уверен, этот отпуск будет блаженством от начала до конца.

— Он еще только начался.

— Я знаю, но я могу тебя в этом заверить.

Все это время — помимо модерного кризиса в первый вечер — Эрик пребывал в состоянии маниакального веселья. Все было «чудесным» и «великолепным», «фантастическим» и «роскошным». Алиса прекрасна, лучшей погоды нельзя и желать, еда восхитительна, отель — высшей категории, кругом рай.

Алиса всегда с опаской относилась к событиям, по поводу которых она обязана была радоваться — к дням рождения, праздникам, встречам выпускников или свадьбам. Она не любила радоваться по обязанности. Чтобы испытать удовольствие, ей сначала надо было преодолеть предубеждение, что какое-то событие должно ее непременно разочаровать. И когда кто-то твердил ей, что она должна веселиться и испытывать блаженство, она впадала в тоску.

Эрик же, напротив, считал себя и их отпуск счастливыми и потому не видел причин не пребывать в постоянном довольстве. Вопреки первоначальному разочарованию, он не собирался заикливаться на тех деталях, которые не встраивались в его концепцию радости.

Сомнения Алисы были смутными, поскольку поводом для них была именно ее неспособность объяснить Эрику, что, как бы ни была она расположена по отношению лично к нему, у нее должен оставаться шанс считать, что не абсолютно все прекрасно и замечательно. Возможность воспринимать остров как рай зависела от возможности поначалу не считать его таковым.

Но выбора ей не оставили.

— Что не так? — спросил Эрик, почувствовав некоторый спад энтузиазма; в этот момент они стояли перед аквариумом, в котором клубились угри, — они отправились на экскурсию в океанариум.

— Все в порядке, просто я немного устала.

— Но мы проспали двенадцать часов.

— Ты прав. Через секундочку я приду в себя.

Алиса часто восхищалась тем, как разбирались с неизбежно возникавшими трудностями и взаимонепониманием ее подружка Сьюзи и Мэтт. Отношения у них были бурные, с громкими ссорами и страстными примирениями. При малейшем поводе они обвиняли друг друга во всех смертных грехах: «Мерзавец! — кричала она. — Я видела, как ты заигрывал с ней весь вечер!» Он в долгу не оставался: «А ты помнишь, как ты ему глазки строила, ты, лживая двуличная тварь!» — вопил он и хлопал дверью.

Впервые став свидетельницей подобной сцены, Алиса вполне естественно взволновалась: она подумала, что, если люди так вопят друг на друга, их отношения обречены. Но всего через несколько минут ссора была забыта и Сьюзи говорила ей: «Знаешь, он лучший в мире ангелочек». Алисе было странно слышать это из уст женщины, десять минут назад уличившей «ангелочка» в самом непростительном из грехов. Парочка не сдерживала себя ни в гневе, ни в любви, и оба открыто принимали тот факт, что «такое бывает».

— По сравнению с нами Ромео и Джульетта выглядят заторможенными, — говорила Сьюзи. — Мы все время торем друг на друга, то милуемся, но мы — в одной упряжке.

Эти страстные разрывы и примирения, скорее всего, служили отвлечением от подспудной боязни настоящего разрыва. Такие драматические представления как бы уменьшали опасность настоящей драмы. Так некоторые произносят запрещенное слово, чтобы разрушить его чары. Без конца проигрывая разрыв, Сьюзи привыкала к мысли о нем, и он становился менее пугающим — словно конец любви был естественной частью взаимоотношений. Порою люди в гротескной форме изображают предсмертные судороги и тем самым загоняют в дальний уголок сознания свой страх смерти.

Для Алисы подобные игры с Эриком были невозможны. Да, в первый вечер в отеле они почти поссорились, но это событие растворилось в приятном отпускном существовании и во вкусной «Пина Коладе». Эрик вообще был склонен хранить только теплые воспоминания о себе и об истории своих отношений с нею, что не позволяло настаивать на абсолютной честности воспоминаний.

Таким образом, говоря о нем, нам придется говорить о некоем психологическом феномене, который мы обозначим термином «веселизм», и нам следует признать, что Эрик был не единственной жертвой этого феномена на сем благословенном богом курорте.

Характерным примером описанного явления была манера общения официантов из гостиничного ресторана — всех их завезли из США.

— Привет, ребята, как у вас сегодня дела? — спрашивала официантка, когда Алиса и Эрик устраивались на веранде на ужин. — Меня зовут Джеки, и сегодня вечером я полностью к вашим услугам.

— Спасибо, — отвечала Алиса, недоумевая, следует ли ей тоже представиться или нет.

— Будь спок! — игриво заверяла официантка. — Сегодня основные блюда — кальмары, морской окунь и роскошный лобстер.

Улыбка так сковала лицо Джеки, словно каждое объявляемое блюдо обязано было быть кулинарным триумфом. Казалось также, что, если б Джеки позволила мускулам хоть на секунду расслабиться, улыбка бы рассыпалась и обнажила гримасу ужасной боли.

И хотя счастливые мгновения всегда желанны, веселизм не следует уподоблять счастью. Счастливый человек улыбается, поскольку у него есть *выбор* — в конце концов, он может и не улыбаться, но он улыбается, потому что закат так красив или потому что его окликнул любимый человек, в то время как веселисты счастливы только *потому, что они не могут быть несчастными*, потому что они страдают от неспособности отличать хорошее от плохого.

Все это присутствовало и в суровой решимости, с какой Джеки сохраняла энергию своей улыбки, и в произносимых Эриком за ужином декларации: «Разве этот лобстер не чудо? Разве это не лучший в жизни отпуск?» Однако если бы он решился попристальней взглянуть в лицо своей подружки, он увидел бы, что у нее может быть и другое мнение.

Алиса и Эрик подружились с парой из Майами. Эрик столкнулся с Бобом возле факсового аппарата, где оба получали бумаги из своих офисов, и быстро познакомился с Бобом и с его женой Дэйзи. Дэйзи и Боб, оба преуспевающие юристы, отмечали на острове третью годовщину своего брака (в определенных кругах это считается достижением, достойным поздравления). Год назад они побывали в

Англии и с тех пор считали себя убежденными англофилами: каждое произнесенное Алисой или Эриком слово приводило их в совершеннейший восторг.

Энергия Боба была неистощимой: он организовывал состязания по пляжному баскетболу, матчи по настольному теннису и вечерние шахматные турниры, экскурсии на соседние острова и подводные экспедиции к дальним рифам. Ни он, ни его жена не знали усталости, и Эрик объявил их самыми заводными постояльцами отеля и сказал, что непременно будет встречаться с ними во время своих будущих деловых поездок в Штаты.

Когда Алиса попыталась пройтись по поводу улыбки Боба, такой же приклеенной, как и у их официантки Джеки, Эрик возмутился:

— Ну почему ты всегда так цинично отзываешься о людях? Почему бы тебе просто не признать, что они тебе нравятся, и относиться к ним так же, как они относятся к тебе?

— Я не делаю ничего дурного, я просто заметила, что они, ну, понимаешь, кажутся слишком уж приветливыми. Я спросила у Дэйзи, как дела, а она ответила: «Знаешь, мне *так* хорошо...»

— Я тебя не понимаю. Отчего ты такая злобная?

Сплетня — это испытание доверия: человек чувствует, что может посплетничать, если ощущает, что другой понимает его неодобрение. Это своего рода сговор: двое отдалаются от основной группы и открывают папку, в которой лежит соответствующий сплетнематериал: «Разве она не ужасна? Ты не находишь, что он — настоящая ледышка? А ты заметила, что у нее накладные ресницы? У него что, парик? И все эти деньжищи перешли к ней по наследству?»

Отказ Эрика вступить с ней в такого рода сговор представлял собою символическое предательство, он означал: «Я доверяю моим новым друзьям Дэйзи и Бобу больше, чем тебе. И не стану сплетничать с тобой о них, потому что моя преданность больше тебе не принадлежит».

В канун Рождества на пляже закатили гигантское барбекю, а также пригласили группу, исполнявшую рэгги. Администрация отеля решила устроить карнавал, и гости фланировали вокруг костра в самых невероятных одеяниях. Боб и Дэйзи оделись индусами — как они себе их представляли: оба были в сикхских тюрбанах, тиккисах и сари, а Эрик облачился в юбку из листьев пальмы и в гавайскую рубашку. Алиса смотрела, как они, взявшись за руки, танцевали у огня, вскидывая ноги в подобию французского канкана.

Алиса не присоединилась к остальным гостям, хором распевавшим возле пляжного костра, потому что в таких ситуациях она становилась жертвой комплекса Нюрнберга: слушая веселое хоровое пение, она не могла не думать о том, как легко люди способны переключаться с «Рождественских колоколов» на «Deutschland über alles».

Боб помахал Алисе:

— Иди сюда, милашка, давай потанцуем! — в его голосе слышалось изрядное количество выпитого рома.

— Вы очень добры Боб, но не сейчас.

— Да брось ты, иди, дорогая!

— Не могу, тем самым я нарушу обязательства перед Лондонским балетом: я не имею права танцевать на публике без их специального разрешения.

— Как, ты танцуешь в Лондонском балете?

— Разве вы не знали?

- Не может быть!
- Конечно.
- А! Я понял! Ты меня разыгрываешь.
- Полагаю, что вы правы, Боб.
- Ха, как это по-английски! Ты такая забавная!

Те, кто считают веселистов дураками, ошибаются: за их энтузиазмом и энергией, за бесконечными рождественскими и прочими вечеринками стоит социальная модель, обогащенная опытом жизни в обществе. И в их юморе тоже есть своя специфика — он, с одной стороны, незамысловатый, с другой — искренний и, как бы поточнее выразиться, целеустремленный: в их шутках есть нечто от чистого коллективного веселья скаутов или школьных хоккейных команд.

Какой бы простой и, скажем откровенно, слабоватой ни была шутка Алисы по поводу Лондонского балета, примечательно, что Бобу понадобилась некоторое время, чтобы ее понять. Хотя веселисты многое находят забавным, единственное, над чем они не склонны потешаться, — над собой. Для этого они слишком озабочены успехом и слишком серьезно относятся к собственной деятельности, и потому спектр их ироничности сужается. Они могут смеяться над человеком, поскользнувшимся на банановой кожуре, но отказываются с юмором относиться к себе и к своим занятиям — им даже в голову не приходит, до какой степени абсурдными эти занятия могут показаться стороннему наблюдателю.

Мысль о том, что веселисты Эрик и Боб могут быть лишены чувства юмора, неприятно поразила Алису в тот день, когда зашел разговор о компьютерах. После ленча Эрик сообщил Бобу, что привез с собой лэп-топ; оказалось,

что и Боб без своего лэп-топа не путешествует. И оба отправились к бунгало демонстрировать друг другу свои компьютеры. Машина Боба оказалась меньше по размеру, но у Эрика был цветной дисплей, к тому же его компьютер был оборудован «противоугонным устройством» — верещал, когда его брал кто-то чужой.

— Эта штукавина перевернула мою жизнь, — сказал Боб о своем маленьком темно-сером друге. — Знаешь, когда десять лет назад я впервые сел за компьютер, это была здоровущая друндила, и все равно она была не способна делать то, что эта коробочка. Просто невероятно, сколько всего они могут загонять теперь в чипы. А скоро и эти машины будут казаться динозаврами. Мы на пороге тотальной компьютерной революции.

— Ты прав, — согласился Эрик. — Это только начало. Благодаря новым технологиям изменятся все сферы жизни. Через несколько лет все будут переговариваться через компьютеры, по оптико-волоконным кабелям. Все переведут в электронный вид, не станет ни бумаги, ни чернил, и производительность возрастет неизмеримо.

В кильватере этого разговора о будущем технологическом рае следовало серьезное, вдумчивое молчание. Сегодняшняя неуклюжая, полная нелепиц жизнь исчезнет под влиянием всяческих лазеров, чипов и оптико-волоконных кабелей. Мир вступит в такую фазу развития, перед которой померкнут все прежние его потуги. И те, кто уже сегодня владеет компьютерами меньше хлебной крошки, первыми предстанут пред вратами в прекрасный высокотехнологичный Иерусалим.

Но скептицизм Алисы оказался на редкость живучим. Видимо, поэтому она и осведомилась у провидцев: неужели



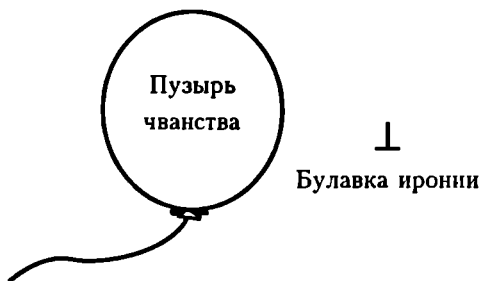
после великой компьютерной революции люди перестанут писать друг другу любовные письма?

— Не будь дурочкой, — ответил Эрик, понимая, но не принимая ее иронии (согласны, довольно плоской).

— Конечно, не перестанут, — сказал Боб, иронии вообще не понявший. — Но будут делать это посредством компьютеров. Например, ты хочешь написать Эрику: ты просто наберешь его номер, и, возможно, тебе даже не потребуется писать это письмо, достаточно будет составить его в уме, и оно до него дойдет — это когда им удастся подсоединить нейроны к внешним процессорам.

Эрика весьма впечатлило технологическое совершенство «Боинга-747», на котором они летели на Барбадос. Он все говорил и говорил о крейсерской скорости и лобовом сопротивлении, элеронах и радарх, ролс-ройсовских двигателях и обратной тяге, а затем указал на видневшееся в иллюминаторе крыло и объявил: «Вот это — вершина точного машиностроения». Алиса не могла не признать, что возможность добраться от Лондона до Барбадоса за полдня — это замечательно, но ее энтузиазм имел пределы. Точная инженерия не способна изменить основы. Она не забывала, что «Боинги» собирают на заводе в Сиэтле, штат Вашингтон, и что делают это человеческие особи, не так уж далеко ушедшие от обезьян. Эти особи изменяют женам и мужьям, впадают в ярость, ревнуют, соперничают и боятся, ежедневно опорожняют кишечник и в назначенный срок непременно умрут.

Ирония была ее естественной реакцией на опасность технологического или какого рода иного, лишнего юмора (и потому в какой-то степени жестокого) чванства. Эта булавочка могла проколоть любой раздувшийся от собственной значимости пузырь.



За день до этого в отеле состоялся парный турнир по настольному теннису, в котором Эрик и Алиса выступали единой командой. Ее случайные точные удары не могли скрыть тот факт, что играла она, в общем-то, плохо и что им вряд ли удастся занять высокие места. А Эрику очень хотелось произвести благоприятное впечатление на их новых знакомых и дойти хотя бы до четвертьфинала (за что полагался приз — бесплатная выпивка в баре), поэтому он злился все больше и больше. В какой-то момент Алиса вынуждена была заявить:

— Не волнуйся, некоторые из победителей Уимблдона вообще не умеют играть в настольный теннис, так что у твоей карьеры перспективы еще имеются.

— Соберись, ты пропускаешь крученые!

— Но это же всего лишь игра.

— Так говорят только неудачники, — отрезал Эрик, явно не желая, чтобы кто-то проколол пузырь.

Глядя на Эрика, Боба, Дэйзи и прочих постояльцев, плясавших вокруг рождественского костра, Алиса подумала: а почему люди, лишенные чувства юмора и относящиеся к себе с предельной серьезностью, вообще смеются? Более

того, они зачастую хохочут громче и яростнее всех остальных, но это смех, в котором нет того, что составляет основу чувства юмора — понимания и признания своей собственной абсурдности.

Жаль, что на одну вещь чувства юмора и самоиронии у Алисы как раз и не хватало — этим «одним» была любовь.

## ПОДВОДНОЕ ПЛАВАНИЕ, РУССО И СЛИШКОМ МНОГО МЫСЛЕЙ

Ночью в их бунгало они занялись любовью, а после этого Алиса положила Эрику голову на плечо и спросила:

- О чем ты думаешь?
- Что-что?
- О чем ты думаешь?
- Ни о чем.
- Ни о чем, ни о чем?
- Совершенно ни о чем.

Ветер шелестел листвой, в воздухе чувствовалась влага — предвестница ночного дождя. Алиса смотрела на луну и на ее отражение в водах залива.

— Как ты считаешь: есть ли у наших отношений будущее?

- Алиса, сейчас половина второго ночи!
- И что?

— А то, что сейчас не время для таких дискуссий. И почему ты вечно все усложняешь? Что ты хочешь знать? Почему я до сих пор не сделал тебе предложения?

Эрик перекатился на свою половину кровати и отвернулся.

— Когда мы занимаемся любовью, ты никогда на меня не смотришь.

— Алиса, прошу тебя, давай отложим этот разговор до завтра. Я зверски устал.

Наутро Алиса сказала Эрику, что ей не хочется есть и что он может отправляться на завтрак в одиночку. Когда он вернулся из кафе, она все еще лежала в кровати

и дочитывала последние страницы «Пойми себя и своего партнера».

— Алиса, побыстрей, а то опоздаем. Боб и Дэйзи ждут нас на пирсе через десять минут.

— Не думаю, что мне сегодня хочется заниматься подводным плаванием.

— Но вчера ты говорила, что хочешь понырять.

— Не лги: это ты решил, что я хочу нырять, потому что я по этому поводу просто ничего не говорила.

— И что мне прикажешь делать? Читать твои мысли?

— Не обязательно. Но как насчет того, чтобы спросить о них?

— Почему ты сегодня такая агрессивная? Расслабься.

(Эрик часто призывал Алису расслабиться, особенно в тех случаях, когда сам становился причиной ее напряжения. Выбор этого слова был вовсе не случаен. Эрик, к примеру, мог бы сказать «успокойся», но призыв успокоиться содержит в себе некий элемент ответственности, а предложение расслабиться совершенно нейтрально. Предполагается, что человек, который успокаивается, имеет некоторые законные поводы для волнения; тот же, которого просят расслабиться, сам виноват: он слишком остро реагирует на объективно невинную ситуацию — особенно когда призыв «расслабься» произносится эдак небрежно, с пожиманием плечами и поднимающейся к концу слова интонацией.

Можно проследить путь от древнегреческого призыва «познай себя» к нынешнему «расслабься». Предметом зависти и моделью для подражания у древних греков были люди разумные и сознательные, современным же западным психологическим идеалом стала релаксация. Разница в том, что древнегреческие мыслители призывали

к усилию, к преодолению чего-то (страстей) во имя разумного существования, а призыв расслабиться предполагает простую необходимость дать отдых мышцам ради более приятного вечера перед телевизором. Можно расслабиться и во сне, но это пассивное состояние, скорее пауза, чем интервал.)

— Вот уж нет, и не подумаю расслабляться!

— Господи, что за муха тебя укусила? Чего тебе не хватает?

— Понимания, до чего мне надо дойти, чтобы ты задал этот вопрос.

— Какой вопрос?

— «Чего тебе не хватает?», «Ради чего все это?», «Куда мы идем?».

Эрик взглянул через окно на прибор. День был великолепный — ясный, но не изнурительно жаркий. Ночной дождь омыл листву, и она искрилась на солнце, птички с острыми клювиками ныряли в яркие цветы, названия которых он не знал.

Его разозлили наскоки Алисы. Он ненавидел вопросы, его раздражала ее настойчивость. Больше всего на свете ему сейчас хотелось пойти поплавать.

— Ну почему ты никогда не хочешь поговорить? — спросила Алиса.

— Потому что от разговоров никому не станет лучше.

— Почему?

— Потому. К тому же, если ты сейчас же не соберешься, мы действительно опоздаем.

— Нет, все-таки скажи мне почему.

— Так ты хочешь поехать понырять или нет?

— Не знаю.

— Решай сейчас.

— В таком случае я не поеду. Отправляйся сам.

— Ты можешь быть ужасной занудой! — объявил Эрик и направился в ванную за полотенцем и солнцезащитным кремом. Оттуда он крикнул: — Знаешь, в чем твоя проблема? Ты все усложняешь. И слишком много думаешь. Ладно, сиди дома весь день. Уверен, ты просто потрясающе проведешь время. И не моя проблема, если ты упустишь случай поплавать в самых замечательных на этих чертовых Карибах водах.

Предприняв последнюю попытку возбудить в ней зависть, Эрик выскочил из бунгало, протопал по деревянной веранде и рванул по дорожке к пирсу, помахав на ходу садовнику.

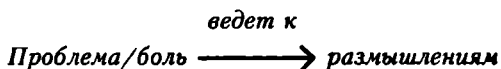
— Как дела? — крикнул садовник. — Сегодня чудесная погода.

— А то! — агрессивно-дружелюбным тоном крикнул в ответ Эрик, употребив словосочетание, характерное для местных жителей.

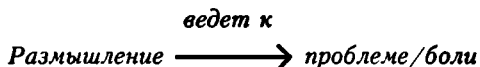
Раздражение Эрика понятно: он хотел нырять и плавать, хотел беззаботного отдыха, он настаивал на беззаботном отдыхе, а у него на руках оказалась вечно недовольная женщина (как у бедного Шарля Бовари!). И неудивительно, что он упрекнул ее в том, что она слишком много думает.

Часто говорят, что проблемы и страдания провоцируют размышления. Например, я и не вспоминаю о мизинце на ноге, пока не стукнусь им о стол. Тогда я сразу же принимаюсь о нем думать. То есть я начинаю размышлять о мизинце или о каких-то куда более крупных вещах только

тогда, когда из-за них становится больно или возникают проблемы. Психологически я следую модели:



Какой бы бесспорной ни казалась эта схема, существует и другая, впрямую ей противоречащая, согласно которой размышление является не реакцией на боль или проблему, а их причиной, поводом для возникновения. В соответствии с этой моделью мы можем построить перевернутое равенство:



Для простоты употребления можно назвать первую схему моделью для *интеллектуалов*, а вторую — для *натуралистов*.

Думал ли Гамлет так много, потому что у него были проблемы, или у него были проблемы, потому что он так много думал?

Интеллектуал скажет вам, что размышления Гамлета были скорее проблемоиндуцированными, чем проблемоиндуцирующими. Такая схема выдает глубоко укоренившуюся веру в то, что размышление над проблемой — лучший метод ее решения для человеческого существа. Шамфор дал краткую формулировку этого верования: «Мысль всегда утешает и от всего целит»<sup>\*</sup>.

\* Цит. по изданию: Шамфор. Максимум и мысли. Характеры и анекдоты. М.: Наука, 1966. Перевод Ю.Б. Корнеева и Э.Л. Липецкой.



Натуралист же, с другой стороны, считает размышления своего рода болезнью, предшествующей возникновению проблем, которые они призваны разрешить. Размышления — это форма психологической ипохондрии: Гамлет испытывал настоящую боль только тогда, когда думал, что он должен ее испытывать. Натуралист присоветовал бы принцу как можно реже пускаться в интеллектуальные экзерсисы, и тогда все вернулось бы к своей спонтанной простоте, неосторожно разрушенной размышлениями.

Натурализм утверждает, что все на свете происходит без вмешательства человека и его рацио и что естественный ход событий по всем статьям превосходит тот, в который вмешивается цивилизация. Водопад в Швейцарских Альпах превосходит строгий классицизм Люксембургского сада. У простого фермера с его здравым смыслом можно почерпнуть куда больше мудрости, чем в самых прославленных философских трактатах. Морковка, выросшая в естественных условиях, без химических удобрений, вкуснее своей красивой на вид супермаркетовской товарки. И наконец, чувство, которому позволили развиваться вольно, которое не сдерживали мыслью, богаче и глубже своего проанализированного кузена.

Руссо, наверное, — самый первый и наиболее почитаемый глашатай натурфилософии; он порицал такие продукты цивилизации, как роскошь, искусство, науку, современные методы правления и мысль. Как ни парадоксально для человека, оставившего после себя многотомные собрания сочинений, он считал, что книги заставили людей испытывать страдания, о существовании которых они до того не подозревали. «Пока человек жил, руководствуясь инстинктом, у него было все, что требуется для жизни в согласии

с природой; но с развитием разума он получил лишь то, что позволяет ему поддерживать свое существование в обществе». «Наши первые побуждения всегда справедливы, — декларировал он, — общественная жизнь и разум лишили нас прелестей спонтанности. Истинный человек — это атлет, который предпочитает бороться нагишом».

И хотя Эрик не боролся нагишом (и вообще его атлетические упражнения сводились к игре в настольный теннис), если бы пришлось выбирать между двумя моделями, он, в силу своего характера, выбрал бы натурализм. Это не означало любви к природе — Эрик редко выбирался за город, а если даже и выбирался, деревенские виды мало его трогали. Да и «простая жизнь» была не по нему: он ратовал за современные телекоммуникации и канализационную систему и не задавался вопросом о том, каким образом выращены овощи на его столе. Скорее, он предпочитал эмоциональный натурализм, то есть не считал, что чувство следует подвергать анализу. Но мы не должны видеть в нем и мистика, уповающего на духовный контакт, — в противовес Алисиным попыткам разобраться во всем с помощью кратких пособий по философии и психологии. Он не возлежал и не прислушивался к внутренней пульсации с торжественным выражением на физиономии — такое выражение мы часто видим на лицах публики на концертах Шопена или Шуберта. Его приверженность эмоциональному натурализму ограничивалась нежеланием рассуждать об эмоциях — такие рассуждения были для него как звук ножа по стеклу.

Когда он понял, что Алиса в эмоциональном плане начала водить ножом по стеклу (как в то утро, когда она отказалась от подводного плавания), его реакция была

реакцией натуралиста: он обвинил ее в чрезмерной мозговой деятельности. Он предположил, что ее поведение — это временный и принесенный извне результат слишком долгих раздумий. И все вышеописанное — не ее проблема (а следовательно, и не его), как не является их проблемой иррациональное поведение человека, находящегося под влиянием наркотика. Такой маневр роднит его с Руссо с его предположением, что зло несвойственно человеку, что оно противоестественно и является всего лишь продуктом цивилизации и денег, торговли и истории.

Спустившись с высот философии, мы могли бы назвать эмоциональный натурализм Эрика *здравомыслием*, приложением к набору несложных представлений о том, что *простота* — это и есть высшая мудрость, *истина* «очевидна» и потому не нуждается в анализе. Здравомыслы действуют под лозунгом «Называй вещи своими именами», но набор имен в их обиходе весьма ограничен: они предпочитают не вдаваться в подробности, потому что подробности требуют слишком больших усилий — такое умышленное сокращение они называют ясностью.

Спросите здравомысла, почему случаются войны, или почему люди влюбляются или перестают любить, или еще о каких повседневных, но очень сложных понятиях и явлениях, и в ответ получите: «Да потому, что это естественно». Сторонники здравомыслия считают, что «задумываться не стоит», и не потому, что все окружающее сложно, а потому, что все предельно просто, очевидно. Эрик не хотел пускаться с Алисой в долгие толковища не из-за того, что отношения между ними были слишком сложными и о них трудно было говорить, а потому, что считал все до

такой степени простым и понятным, что об этом и говорить не стоило.

Его взгляды на психологию предполагали, что если человек не голодает, у него есть крыша над головой и он не одноногий калека, то тогда все его проблемы — надуманные, а значит, обсуждения не достойные. Этим объясняется, почему в первый же день пребывания на Барбадосе он назвал Алисины книжки «развращающей псевдопсихологической чухней». Используя странный аргумент — мол, они же здесь на отдыхе! — Эрик заклеил ее выбор материала для чтения не потому, что во всем написанном сквозило высокомерное отношение к читателю вкупе с упрощенчеством, а потому, что чтение таких книжек не просто доставляет удовольствие, а непростительное удовольствие — своего рода самопотакание.

Но почему самоанализ — это самопотакание, а подводное плавание или употребление «Пина Колады» таковым не является? Потому что первый вид деятельности предполагает нарциссическое любование собой, форму мастурбации (тень реального полового акта), противоречащее закрепленному в религиозных установках презрению к себе (по Блаженному Августину, два типа любви создают два града: «Любовь к себе, большая, чем любовь к Господу, строит град земной, любовь же к Господу, большая, чем любовь к себе, — град небесный», что у Паскаля трансформировалось во вполне *нарциссическое отвращение к себе*).

Размышления о себе Эрик считал куда большим развратом, чем, например, поедание мороженого, потому что они предполагали тщеславные сеансы перед зеркалом. А это занятие он порицал, поскольку был уверен, что человеку должно нравиться его отражение в зеркале. У человека

довольного собой самоанализ вызывает экстаз; перед мысленным зеркалом он удовлетворенно вздыхает и восклицает: «Только посмотрите, как я интеллигентен! И разве у меня не добрейшая душа? А какой у меня ум!! Боже, да я просто гений!» Однако, как видел Эрик, Алисины упражнения перед мысленным зеркалом не приносили ей большой радости.

Надо сказать, что в некоторых отношениях Алиса тоже не была чужда натурализму. Она обожала сельскую местность, любила подводный мир, старалась покупать продукты без искусственных добавок, давала деньги на благотворительные акции защитников китов и всегда злилась, когда читала о том, что вот в таком-то районе, прежде идиллически-пасторальном, затевается очередное строительство, в ходе которого живую землю скуют бетоном. Не следует также забывать о ее склонности к интуитивному восприятию и негодовании по поводу того, что язык не способен адекватно передать ее собственные чувства («Как это мило быть здесь с тобой...»). Да и создавать искусственные сложности тоже было не в ее привычках — и в некоторых случаях она тоже была склонна к сокращению сложных конструкций ради обретения ясности.

Накануне за ленчем они разговорились о ссоре Эрика с его приятелем Джошем. Эрик объяснял: «Не то чтобы он меня злит. Я не злюсь, потому что он не собирался сознательно вывести меня из себя. Однако его поведение вызвало мое раздражение, хотя, может, он и не виноват: он же не хотел раздражать меня и не знает, из-за чего я разозлился».

— Короче: он тебя достал? — спросила Алиса.

— Совершенно верно, — ответил Эрик, искренне уди-

вившись тому, что кто-то смог лучше него понять, что он на самом деле чувствует.

А вот вам другой пример упрощения, сокращения: когда Алиса спросила его, почему это плохо — слишком много думать, Эрик ответил: «Потому».

Будь ее отношения с Эриком совершенно безоблачными, она ни за что не стала бы вопрошать, к чему они приводят, и критиковать его за нежелание с ней разговаривать, не говоря уж о том, чтобы пропустить редкую возможность заняться подводным плаванием. Но поскольку такие вопросы все-таки возникли, ее естественным ответом было вызвать раздражение Эрика и отказаться от настоящей подводной прогулки ради того, чтобы повнимательней рассмотреть странную и явно опасную рыбину, помимо воли всплывшую в ее сознание.

## ВЗРОСЛЕНИЕ

Дэйзи и Боб поджидали Эрика на пирсе, к которому была пришвартована резиновая лодка бармена Ар-Джея: он должен был доставить их к ближайшему рифу, где им предстояло насладиться зрелищем кораллов и экзотических рыб. При них были полотенца, видеокамера, корзина с провизией и переносной холодильник с пивом и безалкогольными напитками.

— Привет, Эрик, а где Алиса? — радостно приветствовал его Боб.

— О, ну ты знаешь, как у них бывает... — ответил Эрик.

— Еще бы! — и Боб подмигнул, демонстрируя тем самым солидарность с устоявшимся мифом о сложности и непонятности женского характера, — мифом, который избавляет мужчин от размышлений о причинно-следственной связи.

Когда лодка набрала скорость и устремилась к западу, все трое уселись на корме и принялись разглядывать пенный след.

— Она чудесная девушка, — заметила Дэйзи, придерживая рукой здоровущую соломенную шляпу, которую ревнивый ветер то и дело норовил сорвать.

— Да, отличная, — эхом отозвался Боб.

Последовало молчание: все несколько колебались, прежде чем начать наконец сплетничать. Но отделившаяся от коллектива Алиса должна была понести наказание.

— И сколько вы, ребята, уже вместе? — спросила Дэйзи.

— Да уж почти год.

— Потрясающе! — воскликнул Боб, хотя для такой его оценки никаких видимых причин не было.

— Я думаю, не бывает простых отношений, — фило-софски произнесла Дэйзи с видом человека, предающегося абстрактным размышлениям. — На все требуется время и усилия.

— И от человека требуется зрелость.

— Я забыла: а сколько Алисе лет?

— Двадцать четыре.

— А тебе?

— Тридцать один, скоро — в феврале — стукнет трид-цать два.

— Что ж, мы с Бобом тоже не молодеем, — заметила Дэйзи. — Сложи наши годы вместе — и получится чуть больше семидесяти, не так ли, Боб?

— Будь спок!

— Во всяком случае, она очень милая девушка, — за-ключила Дэйзи, давая этим «во всяком случае» понять, что при желании она могла бы быть не столь вежливой и доб-росердечной.

Раньше Эрика нисколько не беспокоило то, что Алиса на восемь лет его моложе: ему всегда нравились молодень-кие девушки, благодаря чему он заслужил у своих прияте-лей репутацию «похитителя детей». Помимо того, что он называл «телесной гибкостью», ему нравилось в молодых женщинах то, что они считали все неминуемо обретаемое с годами его личными достижениями. Мужчина тридцати с лишним лет, конечно же, кажется двадцатичетырехлет-ней девушке более интересным, умным, значительным, чем ее еще неуклюжий и неопытный ровесник.



Эрик умел вести себя в любом окружении. Бесконечные путешествия и постоянные контакты научили его овладевать обстановкой в залах для совещаний и в ресторанных залах, в отелях и офисах. Все это создавало впечатление внутренней зрелости, хотя было на самом деле всего лишь результатом хронологического процесса.

Возрастные или расовые различия могут вести к искусственному превосходству: неквалифицированный немецкий рабочий, прилетев в отпуск в Таиланд, чувствует себя миллионером и ведет себя соответствующим образом, ведь за его плечами — экономическая мощь всей страны и благоприятный валютный курс. Англичанин-тугодум приезжает в маленький городишко в США и лишь благодаря экзотическому для этих мест акценту обретает славу умника и оригинала.

— Временами она действительно напоминает мне подростка, — резюмировал Эрик, почувствовав неуместность паузы. — Все эти перемены настроения, самокопание, и с этим я ничего поделать не могу.

— Это возрастное, — подтвердила Дэйзи. — У нее сейчас трудное время: она начала делать карьеру, ей приходится выбирать между разными возможностями, стараться все предусмотреть, а это в любом возрасте непросто. Помню себя в ее годы: боже, да я была просто кошмарной! Мнения у меня менялись по сто раз на дню, я не знала толком, чего хочу, и доводила своих парней до сумасшедшего дома. Боб, тебе крупно повезло, что ты меня тогда не знал, а то тебе пришлось бы еще хуже, чем бедному Эрику.

Эрик не возражал списать все Алисины проблемы на специфические возрастные трудности. Значит, все дело во времени, а не в самой проблеме, и ее обиды — это ее дело,

а ему винить себя не за что. Как бы он себя ни вел, ей все равно будет трудно — просто потому, что она находится в такой стадии развития. И все ее жалобы — лишь побочный продукт процесса взросления. Алиса могла сколько угодно говорить: «Мы друг друга не понимаем», но на самом деле она хотела сказать другое: «Я нахожусь в том возрасте, когда вполне естественно спрашивать любимого, хорошо ли мы друг друга понимаем...»

До чего ж удобно списывать все сложности человеческого бытия и все страдания на процесс взросления! Примени такой метод ко всем великим литературным произведениям — и критики мигом останутся без работы. Что двигало Гамлетом, Раскольниковым и юным Вертером? — Ярость взросления. А как насчет Дон Кихота и Гумперта Гумперта? — Так у них же был кризис среднего возраста! Простите, а чем объяснить поведение дражайшей Анны Карениной? — Разгулявшимися в преддверии менопаузы гормонами.

## ЖЕНОНЕНАВИСТНИЧЕСТВО

Если бы кто-то попытался обвинить Эрика в женоненавистничестве, он был бы искренне шокирован. Мало того что он, как человек современный, не приветствовал подобные взгляды, он предпринимал активные позитивные шаги, направленные на поддержку женских прав. На работе он был яростным сторонником равноправия, и благодаря ему в совет директоров было включено несколько женщин. Он во всеуслышанье воспевал их эффективность и часто отвечивал шуточные комплименты своей секретарше: с ее объемом работы, мол, и пятеро мужиков не справятся. У него было много друзей среди женщин; они считали, что он приносит им счастье, и с удовольствием поверяли ему свои секреты. Но сколько бы Эрик женщинами ни восхищался, для него было важно сознавать, что они — как и он — понимают его превосходство. А потому он мог позволить себе быть с ними великодушным (как это ни парадоксально, но его стремление продвигать женщин по службе как раз и говорило о его закоренелой уверенности в неравенстве мужчин и женщин).

Эта вера в мужское превосходство может показаться противоречивой, если мы вспомним, что Эрику в Алисе больше нравились проявления силы, а не слабости. Какое превосходство, если он чувствовал себя довольным, когда Алиса казалась независимой и успешной? Значит, нам следует подумать о более точных определениях силы и слабости, потому что для Алисы возможны как минимум два способа проявить силу, но Эрик готов мириться только с одним из них.

Первый мы назовем *автономной силой*, уверенностью, которую излучала Алиса, когда пребывала в хорошем настроении и когда чувствовала, что все важные для нее аспекты существования находятся под ее полным контролем. В таком состоянии она ни за что бы не надулась и не засела дома с книжкой, а непременно отправилась бы на подводную прогулку (как в прямом, так и в переносном смысле), очаровывая по пути всех встречаемых. Именно такой Алисой похвалялся Эрик, говоря, что она непременно станет одной из ведущих бизнес-леди страны. Когда она подмигивала ему на шумной вечеринке или исподтишка показывала язык за скучным торжественным обедом, он вспоминал, как сильно он ее любит.

Но есть и другая форма силы, которую мы могли бы назвать силой *Олимпии* — по названию легендарного портрета Эдуарда Мане, впервые выставленного на Парижском салоне 1865 года. Тогда «Олимпия» произвела в мире искусства фурор, и критики дружно заклеили произведение как непристойное и аморальное. Мане обвинили в издевательстве над традиционными жанрами, в том, что поза натурщицы — это вульгарная карикатура на великие произведения живописи. Но критиков больше всего бесил не формальный проступок, а выражение лица натурщицы, Викторины Меран. Мировая история искусств — которую писали мужчины! — до тех пор практически всегда заставляла натурщиц принимать покорно-соблазнительные позы. Что в будуарах, что в садах классицизма обнаженная женщина непременно ожидала, что инициатором сексуальной игры выступит мужчина, и, вопреки позе, выражением лица смахивала на застенчивую и невинную пятнадцатилетнюю девочку. Зритель делал вид, что наслаждается

Великим Искусством, втайне глотая слюнки, вызванные лицезрением прекрасной нимфы, — и делал это вполне искренне, поскольку все это происходило в дофрейдистские времена. Такой была Тицианова «Венера Урбинская», которую в юности копировал Мане: перед зрителем предстала женщина нежная и невинная, однако явно готовая к коитусу по первому желанию на нее смотрящего. Зритель был волен пожирать ее глазами, растлевать в соответствии со своими прихотями и совсем не беспокоиться о том, чего могла желать или не желать она.

Олимпия была иной: перед зрителем возлежала не стыдливая фиалка, а женщина, уверенная в себе и сознающая свои желания. И инициатором выступала скорее она, а не мужчина-зритель, причем выражение глаз и рта давали понять, что она может отпустить и парочку шуток (забавных для нее, но убийственных для него) по поводу размера или качества.

Иногда и в Алисе проявлялась такая сила, которая, в глазах Эрика, была сродни силе Викторины Меран, — но он видел в ней скорее не сексуальную, а эмоциональную опасность. В Алисе он боялся ее стремления лишить его всех уловок, проявляющегося, когда она задавала вопросы типа: «Есть ли у наших отношений будущее?» или «Почему, когда мы занимаемся любовью, ты на меня не смотришь?»

Он боялся в женщинах того, что можно было бы — скорее в соответствии с его собственным опытом, чем с опытом взаимоотношений между мужчинами и женщинами вообще, — назвать «превосходящей эмоциональной зрелостью». Его возмущали уколы, содержащиеся в Алисиных вопросах, ее желание «поговорить», «обсудить», ее бесконечные

расспросы о том, что он чувствует и почему он поступает так, а не иначе. Она требовала от него того, что он хотел бы давать ей в соответствии со своими представлениями о том, где и когда это дать, и в этом она была похожа на Олимпию, которая первой начинала сексуальную игру со зрителем, привыкшим, чтобы инициатива исходила от него. И тогда она казалась ему слишком требовательной; считая, что она слишком далеко заходит, он пугался — хотя в силу своего характера ни за что в том себе признать не мог. Он заползал в свою скорлупу, отмалчивался и при первой же возможности выскакивал из комнаты. Или же — когда он не чувствовал особо острой опасности — переводил разговор на другое, включал музыку или делал вид, что ему срочно надо позвонить по телефону. Где-то глубоко в подсознании пряталась пугающая мысль, что Алиса и мудрее, и взрослее, чем он, что в какое-то мгновение ее посетит настоящее озарение и она увидит в нем того, кем он больше всего боялся перед ней предстать: голого короля.

У каждого мужчины — задолго до того, как у него появится возлюбленная, — имелась мать, каждый в нежном возрасте испытывал на себе материнское *всесилие*, и только потом у него устанавливались равные (а на самом деле — более униженные, чем с матерью) отношения с женщиной. Мать Эрика была женщиной с сильным характером, и в детстве он ее слегка побаивался. Она с неистощимой энергией растила четверых сыновей, была невероятно практична, умела подшивать брюки, лечить несложные болячки, варить джемы и печь пироги. Вместе с тем она им и продохнуть не давала, вечно теребила расспросами, надели

ли они шарфы или пуловеры, вовремя ли приняли лекарство и сделали домашнее задание.

Такое отношение породило у Эрика острейшее стремление к независимости, и хотя теперь он носил костюмы и запонки, давал на чай таксистам и расплачивался в ресторанах кредитными карточками, в его отношении к женщинам осталось что-то от маленького мальчишка, который вырывается из рук матери, когда она пытается у ворот школы поцеловать его на прощанье или поплотнее застегнуть ему пальтишко.

Когда Эрику было семь лет, он захотел поиграть со старшими братьями в снежки на берегу одного из притоков Темзы — дело происходило в феврале. Мама, опасаясь за его здоровье, сказала, что поскольку Малыш (так его звали в семье) совсем недавно оправился от гриппа, ему придется остаться дома. Но после этого мать на целый день ушла по своим делам, и Эрик увязался за братьями. Он так здорово метал снежки, совсем как они, он чувствовал себя большим, а не «Малышом», он был чемпионом среди братьев! Они играли уже на самой реке — перебрасывались снежками с берега на берег, — как лед под Эриком треснул. Он провалился в ледяную воду, там было неглубоко, вода доходила всего лишь до пояса, но все равно было ужасно больно, и он плакал всю дорогу до дома. Братья уложили его в постель, и когда он проснулся, он увидел над собой мать — ее пристальный взгляд, круглое лицо, широкие плечи. С обычной суровой улыбкой она вытерла ему лоб и спросила унылым тоном: «Ну почему ты не послушался мамочку, Малыш?»

В основе женоненавистничества Эрика лежали именно такие образы: страх перед нянькой, страх перед всесилием

матери. Но, как спасение от этих образов, перед его глазами был другой образ, с которым он хотел идентифицировать себя: образ отца, который покрикивал на мать и рядом с которым она становилась странно робкой и смиренной. Его всегда поражало, как легко мать склонялась перед отцом, как грубо он мог за ужином отозваться о приготовленном ею пастушьем пироге; мог заявить, что в доме грязно как в свинарнике, или запросто обвинить ее во лжи, и эта сильная, суровая женщина покорно сносила все обвинения.

Эрик знал, как просто порою укротить независимую и сильную женщину, — достаточно прибегнуть к устарелым патриархальным моделям поведения. И какими бы благими намерениями он ни руководствовался, сколько бы у него ни было друзей среди женщин, его взгляды на противоположный пол были сформированы в пространстве между двумя полюсами: на одном — мать с ее круглым луноподобным лицом, на другом — она же, но безвольная и робкая в присутствии грубого отца.

Вернувшись с подводной прогулки, Эрик почувствовал, что моральная инициатива перешла на сторону Алисы и что уже не она исполняет роль упрямого подростка, а он превратился в незрелого мальчишку, который удрал от сложной ситуации, и теперь защищаться приходится ему.

— Ты пропустила потрясающее зрелище, там была такая рыба! — крикнул Эрик намекающим на примирение тоном — он полоскал в ванной свои купальные трусы.

— Не сомневаюсь, — ответила Алиса, которая на самом деле ни о чем не жалела.

— А ты чем занималась?



— Тут в гостинице отдыхают двое парней из Канады, я с ними каталась на водных лыжах.

— И хорошо покаталась?

— Прекрасно.

— Ты не сгорела? День был довольно жаркий.

— Нет, к тому же Брэд одолжил мне свою майку.

— О, чудесно. Я рад, что ты покаталась на водных лыжах, ты же говорила, что тебе очень хочется, не так ли?

— На завтра я снова договорилась с Брэдом и Дэнни — они собираются поехать на пляж поближе к Бриджтауну.

— Звучит заманчиво.

— Да, я надеюсь прекрасно провести время.

## ОТДЫХ ОТ СЕБЯ

— Алиса! Боже мой! Привет! Входи, ты как?

— Отлично, рада тебя видеть.

— Боже, как ты загорела, выглядишь просто неприлично.

— Знаю. Весь день ловлю похотливые взгляды.

В первый же рабочий день Алиса забежала навестить Сьюзи — та сторожила дом своего возлюбленного. Они стояли в холле и обнимались так, словно вечность друг друга не видели, хотя с того времени, когда самолет Алисы оторвался от земли и взял курс на Барбадос, прошло всего десять дней.

— Ты так здорово выглядишь! Я просто завидую.

— Но и ты отлично выглядишь, Сьюзи.

— Вовсе нет. Я такая белая, что, кажется, свечусь в темноте. Даже скорее зеленая, чем белая, к тому же я уже целую вечность не занималась фитнесом. Но расскажи мне! Как остров, как гостиница, как вообще все?

— О, все отлично, Барбадос — просто чудо, представляешь, в нашем бунгало не было окон, только проемы, чудесный вид на море, а в отеле полно всего — водные лыжи и все такое.

— У меня просто мурашки по коже — это звучит так сексуально!

— Ну-у-у... Так оно и было.

— И ты ела тонны тропических фруктов и танцевала рэгги?

— Что-то в этом роде.

— А Ромео прилично себя вел?

— Более-менее.

— А как погода?

— О, все время было жарко, иногда по ночам шел дождь и утром стоял туман, но в целом все отлично.

— Я уверена. Ох, Алиса, я так за тебя рада! Обними меня еще разочек.

Этот визит предоставил Алисе возможность впервые в деталях рассказать об отпуске. Правда, на работе она уже кратко отчиталась, но надеялась обсудить со Сьюзи всю сумятицу чувств и двойственность впечатлений.

Она часто замечала, как важен может быть первый рассказ о событиях, как будто он даже важнее того, о чем рассказываешь. До этого ты просто проживаешь событие, и воспоминания о нем плавают без всякого порядка.

— Посмотри, я приколола твою открытку Мэтту на доску, — и Сьюзи указала на открытку, которую Алиса сама бросила неделю назад в почтовый ящик гостиницы. На открытке был изображен пляж — желтый песок, обильная растительность, высокие пальмы. А также изумрудное море и ярко-голубое небо.

— Как бы нам с Мэттом хотелось бы поехать в какое-нибудь такое место, но у нас сейчас денег не хватит. Как только взглянешь на это море, на это небо — нет, в таком месте просто невозможно не чувствовать себя на вершине блаженства.

Слова подруги напомнили Алисе ее собственные мысли накануне отпуска, отчего ее сегодняшние сомнения казались вовсе необъяснимыми. Потрясенная желанием Сьюзи увидеть в своем путешествии осуществленную мечту, она была вынуждена поменять планы и заменить подробный рассказ кратким отчетом о пребывании

в карибской утопии — ибо именно этого ждала от нее слушательница.

Путешествие интереснее истолковывать не с географической, а с психологической точки зрения — как метафору желанного внутреннего вояжа. Пеший поход в Непале, подводное плавание на Карибах, катание на лыжах в Скалистых горах, серфинг в Австралии — все это, конечно, экзотично и вдохновляет, но вряд ли сравнимо с более глубокими мотивациями, на самом деле двигающими тем, кто обращается в туристическое агентство.

Хотя турагенты делают вид, что их занятия носят банально-материальный характер — приобретение билетов, заказ гостиничных номеров, страховка, — на самом деле они торгуют иллюзией, что приобретение туристического пакета позволяет оторваться от себя самого. То есть один ты остаешься дома, а другой ты отправляешься в путешествие. Не твое «я» отправляется в отпуск, а отпуск меняет твое «я».

У отдыхающего «я», которое Алиса нарисовала себе еще в Лондоне, не было ничего, что делало ее пребывание в мире с самой собой проблематичным: она представляла себе кого-то, свободного от сомнений в себе, усталости, беспокойства, скуки и тоски. Раз там двадцать пять градусов тепла, раз окружение и образ жизни там ничем не будут походить на ее лондонское окружение и образ жизни, то она надеялась легко вжиться в роль, соответствующую сценарию, в роль Благородного дикаря (по Руссо), не затронутого проблемами западной цивилизации и избавленного от груза собственного прошлого и собственных неврозов. Но хотя бунгало было словно с картинки, фрукты — сочными,

песок теплым и мягким, внутри нее почти ничего не пере-  
менилось. Все это оказалось лишь деталями, второстепен-  
ными по отношению к ее внутреннему декору, к сумятице  
ее внутренней географии.

И если Алиса недоумевала теперь, почему долгождан-  
ный отдых так отличался от того, что она предвкушала, по-  
чему, несмотря на прелести острова и отеля, все в ее душе  
оставалось таким же непонятным и путаным, как всегда,  
то, возможно, произошло это потому, что, пакуя лосьоны  
от и для загара, психологические пособия, бикини и темные  
очки, она прихватила с собой и то, что ей следовало оста-  
вить дома, — а именно, саму себя.

Когда она в Лондоне предвкушала поездку, она не ду-  
мала, что в уравнение будущего включена и она сама — по-  
мимо пляжа, пальм и морского ветерка...



И только потом пришло понимание, что она беспрепят-  
ственно протащила через барбадосскую таможню то един-  
ственное, чего ни в коем случае нельзя было при себе  
иметь, что она возникла в этом ясном вест-индском раю с  
тем багажом, который следовало оставить дома (потому  
что, даже если бы она привезла с собой плохую погоду, это  
было бы не так уж трагично), — то есть себя.



В эссе «Об уединении» Монтень вспоминает о том, как «Сократу сказали о каком-то человеке, что путешествие нисколько его не исправило. "Охотно верю, — заметил на это Сократ. — Ведь он возил с собой себя самого"»\*. И далее в том же эссе он цитирует Горация:

«Что нам искать земель, согреваемых иным солнцем?  
Кто, покинув отчизну, сможет убежать от себя?»\*\*

Когда люди говорят о желании «убежать от себя», это не значит, что они хотят уйти от какой-то конкретной проблемы. «Я» в этом случае понимается как средоточие массы неотъемлемых от личности и трудно поддающихся решению проблем. Они не могут быть выражены в чем-то одном — тогда бы речь шла о желании «уйти с работы», «сбежать от этой мерзкой погоды» или «развестись с мужем». Уточнение «от себя» говорит о смутной экзистенциальной усталости, неудовлетворенности от тяжелого бремени населять одно и то же тело и встречаться, как только мозг просыпается и вступает в активную фазу, с одними и теми же мыслями.

Алиса забыла, что глаз, наблюдающий за явлением, не меняется, хотя само явление может измениться. Она смотрела на будущее, не учитывая саму себя, как если бы надеялась извлечь из будущего пользу без мук, сопровождающих реальное участие в будущем. Бросив взгляд в прошлое, она поразилась, каким бедным оказалось ее воображе-

\* Цит. по изданию: Монтень. Опыты. М.: Правда, 1991, персв. А.Бобовича.

\*\* Гораций. Оды. — Цит. по тому же изданию.

ние, — оказывается, недостаточно было вычеркнуть из обихода проблемы, связанные с пребыванием в Лондоне, с работой, с ее здешним окружением: и там, на райском острове, нашлось достаточно поводов для бессонных ночей. Она возложила все свои упования на погоду и на иной ландшафт, словно плохой актер, уверенный, что будь у него костюм побогаче и декорации поинтереснее, то публика захлебнулась бы от восторга перед его искусством.

Но если честно, то она с самого начала отпуска столкнулась с разочарованиями. Незадолго до него она просматривала очередной женский журнал и нашла там раздел, озаглавленный «Пляжные красотки». По пляжу, простиравшемуся на пять глянцевых разворотов, вышагивала длинноногая блондинка в белом льняном платье, под которым оказался желтый купальный костюм. Алиса нечасто носила белое, да и желтые купальники ее не прельщали, тем не менее эти картинки так ее вдохновили, что она спускала с задних страниц адрес магазина, в котором продавались все эти вещи — довольно для нее дорогие.

И уже на самом Барбадосе, на пляже — который действительно напоминал пляж с картинки — обнаружилось, что траты были напрасными. Для такого платья она была маловата ростом, поэтому подол все время пачкался, да и вообще платье оказалось никчемным — слишком закрытым для дня и слишком пляжным для вечера. «Какого черта я его купила?» — и Алиса мысленно отправила платье в тот отсек шкафа, в котором висели другие не надеваемые ею вещи, купленные в порыве ненависти к себе (когда просто необходимо потратить деньги — хоть на что-то) и обнаружившие полную свою несостоятельность при рассмотрении в более практичном и разумном свете.

И льняное платье, и путевка на Карибы — все это были классические ловушки потребления. Когда вещи покупают не потому, что они необходимы, подсознательным толчком к их приобретению становятся не сами вещи, а те изменения, которые они могут привнести в жизнь. Платье и купальный костюм, на которые она потратила восемьдесят трудом заработанных фунтов, были не просто жалкими кусками материи, скроенными циничным и бесталанным дизайнером, прославленными модным журналом и потому продававшимися по возмутительно завышенной цене, — нет, они были средствами, с помощью которых она надеялась превратиться в существо с картинки в журнале. Пусть это звучит смешно, но на самом деле она желала не одежду, в которую была одета модель, — она хотела перевоплотиться в такую модель.

И что вместо этого случилось? Она вынула из чемодана платье и поняла, что влезть в него — вовсе не означает влезть в тело великолепно ухоженной, вечно загорелой и тренированной блондинки, тело-то у нее осталось прежним, со всеми его недостатками — коротковатыми ногами, неэффективными бедрами, животиком, не изнуренным аэробикой, и отнюдь не выдающейся грудью. Какое предательство! Она могла потратить сколько угодно денег, хоть все свои деньги, но то, чего она на самом деле хотела, продать не мог никто, а хотела она *другую себя*. Жестокая дилемма, ибо кто может заявиться в магазин одежды и попросить принести не ту или иную вещь того или иного размера, а *другую себя*, или с серьезным лицом спросить у турагента, нет ли у них путевок в «края такие далекие, чтобы я не смогла там до себя добраться»?



Значение греческого слова «утопия» — несуществующая земля. Но в случае Алисы такое несуществование имело особый смысл. Она верила в Утопию в чистом виде (гостиница «Робинзон Крузо» действительно выглядела как настоящая идиллия), однако решила, что сама вряд ли подходит для идиллического существования, что во всем виновата она. Следовательно, ей просто нет места в Утопии, и не из-за социальных или финансовых резонансов. Парадокс заключается в следующем: чтобы получить от чего-то удовольствие, ей нужно включить в уравнение себя, но наличие в уравнении ее персоны портит все удовольствие.

«Для нас возможен только тот рай, который мы потеряли», — говорил мучимый ностальгией Пруст. Писатели повеселее предпочитали рай предвкушаемый, но общим между прошлым и будущим (туристической брошюрой, которую мы разглядываем в преддверии путешествия, или открыткой, которую мы разглядываем уже после путешествия) является то, что обе эти картинки существуют без нас, их искажающих.

И наблюдая, как сходит карибский загар, Алиса поняла старую истину: мужчина, решив бросить жену, чтобы жениться на любовнице, должен найти сначала новую любовницу, а человеку, отправляющемуся на Барбадос, необходим рай в душе; только тогда он способен примириться с неизбежным пляжно-солнечным разочарованием.

Алисины корни не были привязаны к какому-то особому месту на земле. Хотя она уже много лет жила в Лондоне, родителями ее матери, хоть и рожденной в Англии, были француз и итальянка, отец ее был родом из Чикаго, а его бабка с дедом приехали в Америку из России. У нее не было родового дома, куда всегда можно было бы вернуться, и кладбища, на котором похоронены пять поколений предков и на котором могло бы взрасти генеалогическое древо, тоже не существовало.

Поскольку отец работал в международной компании, детство Алисы прошло в самых разных уголках земного шара. Каждые пару лет она шла в новую школу, изучала английский, французский и испанский, и в доме у них всегда было полно гостей — дипломаты и ученые, бизнесмены и художники, архитекторы и банкиры. Она росла без привязанности к какому-то определенному месту, и в ее памяти хранилась мешанина из географии и истории. Она помнила весну в Барселоне, запах осеннего сада, окружавшего их дом в Неле, песчаные дюны Лонг-Айленда и холодную торжественность норвежских фьордов. Она читала детские сказки на многих языках и знала имена множества чудовищ и злых волшебников — Бабар и Гримм, Поттер и Зип-и-Зап.

Она была подданной всего мира, и ее часто спрашивали: «А кем ты себя чувствуешь?», будто национальная принадлежность существовала на клеточном уровне. Но она не могла привязать свои чувства к конкретному паспорту: слишком много мест обитания, слишком много

школ, слишком много друзей в разных странах глушили ее чувство национальной принадлежности. При этом дружеские связи часто обрывались самым жестоким образом: лучшая подруга Софи осталась там, где она была пятилетней, с Марией она рассталась в семь лет, первая любовь в ее жизни — Томас — навсегда останется с ней восьмилетней.

«Так где же твои корни?» — спрашивали другие. А что это значит: иметь корни? Чувствовать, что ты вырос на определенной земле, ощущать себя частью определенного климата, определенной культуры, иметь тот идеальный менталитет, который называют «национальным характером». Алиса же ощущала только различия: она понимала относительность лондонских домов, улиц, образа жизни — и видела, как соотносятся они с другими городами и странами. Она могла сравнить впечатления от бармицвы в Сан-Франциско и от причастия в Севилье, вкус парижского и чикагского хлеба, цвет неба над Нью-Йорком и над Лондоном. И в подсознании ее закрепились предрассудки и верования разных народов.

Эрик же, напротив, вырос в условиях, доступных немногим в нашем двадцатом столетии: его семья жила в Лондоне на протяжении пяти поколений. Далекие его предки перебрались сюда из гемпширской деревушки, и у его бабушки с дедушкой до сих пор существовала в тех краях ферма. Родители его до сих пор жили в доме, в котором он родился, — между Ноттинг-хиллом и Холланд-парком, и, если он попадал в те края, владельцы магазинчиков по-прежнему приветствовали его как своего. Мать знала молочника и мясника по именам — здесь сохранились почти феодальные отношения между теми, кто обслуживает, и теми, кого обслуживают. Эрик был окружен друзьями

детства: некоторых из своих сегодняшних сослуживцев он знал еще с детского сада. С юности он вращался в одном дружеском кругу, и эта неразрывность окружения привносила негативный оттенок в некоторые вопросы, связанные с самоидентификацией личности.

— Я не знаю, кем я себя ощущаю, — ответила Алиса, когда однажды вечером Эрик задал ей такой вопрос. — А кем чувствуешь себя ты?

— Я? Полагаю, англичанином. Вряд ли я могу чувствовать себя кем-то еще.

— Да, но что это означает для тебя — быть англичанином?

— Боже, да понятия не имею... Ну, это набор впечатлений и ощущений. Например, когда мы на прошлой неделе возвращались из Хитроу, я вдруг почувствовал связь с этим пейзажем, я почувствовал, что это — моя страна. Все это как-то связано с пейзажами, со зданиями. Или вот, например, когда бываешь за границей и видишь британцев или что-то сделанное в Британии, ты чувствуешь свое единение с ними. Я ощущал это на Барбадосе, когда мне на глаза попадалась «Файнэншл таймс» или когда я слышал по радио программу Би-Би-Си.

Вступая в отношения с человеком, ты вступаешь в отношения с его культурным багажом, накопленным в детстве и юности, попадаешь в систему связей и традиций, в то, что каждый может назвать своей собственной *провинцией*, территорией. У такой провинции существуют не только национальные характеристики, она состоит из мешанины классовых, региональных и семейных черт. Это, как правило, набор из неосознанных элементов того, что человек считает обычным, нормальным: обычный для него облик

центральной улицы и прилавка в почтовом отделении, обычные формы подачи вечерних новостей и бланков для налоговых льгот, нормальный способ приветствия друзей. И делает он все, как для него обычно, — стелит постель, мажет хлеб маслом, убирает в доме, покупает мебель, заказывает еду в ресторане, размещает кассеты в машине, моется, выбирает место для отпуска, заканчивает телефонный разговор, составляет планы на субботу.

— Почему ты всегда ходишь в кино на дневные сеансы? — спросил ее в один из январских выходных Эрик. Алиса хотела сходить на какой-то фильм в два часа, а он предпочел бы девятичасовой сеанс.

— А что дурного в дневных сеансах? — ответила Алиса, чья хрупкая связь с отцом поддерживалась в детстве разве что совместными субботними походами на дневные киносеансы. Поэтому дневные сеансы в ее подсознании были неосознанно связаны и с отцом, и с самим понятием кино.

— Не знаю, но в этом есть что-то странное, — сказал Эрик, в чьем подсознании сохранилось несколько подозрительное семейное отношение к кино, которое его матушка называла «движущимися картинками». Для них обычным субботним времяпрепровождением было посещение матчей по регби, футболу или крикету.

— Что ж тут странного? Днем удобнее, потому что меньше народу, да и дешевле, — возражала Алиса, которая унаследовала вкусы отца, противоречащие вкусам любовника.

— Странно выходить из кинотеатра, когда на улице еще светло, — настаивал Эрик. — После кино хочется выйти в темноту, а не на яркий солнечный свет и сразу отправиться спать, а не тащиться обедать или еще куда-нибудь.

И взаимоотношения между двумя людьми — это встреча двух провинций. Даже у Алисы, с ее географически запутанным прошлым, была своя собственная провинция, хотя и не соотносящаяся с какой-то конкретной страной: о ней с равным успехом можно было бы сказать, что она «типичная англичанка», или «типичная американка», или «типичная представительница среднего класса».

Со временем Алиса начала понимать, что Эрик возложил на нее все бремя ответственности за различия между ними. Предполагалось, что критерием нормальности была его провинция и что ее вкусы — в отношении выбора киносеанса или еды, или цветовой гаммы, или правил поведения, — в том случае, если они отличались от его собственных, заслуживали права называться «странными».

Короче, при неизбежном столкновении двух провинций именно Эрик, как она заметила, имел склонность к *провинциализму* — то есть к приверженности своим собственным традициям и отрицанию законных притязаний провинций других. Он отказывался признавать относительность своих взглядов и считал их центром своей монотеистической вселенной.

Во вторник, проглядывая утреннюю газету, Алиса сказала:

— А знаешь, в эти выходные в Айлингтоне состоится антикварная ярмарка. Это должно быть интересно: соберутся антиквары со всей страны, а тем, кто принесет с собой купон из газеты, обещают десятипроцентную скидку. Мы могли бы заглянуть туда после ленча с твоими друзьями.

— Меня эта идея не очень вдохновляет.

— Почему?

— Мне придется поработать в выходные.

— Я могу сходить и сама.

Тема, казалось, исчерпала себя, и над накрытым к завтраку столом повисло молчание.

— А почему вообще тебя потянуло на антикварную ярмарку? — минуту спустя осведомился Эрик.

— Что плохого в антикварных ярмарках?

— Не знаю, но это так... так...

— Как?

— Ну, это занятие для старушек. Старинной мебелью интересуются только старушки.

— Может, твоя бабушка этим интересовалась, а моя интересовалась работами мастеров De Stijl\*.

— Неужели? Да моя бабушка не смогла бы написать слово «Stijl», даже если б ей за это заплатили. На этих антикварных ярмарках все заставлено громоздкой темной мебелью, а всякие провинциальные антиквары вечно пытаются тебя надуть, заявляя, что какой-нибудь хромой столик сделан учеником Чиппендейла. Там тебя просто по миру пустят. Если тебе нужна мебель, почему бы не сходить в какой-нибудь современный салон, где представлены современные дизайнеры. Да, это будет стоить подороже, но зато там — качество.

— Это не мой вкус.

— Почему б тебе не обзавестись хорошим вкусом?

— Потому что мне нравится мой.

— Даже если ты предпочитаешь дерьмо?

\* De Stijl (франц.) — «Стиль» — авангардистское объединение голландских архитекторов и художников первой трети XX века (П. Мондриан, Т. ван Дусбург и др.).

— Господи, ну почему бы тебе ради разнообразия не позволить мне в выходные заняться тем, что мне нравится?

Честным ответом был бы следующий (хотя сам себе Эрик в том ни за что бы не признался): а потому, что Алиса собиралась предаться удовольствию, с ним не связанному, и он чувствовал ревность к независимому от него источнику радости.

Недавно она стала замечать в Эрике тенденцию к провинциальной ревности: его порицание нравов и традиций, принятых в ее провинции, граничило с ксенофобией. То, что она это заметила, говорило о большей восприимчивости к вкусам и взглядам других — до такой степени, что старалась под них подлаживаться.

— Я меняюсь в зависимости от того, с кем я в данный момент рядом, — признавала она, и внимательный взгляд действительно мог подметить легкие перемены в том, как она вела себя с разными людьми, говоря им скорее то, что они хотели услышать, чем то, что она могла бы сказать. Мать желала видеть в ней человека искушенного и социально приспособленного, и Алиса старалась приобрести такой имидж, всегда докладывая, какие и от кого она получала приглашения. Эрику нравилось подшучивать над тем, как она накачивала шину своего автомобильчика, или бахвалиться ее удачной презентацией. Она чувствовала, что ее подруга Люси завидует ее успехам по службе, и старалась при ней выглядеть чуточку более утомленной и разочарованной, чем была на самом деле. Когда она разговаривала со своей богатой приятельницей Лавинией, в ее речи слышался акцент обитателей Вест-энда, а когда беседовала со своим приятелем художником Гордоном, выговор ее становился похож на выговор бесшабашных и нищих жителей Льюишэма.



Алиса запоминала, что другие любят и чего терпеть не могут, что вызывает их энтузиазм, и в разговорах старалась придерживаться тем, интересных для противной стороны. Это была неровная, нервная речь, она следовала не своим путем, а тащилась по пятам собеседника.

В начале их взаимоотношений Алиса не решалась приоткрывать те закоулки своей провинции, которые не совпадали с представлениями Эрика. Она ничего не говорила о том, что не разделяет его политических взглядов или пристрастия к минимализму в декоре. Она не решалась признаться, что, будь ее воля, она бы покупала ему другие галстуки и не позволяла бы так быстро ездить по городу. И уж никак не старалась навязать ему свои предпочтения — а ей нравилось гулять по лондонским паркам и осматривать загородные исторические памятники, печь домашний хлеб и принимать участие в акциях по защите амазонских индейцев. Она сомневалась, стоит ли ей готовить ему свою любимую вегетарианскую мусаку, заставлять слушать записи ее любимого Джеймса Тэйлора или намекать, что ей нравятся другие предваряющие занятия любовью игры.

Когда они вернулись из отпуска, явное различие их вкусов заставило Алису задуматься: не должна ли она проявить свой характер в их взаимоотношениях?

Что это значит — проявить характер? Мы замечаем «характер» типа, который отпускает на званом обеде грязные шуточки, смеется громче всех, показывает фокусы с льняной салфеткой, а в конце надирается и пристаёт к хозяйке. И никто никогда не заметит «характер» гостя, который скромно беседует со своей соседкой справа, затем с соседом слева, а потом тихонечко извиняется и уходит. Никто не

подвергает сомнению его человеческий статус, но вот статус «характера» ему явно не по плечу.

«Характером» обладает тот, кто чем-то разнится, отличается, и чем разительнее эти отличия, тем скорее данный индивид получит звание человека «характерного», оригинала. Чтобы им стать, надо заявить, что предпочитаешь на завтрак живых червей, или запеть так громко, что у окружающих вот-вот барабанные перепонки лопнут. После этого ты сразу превращаешься в существо примечательное, в то, чем не каждый может быть. В литературе полно героев и героинь, но «оригиналов» не так уж и много. Вот Дон Кихот — он «оригинал», а Йозеф К. — нет: на коктейле первый сразу бы бросился в глаза, а второй незаметно стоял бы у стеночки и грыз орешки. У него были бы слегка вспотевшие ладони, чуть встревоженное лицо, и он старался бы ничем не отличаться от любого другого клерка.

Алисина матушка была женщиной оригинальной — так называли ее друзья, имея в виду ее постоянную готовность сплетничать, повторять школьные шуточки, шокировавшие обитателей элегантных гостиных, а также слегка прихрюкивать, когда она смеялась. Она легко выделялась из толпы благодаря пристрастию к длинным розовым одеяниям и резким духам — это также добавляло определенные краски ее характеру.

Дочь была куда менее живописна. А поскольку она не намеревалась выпячивать свои отличия, то и для того, чтобы разглядеть ее странности, требовалось время.

Одним из таких поначалу незаметных отличий был обнаружившийся вдруг вкус к старинной мебели — вкус, явно оскорбительный для вкуса ее возлюбленного. И хотя объективно Эрик был озабочен ее благосостоянием,

в глубине души он хотел бы предать эту черту — явно принадлежащую «оригиналам» — забвению. Потому что она не соответствовала тому, какой ей надлежало быть.

— Ну и что с того, что он не захотел с тобой пойти? — удивилась Сьюзи, когда Алиса пересказала ей историю с ярмаркой антиквариата. — Пойди сама и получи удовольствие.

— Не уверена, что мне теперь этого хочется, — сказала Алиса.

— Конечно же, ты хочешь. Ты сама говорила, что хочешь.

— Да?

— А то с какой бы стати ты стала жаловаться, что он не хочет с тобой идти?

— Наверное, ты права.

— Естественно, я права. А знаешь? У Мэтта есть приятель Филип, он звукооператор на студии, на которой записывают классическую музыку. Отличный парень и, по-моему, обожает старину. Вот и сходи с ним, а я это устрою. По крайней мере, тебе не будет одиноко.

## КЕМ ТЫ ПОЗВОЛИШЬ МНЕ БЫТЬ?

Филип позвонил Алисе домой, и они договорились встретиться в субботу возле вокзала Виктория.

— А как мы узнаем друг друга? — спросила Алиса. — На кого вы похожи?

— Ну, когда я в хорошем настроении, я становлюсь отдаленно похожим на Роберта Де Ниро... Да не знаю я! Ну и вопрос... А как мне узнать вас?

— Я буду упакована в простой коричневый пакет.

— Звучит заманчиво.

Выудив друг у друга более детальные описания, они сумели таки встретиться в назначенном месте и в назначенный час, и в светло-зеленом «мини» Филипа отправились в Северный Лондон. Большой деловой центр в Айлингтоне, в котором проходила ярмарка, был, как и предсказывал Эрик, сплошь уставлен старой мебелью.

— Я ищу стол на кухню, — сообщил Филип, пока они обзоредали с верхней галереи зал. — Пока что не впечатляет, правда? Но все может быть. Просто удивительно, что порой удается отыскать. На одной такой ярмарке я нашел настоящую старинную кровать с пологом, причем до смешного дешевую.

— Вы спите в кровати с пологом?

— Знаю, что это довольно затруднительно, но сплю.

— Не думаю, что это затруднительно. Скорее, очень романтично. Ой, посмотрите вот на тот столик, думаю, он идеально подойдет к моей кровати! — воскликнула Алиса, когда они проходили мимо маленького ночного столика.

— И всего лишь двадцать фунтов! — подсуетился услужливый продавец.

— Очень недорого.

— Тогда купите его, — посоветовал Филип.

— Купить?

— Конечно. Если он вам нравится, то почему не взять?

Через полтора часа, со столиком у Филипа под мышкой (стола для кухни он так и не нашел), они вышли на заливную солнцем Хай-стрит. Поскольку уже перевалило за полдень, Филип предложил ей сходить на ленч в близлежащий рыбный ресторанчик, а столик они запихнули к нему в машину.

— Разве море не прекрасно? Когда на него смотришь, все обретает истинные пропорции, — сказала Алиса, глядя на нарисованный на стене морской пейзаж.

— Что обретает пропорции? — спросил Филип.

— Не знаю, все. Все мелкие заботы и проблемы. Все, из-за чего не спишь по ночам и изводишься днем.

— И часто вам приходится не спать?

— Ну, не так чтобы все время... А разве у вас не случается бессонниц? Порою я живу словно на ручном тормозе. Знаете, как бывает, когда ведешь машину и чувствуешь, что она идет слишком туго, и потом замечаешь, что забыла снять ее с ручного тормоза. Со мной такое часто случается... Ох, кажется, я слишком много болтаю.

— Вовсе нет, — возразил Филип, и Алиса улыбнулась. Она взяла солонку, высыпала немного соли себе на ладонь и ссыпала ее горочкой на свою хлебную тарелку. Воцарилась тишина, и они оба снова усталились на морской пейзаж.

— Я читала о рыбе, — нарушила молчание Алиса, — которая живет практически на самом океанском дне, и ей трудно встретить другую рыбу той же породы. Но когда они встречаются, они сразу же занимаются любовью, а потом самка пожирает самца.

— Довольно жестокий способ завершения романа. Неудивительно, что эти рыбы такие редкие.

— Разве это не ужасно? — спросила Алиса. — Я часто думаю о них, двух одиноких рыбах в огромном океане, о том, как они встречаются и одна съедает другую.

— Кто заказывал дуврскую камбалу? — спросила подошедшая официантка.

— Я, — ответила Алиса.

Вскоре Алиса и Филип болтали уже на темы, далекие от их социального статуса, — так постепенно, слой за слоем, мы срываем с беседы покровы банальности, пока не обнажится скалистое ложе искренности.

Что еще более примечательно: Алиса поняла, что говорит по большей части она сама, потому что, как правило, она задавала вопросы, не дожидаясь ответа, — за эту манеру некоторые знакомые прозвали ее «интервьюером». Если откровенность мы считаем слабостью, а закрытость — силой, тогда, конечно, интервьюер находится в сильной позиции. Но в таком случае нам надо было бы говорить о макиавеллиевской хитрости Алисы, хотя на самом деле она засыпала собеседников вопросами просто потому, что боялась слишком много говорить о себе. При всей потребности разделить с кем-то свой внутренний мир, она не хотела навязывать его собеседнику. А поскольку другие видели в ней благодарного слушателя, они использовали ее скорее

как бесплатного психотерапевта, чем как настоящего собеседника.

Но в Филипе она чувствовала искреннее любопытство и говорила легко и свободно. За время, которое потребовалось для двух перемен блюд, она успела поведать многое из ее детских лет — эту тему она редко обсуждала с такой откровенностью и, скажем прямо, еще никогда — с таким недавним знакомым.

— Он был потрясающим человеком, — говорила Алиса о своем отце. — Им все восхищались, но при этом считали слегка ненормальным. Он объездил весь мир — работал в руководстве большой сети магазинов, а потом купил себе фирму по установке витрин. В детстве мне редко удавалось его видеть, а когда он появлялся, я впадала в панику — так мне хотелось произвести на него хорошее впечатление. Помню один его день рождения — мне тогда было около восьми лет. Все готовили ему шикарные подарки, и я тоже решила сделать какой-то особенный подарок. Денег у меня, естественно, не было, но я нашла кучу каких-то здоровенных коробок и решила их красиво упаковать. Я так разошлась, что упаковала целых пятьдесят коробок — пятьдесят пустых коробок, которые я собиралась ему подарить. Но так и не подарила: его отправили в командировку в Канаду, и на свой день рождения он не успел. Мама сказала, что коробки занимают слишком много места, и все выбросила.

— Она, наверное, немножко завидовала.

— Может, так оно и было... Она всегда создавала барьеры между мною и отцом. Но эту свою зависть она использовала непродуктивно. Я имею в виду, она могла мешать нашим с ним встречам, но при этом сама и не пыталась

лучше узнать меня. Она вообще из породы разрушительниц. Всегда хотела отдалять людей друг от друга, хотя ей никогда не удавалось извлечь из бедных одиночек хоть какую-то пользу для себя.

— А она любила детей?

— Ну, поначалу отец ни в какую не хотел иметь детей, и мать заставила его хитростью. Она отчаянно хотела детей, но нуждалась и в его любви и понимании, которые отчасти утратила, все-таки заведя нас. Так что, я думаю, отчасти ее разочарование и агрессия обратились на нас. Она считала, что мы принадлежим ей со всеми потрохами, и слишком лично воспринимала все наши ошибки. Я была довольно заторможенным ребенком, лет до двенадцати держала рот на замке, была жутко стеснительной. Мать это злило, потому что она считала нашего отца блестящим умом, и если его дети не так умны, значит, это ее «дурные гены» виноваты.

— А была она счастлива в браке?

— С кем? С отцом?

— Что, были еще другие браки?

— Сейчас она третий раз замужем.

— Ну тогда с вашим отцом.

— Нет, не думаю. Я не очень расстроилась, когда она ушла к Авнеру, потому что я никогда и не считала нас семьей. Знаете, мы были не того типа — не собирались за кухонным столом и не изображали Семейное Счастье. Она была довольно холодной женщиной, эдаким мачо в юбке. Видите ли, ее собственный отец умер довольно рано, когда ей было всего двенадцать, она осталась в семье за старшую и рано повзрослела. Вот почему в ней как бы уживаются два человека: один очень жесткий, практичный, а второй —



испуганный двенадцатилетний ребенок, который ни за что не признается себе в своих страхах.

— А почему же тогда отец на ней женился?

— Полагаю, она могла предоставить ему определенный уровень безопасности. Когда они познакомились, он только начинал карьеру. Познакомились они в Нью-Йорке — мать работала на одну телекомпанию, и, как я понимаю, довольно успешно, к тому же оба считали, что им пора обзавестись семьей. Они поженились через три недели после знакомства на какой-то вечеринке, и это говорит о том, до какой степени оба жаждали покоя и стабильности. Но для того, чтобы понять, что они совершили ошибку, им потребовалось немало лет.

— Простите мою грубость, но не кажется ли вам, что такое детство не могло в какой-то степени вас не искалечить?

— Вы вовсе не грубый. Вы правы, я чувствую свою ущербность, но, знаете ли, я также с подозрением отношусь ко всем, кто говорит, что у них счастливая семья. По-моему, такого просто не бывает, и, по крайней мере, наша семья не делала вид, что все замечательно. Мы не похожи на семьи, где все до чертиков вежливы друг с другом, постоянно говорят: «Как мило, дорогой» или «Как мило, дорогая», а сами втайне вынашивают планы убийства. Помните анекдот про человека, который пришел к своему психоаналитику и говорит: «Доктор Спиглер, на днях я совершил интересную оговорку. Я пришел к своей матушке на чай, и вместо того, чтобы сказать: «Мамочка, дорогая, не будешь ли ты так любезна передать мне сахар?», почему-то сказал: «Ты, чертова сука, сломала мою жизнь».

После ленча они отправились гулять по Хай-стрит и зашли в несколько книжных магазинов. Потом начал накрапывать дождик, и они вернулись к машине и поехали в центр.

— Хотите, чтобы я помог вам установить ваш новый столик? — спросил Филип, когда они подъехали к ее дому.

— Нет, спасибо. Я и сама прекрасно справлюсь.

— Как вам будет угодно.

— Это было очень любезно с вашей стороны — подвезти меня и все такое прочее... Я просто обязана чем-то вам отплатить.

— Конечно! Вы поможете мне найти стол для кухни.

— Отлично, только не пропадайте.

Алиса вышла из машины, вытащила из багажника свой столик и на секунду помедлила у входа в дом. Потом обернулась и помахала Филипу на прощанье. Она занесла столик в свою комнату, поставила на него лампу и будильник и улыбнулась — он действительно удивительным образом гармонировал с кроватью. Но улыбка мгновенно растаяла: она подумала о том, что скажет Эрик — он непременно пройдетя по поводу того, что это самый бесполезный, самый китчевый предмет, какой только можно было бы приобрести за двадцать фунтов.

Что он вечером, за ужином, и сказал.

Эта история напомнила Алисе о том, что она — это не одна она. Конечно, это не значит, что по улицам Лондона, Парижа или Нью-Йорка бегают сотни ее клонов с более или менее похожими жизнями, но что ее телесная оболочка содержит более чем одну версию ее самой и что она меняется в зависимости от человека, с которым в данный момент находится рядом. Более того, она обнаружила, что

некоторые из версий лучше, более похожи на нее саму, чем другие.

Они с Эриком наконец получили из ателье фотографии, которые сделали на Барбадосе, и после ужина уселись в гостиной их рассматривать. Среди других было и такое фото — они сидят на веранде своего бунгало. Судя по цвету их кожи, оно было сделано в первые дни их пребывания.

— Посмотри! Ты здесь просто потрясающая, — заметил Эрик. — Чудесная карточка.

— По-моему, я выгляжу ужасно. И совсем на себя не похожа. Какая-то не такая.

Эрик был прав: на фотографии действительно была она, и выражение лица принадлежало ей (а вовсе не пририсовано жестоким ретушером). Нельзя сказать, чтобы это фото совсем уж ей не льстило, просто в этом ракурсе собственное лицо показалось Алисе непривычным, совсем даже ей не принадлежащим.

Ее реакция подтверждает определенную специфику нашего отношения к тому, что мы считаем нашим настоящим «я». Ни какая-либо старая фотография, и уж точно ни эта фотография на фоне барбадосского бунгало не соответствовали ее представлениям о реальном сходстве. Не желала она идентифицироваться с этим лицом! Она никогда не претендовала на такую улыбку, не дружила с таким румянцем, а уж прическу, взбитую ветром, она точно не носила — по крайней мере, она об этом не помнит. И не хотела она, чтобы какая-то бесстыдная в своей откровенности фотокамера наделяла ее такими чертами.

И это отторжение не ограничивалось одной какой-то фотографией, потому что не только ее внешний облик, но и ее характер также можно было трактовать с разных точек

зрения: при разном освещении, сквозь разные объективы, рядом с разными возлюбленными. Встречались люди, рядом с которыми она чувствовала себя больше «собой», чем с другими. Вот, например, Сьюзи — та понимала ее так, как она хотела быть понятой. Сьюзи хорошо разбиралась в ее психологии и говорила: «Алиса, я знаю, ты с ним только потому, что он для тебя недостижим» или «Ты просто пытаешься заставить кого-то другого совершить то, что хотела бы сделать сама...» Или ее друг Гордон, с сочувствием относящийся к ее страсти бегать по магазинам и разглядывать картинки в глянцевых журналах, — он всегда над ней подтрунивал и спрашивал: «Ну, Эмма Б., как у тебя дела сегодня?» Когда она горестно вздыхала, он вздыхал еще горше.

— Перестань издеваться! — протестовала она.

— А я вовсе и не издеваюсь, я переживаю, что в «M&S» закончились твои любимые колготки, — отвечал он.

— В твоем голосе столько сарказма!

— Разве это преступление, Ваша честь? — вопрошал Гордон с убитым видом, и они оба смеялись.

Возможно, друзья посмеивались над ее слабостями, потому что в ее нервозности видели нечто комическое. Все они знали, что Алиса жутко неорганизованная, но вместо того, чтобы на нее сердиться, присылали ей приглашения на вечеринки, в которых заменяли назначенное время на особое, «Алисино» — как правило, на час или около того раньше, чтобы она могла прийти вовремя. Они поддразнивали ее за манеру говорить с разными акцентами, за желание стать то голливудской старлеткой, то спасительницей бразильских джунглей. Она чувствовала, что ее понимают, прощают и любят — даже за ее слабости.

И она не понимала, почему такого не происходит с Эриком: когда между ними возникало напряжение, они либо отмалчивались, либо все заканчивалось угрюмой, лишенной всякого юмора ссорой.

Поскольку она так приятно провела день с Филипом и чувствовала себя рядом с ним легко и свободно, она попыталась и вечером, с Эриком, сохранить это настроение. Филипп умел легко и необидно подшучивать — он замечал в ней какую-то черту и обыгрывал ее с интеллигентной иронией. Приметив ее — ставшую уже знаменитой — нерешительность при выборе блюд в ресторане, он еще в середине первого блюда подозвал официантку и попросил принести десертное меню — чтобы Алиса успела уложиться в срок.

Так что она влетела в квартиру Эрика в превосходном настроении и вся искрилась уверенностью в себе.

— Как дела, трудяга? Закончил работу? — спросила она.

— Да. А что это с тобой случилось?

— Ничего. А что? — удивилась Алиса.

— Не знаю. Но ты в каком-то странном настроении.

— Да нет, у меня просто хорошее настроение.

— А-а-а...

— Хочешь услышать анекдот, который рассказал мне этот парень, Филип?

— Давай.

— На курорте, перед зданием, где принимают ванны, стоят два еврея, и один спрашивает: «Вы сегодня ванну принимали?», а второй испуганно отвечает: «Нет, а что? У них ванна пропала?»

— О...

— Ты понял, в чем соль?

— Да, да, понял... Там в холодильнике остался пирог, если хочешь.

— Прекрасно...

Перефразируя Витгенштейна, мы можем сказать, что границы понимания нас другими людьми ограничивают наш собственный мир. Мы не можем жить иначе, кроме как внутри параметров чужого восприятия — нам позволяют быть забавными, понимая наши шутки, умными — в меру их собственного ума, их щедрость побуждает и нас к щедрости, ирония — к ответной иронии. Характеры подобны языку, который нуждается и в читателе, и в писателе. Произведения Шекспира — непонятный гул для ребенка семи лет, и если бы его читали только семилетние, он бы и оценивался только в тех пределах, которые доступны их пониманию. Так и возможности Алисы простирались только в тех пределах, в которых их мог воспринять ее возлюбленный.

Она могла быть веселой, она не боялась быть смешной — и Филип откликался на эту ее особенность и поощрял ее, но как она могла сохранять такое игривое настроение, если ее шутки не достигали цели? И ей пришлось возвратиться в рамки, предначертанные для нее восприятием Эрика.

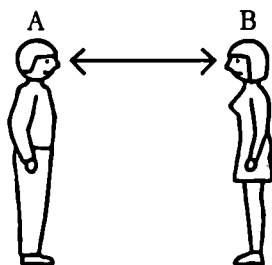
Отношения могут строиться не только на качествах, присущих партнеру, но и на его влиянии на наше представление о себе — на его способности вернуть нам то, что мы посылаем ему в качестве своего образа. Кем Эрик заставлял Алису себя чувствовать? Каким образом он давал ей это понять? Она не знала, не постигала механики процесса, — было ли все это лишь в ее воображении или для такого представления существовали веские основания. Но у

нее давно сложилось впечатление, что рядом с ним она превращается в какое-то ничтожество, существо, не представляющее никакой ценности. Эта Алиса была испорченной девчонкой, не очень умной, заиклившей на эмоциях и до противного зависимой.

Эрик никогда ей такого не говорил: такой она рядом с ним *себя* чувствовала. Когда ученые хотят узнать причины какого-либо воздействия на что-либо, они ставят эксперименты, при которых в каждом новом опыте намеренно исключается по очереди каждая из возможных причин, пока не выяснится, какая же является основной. Предприми Алиса аналогичный контролируемый эксперимент, она бы быстро поняла, каким образом Эрик воздействует на ее представление о себе, — а каким еще образом она могла бы узнать, почему рядом с ним она чувствует себя такой неадекватной? Но она не задумывалась над этим. Ее чувства к нему могли оставаться теплыми (или даже горячими — аналогичными религиозной страсти), в то время как ее отношение к себе становилось все холоднее. Эрик повлиял на ее восприятие себя задолго до того, как повлиять на ее восприятие Эрика.

Когда А смотрит на В, В не может не воспринимать посылы, содержащегося во взгляде А. Если А считает, что В — обожаемый ангелочек с нежной кожей, В, вполне возможно, начнет чувствовать себя обожаемым ангелочком с нежной кожей. Если А считает В законченным идиотом, не способным сложить два и два, то и В, при всем своем сопротивлении, в результате поймет, что его или ее умственные способности стали значительно слабее, как на том и настаивает А, и в результате может действительно сложить два и два и получить приблизительно шесть.

Алису поражало изящное коварство этого процесса. В конце концов, А, считающему В законченной идиоткой, вовсе не обязательно говорить: «Ты законченная идиотка» — он может так тонко дать это понять, что склонная к самоанализу В в результате спрашивает себя: «Это просто мне так кажется, или...?»



Общение редко осуществляется путем откровенных деклараций — и редко кто вынужден облекать свои ощущения в словесную форму. Тогда как послание доходит до адресата?

Когда Алиса заметила Эрику, что их друзья Клер и Майлз ведут себя так, словно он ребенок, а она — его мамочка, Эрик (он знал Майлза еще со школы) сходу отмахнулся:

— Чепуха. Ты, как всегда, придумываешь то, чего нет.

— Но ты не можешь не признать, что у них какие-то странные отношения. Он все время стонет, а потом появляется она и спасает его — и оба словно играют заученные роли.

— Чушь. Они по-настоящему хорошие люди.

— Я не об этом говорю.



- Тогда о чем?
- Только о том, что их отношения построены так, что...
- Любишь ты все усложнять!
- Я просто хотела сказать... А, какой смысл, забудь.

Эрик часто так реагировал на ее высказывания, и урок, который она извлекла — хотя он впрямую ни разу об этом не сказал, — был следующим: он осуждал и считал эксцентричной Алисину озабоченность эмоциональной жизнью своих друзей, а также предполагал, что она выдумывает всякие ужасы там, где здоровый человек ничего подобного, естественно, не видит. И высказывать ей это свое суждение ему было вовсе не обязательно. Достаточно было несколько раз бесцеремонно отместить ее соображения как несущественные, и послание достигло цели.

Когда Алиса сообщила, что хочет в выходные перевезти к себе в комнату очередную партию книг, Эрик откликнулся на это вопросом: «А разве ты еще не все свои первоисточники перетаскала?» Ни слова не было произнесено о том, что она мнит себя чересчур образованной или слишком много читает, однако название «первоисточники», хотя это были дешевые книжки в мягких обложках, прозвучало как обвинение в претенциозности — подобной претенциозности тех, кто скупает старые издания показухи ради, а не для того, чтобы их читать.

Конечно же, Алиса не тратила времени на расшифровку этих (или других) нападок. Ее нежелание верить в то, что возлюбленный на нее нападает, не позволяло ей ответить: «У меня нет первоисточников, и ты это прекрасно знаешь, так что избавь меня от своего ревнивого сарказма. Я люблю книги, и если эта моя любовь вызывает у тебя какие-то вопросы, то давай сидем и спокойно все обсудим».

Вместо этого она вернулась домой опечаленная, даже не понимая из-за кого и из-за чего.

Но и без таких едких замечаний Алиса чувствовала, что ее существование рядом с Эриком ограничено темами, на которые хотел говорить он сам. Он с удовольствием обсуждал положение иены на мировых биржах или перспективы нового поколения двигателей БМВ, но замыкался в себе, если она пробовала заговорить на интересующие ее темы. Он не запрещал ей рассказывать ее истории — вместо этого он рассказывал свои, и становилось ясно, что ее истории никому не интересны.

И она забыла о том, какой может быть интересной в другом окружении, она просто решила, что стала ужасно скучной. И вместо того, чтобы, сидя с Эриком за ужином, думать о том, как хорошо было бы поболтать, будь у нее другой собеседник, она думала: *как ужасно, что мне нечего сказать*. Вот вам и доказательство того, что другие не просто влияют на то, что мы *можем* сказать, но и на наше *желание* говорить.

На следующей неделе Алиса встретила с Филипом за ленчем, и поскольку ее коллега Зандра только что объявила, что в июне они с ее бойфрендом собираются пожениться, разговор как-то сам собой выкрутил на тему брака.

— Я думаю, большинство людей вступают в брак, потому что боятся остаться в одиночестве, — говорила Алиса, и Филип подхватывал ее мысль, искусно препарировал ее и возвращал обратно.

Структурно разговор можно уподобить дереву — диалог может перескакивать с ветки на ветку в зависимости от желания говорящих — и веток этих может быть неограни-

ченное множество. В тот же вечер, ужиная с Эриком, все еще находящаяся под впечатлением Алиса во второй раз за день завела разговор о браке.

Мы можем сравнить два разговорных дерева — на левой половине страницы представлен разговор Алисы с Филипом, на правой — с Эриком.

ОНА: Я думаю, большинство людей вступают в брак, потому что боятся  
остаться в одиночестве.



ОН: (Филип): Моя приятельница Джилл на днях сказала мне то же самое: что  
она больше не может оставаться одна и поэтому выходит замуж, хотя ее же-  
них — далеко не лучший вариант. А для вас одиночество — это проблема?



ОНА: Вовсе нет. Я обнаружила, что могу нормально общаться с людьми только  
тогда, когда несколько часов до этого пробыла наедине с собой. И вообще мое  
самое продуктивное время — это когда я одна.



ОН: Но, по-моему, между понятиями «быть одной» и «быть одинокой» — большая разница.



ОНА: Вы правы. Порою я чувствую себя одинокой, но одновременно  
я чувствую рядом с собой множество людей: они переговариваются между со-  
бой в моем воображении, я думаю о том, кто мне что говорил, о том, что мы  
вместе с кем-то делали, и все такое прочее, — и поэтому у меня не возникает  
чувства оторванности, изолированности от людей.



ОН: Мне кажется, что если вам хорошо одной, то у вас есть выбор. Если вам  
захочется с кем-то поболтать, вам есть кому позвонить и к кому обратиться.



ОНА: Забавно, что вы это говорите, потому что в университете у меня была  
просто мания: я была жутко общительной, должна была встречаться с как можно  
большим количеством людей, потому что в глубине души боялась, что меня не  
принимают за свою. Я все время толкалась в университетском баре, потому что  
боялась, что останусь одна-одинешенька.



ОН: И что изменилось?



ОНА: Многое. Я начала работать. Следовательно, времени для общения стало  
меньше, зато у меня появилось несколько настоящих друзей. И я перестала  
волноваться по поводу того, что подумает обо мне клан. Поняла, что мир —  
огромный и совершенно не важно, где ты проведешь субботний вечер.

*13:31, ресторан на Дин-стрит, Лондон, W1*



ОН: Браки сейчас снова помолодели, как раз сегодня я читал об этом в газете.



ОНА: Ты полагаешь, что люди теперь больше боятся одиночества?



ОН: Нет, это сугубо экономический феномен: когда уровень дохода на душу населения падает, люди раньше вступают в брак, потому что жить вдвоем дешевле, чем в одиночку.



ОНА: Непонятно — как может экономика так влиять на человеческие чувства.



ОН: А вот в азиатских странах люди стали вступать в брак позже, чем в прошлые годы, потому что там растет валовой продукт. Кстати, я тебе говорил? Сегодня звонили из гаража. В конце концов выяснилось, что там какие-то незначительные проблемы с трансмиссией.



ОНА: О, это замечательно.

*20:07, Онслоу-сквер, Лондон, SW7*

Каким бы ни был простым пример с двумя разговорными деревьями, он демонстрирует нам двух разных Алис. Легкость, с которой Филип настроился на разговор о браке, общении и одиночестве, позволила Алисе высказать некоторые мысли, которые реакция Эрика на ту же ее первоначальную реплику высказать не позволила, и после разговора с Филипом она почувствовала себя другим, несколько более раскованным и приятным самой себе

человеком. Эрик никогда не запрещал ей говорить о том, каково это — чувствовать себя одинокой, когда у тебя в голове топчет и переговаривается множество народа, он просто перегораживал русло, по которому мог потечь такой разговор, и не давал ей раскрыть свой потенциал.

Так что ей понравилось больше — ленч или ужин?

Филипа на ужин на Онслоу-сквер не пригласили — он ужинал в скучной компании чиновников из немецкой фирмы грамзаписи в ресторане неподалеку от Бейкер-стрит. Но он точно знал, что именно — ленч или ужин — ему понравилось больше. В течение и этого, и следующего дня он все время вспоминал об Алисе. Это были абсолютно невинные мысли, мимолетные комментарии к запомнившемуся ему образу — вот она сидит напротив него в ресторане, она улыбается, потом лицо ее становится серьезным, почти грустным.

У Филипа был друг по имени Питер, с которым они часто проводили вечера в пабе, обсуждая основные составляющие человеческого счастья — работу и женщин. На следующей неделе он с удивлением обнаружил, что рассказывает Питеру об Алисе.

— Нас познакомила ее соседка по квартире, Сьюзи, — они знают друг друга сто лет. Алиса занимается маркетингом или чем-то в этом роде. Мы с ней ходили на антикварную ярмарку в Айлингтоне. Она замечательная.

— Чем замечательная?

— Трудно сказать... Н-не знаю.

— Она красивая?

— Не красавица, но очень привлекательная, особенная.

Но не красавица.

— Тебе с ней весело?

— Да, она забавная, но не из таких, которые все время хохмят.

— Значит, она живая, энергичная, у нее есть особый шарм, да?

— Странно, я никак не могу подобрать определение. Мне кажется, в ней есть глубина, что-то такое неопределимое. Вот, я понял — душа, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Душа? — переспросил Питер, явно ничего не поняв.

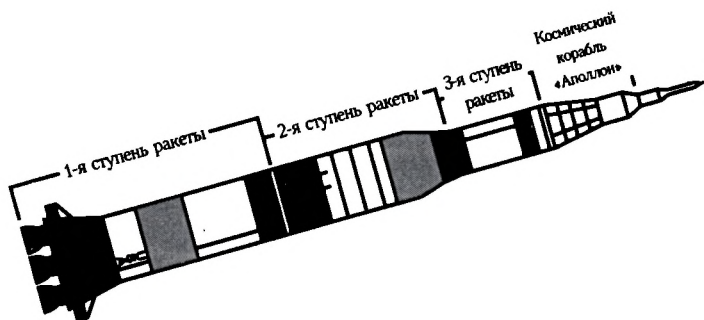
Когда французский философ-просветитель Ламетри (1709 — 1751) опубликовал в 1748 году свой труд «Человек-машина», образованная публика впала в ярость, потому что он с предельной жестокостью (не забудем, что те времена были еще достаточно благочестивыми) заявлял, будто человеческое существо, по сути, есть сложная машина, не что иное, как особым образом организованные клапаны, желобы, шестеренки, трубы и атомы, — и это роднит его с рептилиями, амебами и корабельными хронометрами.

«Человек — это машина, и во всей вселенной вряд ли найдется какая другая субстанция, устроенная иначе», — заявлял Ламетри, имея в виду, что эта субстанция представляет собою скромную материю. Сие соображение бросало вызов дуализму, почти безраздельно царившему еще со времен Платона и заверявшему, что все человеческие существа состоят из материи и из души. И никто не сомневался в том, что важнее: конечно же, душа, наделяющая человека жизнью и достоинством, без нее все мы были бы простыми механизмами, обреченными на вечную жизнь. (И не мерли бы от инфарктов акционеры на своих ежегодных собраниях.)

Но что же тогда это такое — душа? Она подобна космическому кораблю, находящемуся в головной части ракеты, доставившей в 1969 году первую лунную экспедицию. Космический корабль «Аполлон-11» был одной из составных частей гигантской ракеты: ее полная длина составляла



сто одиннадцать метров, но после завершения восьмидневной миссии космонавты вернулись на Землю в малюсеньком конусе длиною чуть более трех метров. Все остальное служило лишь средством, с помощью которого астронавты были доставлены на орбиту, а основной, придававшей смысл всему предприятию частью был миниатюрный модуль с астронавтами.



Подобным же образом теоретики души считают, что человек состоит из двух частей — большого, но в духовном смысле бесполезного тела, и маленькой, но невероятно тонко устроенной души. Тело — эквивалент той самой ракеты, оно предназначено лишь для того, чтобы передвигать душу в пространстве, а топливом для него служат цельнозерновой хлеб и двойные чизбургеры. И хотя тело само по себе порою выглядит впечатляюще (хотя практически никогда не достигает ста одиннадцати метров в длину), оно оказывается лишним по окончании земной миссии души. И после завершения длящейся несколько десятилетий жизненной экспедиции единственное, что остается, — это крохотный

космический кораблик души, невидимый даже под самым мощным микроскопом.

Большинство философов согласны с идеей, что человечество состоит из вечных душ и тел-ракет, но по вопросу о том, кто или что содержится в ценном космическом кораблике, между ними согласия нет. То, что содержится в корабле, конечно же, представляет собою самую важную часть человеческого существа, но из чего эта часть состоит?

Платон вышел на философское ристалище с заявлением, что самое главное — это разум и потому корабль — это *мышление*. Блаженный Августин, который настаивал на приоритете Бога, считал, что душа-кораблик принадлежит Господу и устремлен в Небеса, — этот образ на протяжении веков оставался популярным среди астрономов и дилетантов-мирян. В эпоху Просвещения влияние Господа стало слабеть, и вместе с этим стала меняться теологическая роль души. Если наиболее значимая часть личности — душа, но Господь уже не столь важен, то кому теперь посвящать эту самую душу?

Конечно, не все были убеждены в том, что душа-кораблик должна по-прежнему представлять отдельный интерес, и ученые и наиболее реалистично настроенные философы вроде Ламетри решили просто отставить этот вопрос и заняться материалистическими проблемами. Верными размышлениям о кораблике-душе и его содержанием остались лишь мистики да наивные поэты, которые быстренько пришли к выводу, что его населяют чувства.

И из безусловной принадлежности человеческого существа душа превратилось во что-то, что может быть больше или меньше — в зависимости от ее способности чувствовать. Грубого и невоспитанного человека, который ковы-

рывает в носу, храпит на оперных спектаклях и презирает поэзию, называют теперь бездушным — до такого упрощенчества в стародавние времена и додуматься не могли. «Бездушный человек» в современной трактовке — это человек, не воспринимающий искусство, литературу и музыку. Этим объясняется, почему драматург Джон Драйден (1631—1700) назвал Шекспира «человеком, у которого была самая большая и самая всеобъемлющая душа из всех современных, а возможно, и даже древних поэтов». Согласно Китсу, душа алкает своей пищи (уж конечно не двойных чизбургеров), а далее он — к удобству своему и своих издателей — написал: «Поэзия велика, но ненавязчива, она проникает прямо в душу...»

Любить кого-либо за его душу считается занятием куда более возвышенным, чем любить чье-то тело-ракету, — хотя и та и другая любовь могут привести к одним и тем же страстным стонам в спальне. Когда Мэрилин Монро (1926—1962) захотела продемонстрировать моральное банкротство киноиндустрии, она сформулировала постпросветенческое понимание души: «Голливуд — это место, где тебе платят тысячу долларов за поцелуй и пятьдесят центов — за душу».

Поэтому когда Филип сообщил Питеру, что у Алисы есть душа, он тем самым хотел сказать, что она способна на глубокие чувства. Но как мог он прийти к такому выводу после всего лишь нескольких встреч, во время которых они занимались отнюдь не слушанием музыки Равеля или чтением вслух «Прелюдии» Вордсворта?

Хотя чувство — субъективное переживание, некоторые считают, что душа может быть видимой, поскольку чувства

отражаются на лице, оставляют материальные следы. В «Клариссе» (написанной в 1747 г.) Ричардсон проинформировал нас о том, что глаза его героини «были полны души». На протяжении веков поэты называли глаза окнами души. Но что, Ричардсон вас побери, это такое — полные души глаза?

Изображения одухотворенных лиц практически исчезли из западного искусства: сейчас превалируют изображения лиц улыбающихся, похотливых или недовольных, с надутыми, как коллагеном, губками. Однако на некоторых изображениях мадонны, написанных на заре современной Европы, мы можем найти поистине одухотворенные лица. Достаточно пройти по Лондонской национальной галерее, и вы обнаружите «Читающую Магдалину» ван дер Вейдена (написана в 1430-х годах): в глазах Марии Магдалины виден намек на неизбывную печаль, она кажется отстраненной от книги, которую читает, заблудившейся в преисподней своей души. Можно также вспомнить «Мадонну с младенцем» Боттичелли (работал с 1475 по 1519 гг.): на полотне мы видим Деву Марию, которая воодушевлена теми же материями, что воодушевляли Баха на сочинение его арии или Перголези на создание «Stabat Mater».

— Слушай, Филип, ну и дальше что? Ты собираешься затащить эту Деву Марию в койку? — влез грубый материалист Питер.

— Не болтай глупостей! — ответил Филип. — Я же не сказал, что она Дева Мария, я просто сказал, что у нее такое выражение лица, которое напомнило мне всех этих Дев Марий на картинах.

— Все равно не понимаю! — огорчился Питер.

— Чего не понимаешь?

— С тех пор как ты прекратил встречаться с самой красивой девушкой Западного полушария, ты стал каким-то загадочным.

Питер намекал на бывшую подружку Филипа Кэтрин, с которой тот встречался несколько месяцев. Кэтрин была высокой блондинкой с великолепно вылепленным лицом и телом. В прошлом она подрабатывала моделью и, в принципе, не возражала, когда ее называли почти идеальным образчиком красоты. Но она была не просто красавицей — в свои двадцать семь она уже стала врачом, сдала на «отлично» все экзамены и начала публиковаться в научных журналах. Характер у нее тоже был безупречным: она ни о ком дурного слова не сказала, поддерживала отношения со своими друзьями и писала очаровательные благодарственные письма в ответ на все поступавшие ей приглашения. Так почему же у Филипа осталось ощущение, что у Кэтрин нет души?

Это впечатление, наверное, складывалось потому, что она, как и Ламетри, не стеснялась *констатировать факты*, — таковая привычка часто бывает побочным продуктом медицинского образования: она не жеманничала и без обиняков говорила обо всех базовых составляющих жизни и смерти. В отличие от собранной, лаконичной и очень уж «правильной» Кэтрин, Алиса говорила *поэтическим языком* — это не значит, что она изъяснялась рифмованными строфами, но в ее речи звучали ассоциации и намеки, характерные для поэзии и не характерные для суровой прозы.

Алиса могла рассказать о том, как в детстве ездила на рыбалку — о вполне прозаическом событии, но в ее передаче оно было полно такой поэзии, как будто речь шла не о рыбалке, лодочном такелаже и деревянной хижине где-то

в Норвегии, а об удивительном сказочном приключении. Она не ограничивалась строгой констатацией событий, способной быстро охладить интерес Филипа, — в ее повествовании присутствовала какая-то непостижимая тоска, тайна, разжигающая желание.

Несколько дней назад она пригласила Филипа на дринк с одним из ее перспективных клиентов: клиент рассказывал о своем бизнесе («Мы закупаем в Норвегии выхлопные трубы, вставляем в них новые конвертеры, а затем заново продаем их Европейскому Союзу...»). Алиса кивала, вставляла в нужных местах «понимаю» и «как интересно...», и при этом Филипу казалось, что она находится где-то на другой планете, — так бы и улетел туда, если бы смог отыскать соответствующий «Аполлон».

Но как бы невинно все это ни звучало, в энтузиазме Филипа по поводу Алисиной души имелась и своя темная сторона.

Во времена Романтизма душу стали отождествлять с чувством, но вскоре чувство стало ассоциироваться с чувством боли, а не удовольствия. Острое восприятие редко позволяет нам ощущать счастье, чувство, подобное тому, с каким мы напеваем, принимая душ или копаясь в саду, — наличие души указывает на уязвимость, восприимчивость к страданию.

Ведь не случайно музыка «соул», которую сделал популярной Рэй Чарлз и которая достигла своей кульминации в творчестве Ареты Фрэнклин («первой леди "соула"»), была преимущественно музыкой черных. Еще со времен блюза считалось, что у черных куда больше души, чем у белых: века угнетения, невольничьих кораблей и хлопковых полей способствовали тому, что они лучше понимали и соответ-

ственно выражали страдания и чувства, чем не испытывавшие аналогичных тягот белые.

Связь между угнетением черных и музыкой соул представляет собою одну из составляющих более широкого романтического допущения, будто художник (то есть тот, кто чувствует) — существо страдающее и его творчество — это результат длинной цепи пыток и мук. Американский философ Джордж Сантаяна (1863—1952) предположил, что для своего развития душа должна пройти инициацию болью: «Душа тоже обладает девственностью, и прежде, чем она начнет плодоносить, она должна истечь кровью». Сирил Конноли заметил, что он хотел бы быть Бодлером или Рембо, но без страданий, которые он считал обязательным условием (а не препятствиями, которые они героически преодолевали) их творческой продуктивности. Это предполагает, что художник творит не вопреки страданиям, но благодаря им.

Так разве не должна была любовь Филипа к душе таить в себе и любовь к печали, этому самому классическому из лирических возбудителей чувственности?

Но может ли печаль быть привлекательной? Еще как может. Весело смеющаяся в компании женщина не нуждается в чем-либо внимании, ей и так хорошо, и потенциальный соблазнитель высматривает ту, которая сидит себе одна-одинешенька, уныло уткнувшись в свою чашку кофе. Он надеется, что ей знакомы горести и печали и поэтому она откликнется на его горести и печали. И, глядя на нее из укромного уголка, он думает: испытываемая ею боль заставит ее захотеть понять мою боль.

Счастье самодостаточно, несчастье просит об участии. Любовник, который нуждается, чтобы в нем нуждались,

может предпочесть вид несчастный виду счастливому в надежде избежать в партнере независимости, невосприимчивости к чужому страданию, что выдается веселостью. Следовательно, стремление к несчастеньким говорит о стремлении избежать соревнования с выраженной самодостаточностью.

— Все, теперь я понял! — объявил Питер. — Это комплекс спасителя. Есть женщина, страдающая в руках своего бойфренда, и тут появляешься ты на белом коне и спасаешь ее. Ты просто больной, один из тех уродов, которые кайфуют от чужих несчастий. Я видел такие парочки, в которых женщина несчастна, а мужчина именно за это ее и любит. И знаешь, что происходит? Все становится еще ужаснее: женщина становится все несчастнее и несчастнее — он ее до этого доводит, потому что он счастлив видеть ее несчастной.

— Я тоже таких людей знаю, но, поверь, здесь другой случай. Я вовсе не собираюсь ее спасать, уверен, она будет в шоке, узнав, что ее вообще нужно спасать. Она невероятно независима, и если к ней заявится спаситель, она просто отгрызет ему башку и объявит: «Послушай, спасибо большое, но я и сама могу все это сделать». Я просто хотел тебе сказать, что она мне понравилась только потому, что она выглядит как женщина с душой, и поэтому кажется мне более интересной, чем другие.

— А я просто хотел предупредить тебя, чтобы ты был поосторожнее, когда намереваешься соблазнить кого-то, кто выглядит как с картины ван дер Вейдена.

— Подожди минуточку! Да, я сказал, что она замечательная, но я вовсе не собираюсь ее соблазнять.



— Да неужели? Ты тут целых полчаса распинался по поводу этой девицы, а теперь заявляешь, что намерения у тебя самые невинные и дружеские? Прости, не верю.

— У нее есть парень, а ты знаешь, как я отношусь к таким ситуациям. Я никогда не связываюсь с женщинами, у которых есть кто-то другой, все это слишком запутанно, а жизнь слишком коротка. Она более или менее счастлива со своим бойфрендом, а я рад быть ей просто другом, болтать с ней, и все такое. Она умный, душевный друг, и только такими и могут быть наши отношения.

## УРОВНИ ИСТИНЫ

Мы живем, не особенно задумываясь о собственных моральных ценностях; отсутствие дилемм такого рода освобождает от ответственности выбора. Но каковы они, эти ценности, если отрешиться от сложного и окультуренного комплекса вины, навязываемого литературными страницами толстых газет? Есть ли у нас определенная позиция по этому вопросу, за исключением тех случаев, когда нас просят составить воображаемый «ценностный багаж» для проживания на воображаемом же необитаемом острове? Что ценнее — сила или правда? Покуда человеку не приходится выбирать, он и знать об этом не знает и знать не желает (неудивительно, что Фауст по-прежнему заставляет нас извиваться в своем кресле и искать положения поудобнее).

Прямой выбор нас пугает, он не позволяет нам делать то, что мы умеем делать лучше всего: верить в дюжину противоречащих одна другой и потому обольстительных истин. И что, если ты всю жизнь талдычил о любви к высокой литературе, а взял с собой на необитаемый остров только дешевенький роман в мягкой обложке, который случайно купил в аэропорту? А каково приходится человеку, который всю жизнь считал себя неподкупным, а потом вдруг обнаружил, что взятка в десять миллионов лично ему очень даже может оживить загнивающую экономику страны, о которой он печется?

Что чувствовала Алиса по отношению к Филипу? *О, спасибо, он действительно очень милый. Такой дружелюбный, он работает звукоинженером на фирме, выпус-*

*кающей записи классической музыки. Недавно он записывал концерт Мидори в Берлине, там, кажется, исполнял-ся Бах. Вы уверены, что не хотите чая? Мы с ним ходили на ярмарку антиквариата и очень мило поболтали. Вы спрашиваете меня с какой-то определенной целью или просто так?*

По Фрейду, человек, вопреки обилию нерешенных конфликтов и непониманию себя, все равно движется к самопознанию и решениям. В соответствии с этими воззрениями сны и случайные оговорки трактуются как путанные, но чрезвычайно логичные попытки невыраженного и необъясненного найти свое выражение и объяснение. Генералу, который считает себя гетеросексуальнее всех гетеросексуалов, видится во сне, как он обнимает голубоглазого лейтенантика, которого видел в бильярдной офицерского клуба, — и это дает толчок дремавшей в нем гомосексуальности. Человек, втайне возжелавший жену друга своего, в дружеской беседе совершает оговорку, и только потом понимает, что же он ляпнул: «Как жена, Билл? То есть я имел в виду, как жизнь, Билл?»

Но после встречи с Филипом в снах Алисы не отмечалось ярко выраженных отклонений. В одном из снов она летела в самолете, потерпевшем крушение в горах. Еще ей снилось, что как будто ей пять лет и она волнуется, предвкушая поездку в Ла-Рошель, к морю. Ей также снилось, что она участвует в школьной постановке «Елены Прекрасной» — вот она выходит на сцену, но изо рта у нее вылетают не слова, а мыльные пузыри. Все это было обычной мешаниной из тревог и фантазий, и все свои сны она могла потом спокойно пересказать Эрику. Не было у нее и характерных провалов памяти или оговорок. Да, она забыла,

как звали того неприятного бухгалтера из конкурирующей фирмы, которому она должна была позвонить, но имя Шривангажури, согласитесь, запомнить непросто. Да, она как-то назвала коллегу Люси именем своей соседки по квартире — Сьюзи, но вряд ли стоит делать из этой оговорки далеко идущие выводы. Но несмотря на отсутствие классических признаков, Алиса все-таки обнаружила себя — посредством *синдрома автоответчика*.

Фрейд скончался в 1939 году, и в те времена телефон был еще примитивным и не таким распространенным средством общения. Связь осуществлялась через оператора, линии были постоянно заняты, а международные переговоры чрезвычайно дороги. Более того, если кто-то кому-то звонил, а дома никого не оказывалось, то тот, кому звонили, ничего о звонке не знал — кроме разве тех домов, где могли позволить себе держать дворецкого. Звук тогда записывали в основном на восковые диски, а, согласитесь, автоответчик с восковым диском — это чистейшей воды нонсенс, потому что получилось бы крайне громоздкое сооружение. И до того, как в 70-е годы XX века изобрели кассетные магнитофоны, у звонившего не было никакой возможности оставить сообщение, ежели потенциальный собеседник отлучился на ленч. Развитие и распространение кассетников побудило изготавливавшие электронное оборудование фирмы создать *автоответчик* — коробочку, которая подсоединяется к телефонному аппарату и включается в ответ на поступивший звонок. В результате чего автоответчик стал чем-то вроде звукового почтового ящика. И пока автоответчики не стали встраивать в сам телефонный аппарат (это произошло в середине 80-х годов), они представляли собой четырехугольные коробочки с двумя кассетами: на одной

записывались исходящие звонки, на другой — входящие, с набором клавиш («воспроизведение», «прослушивание» и «запись») и маленьким жидкокристаллическим экраном, на котором регистрировалось количество поступивших звонков.



Лишь случайное несовпадение во времени не позволило Фрейду исследовать огромное психологическое значение этого устройства, потому что автоответчик (и в этом он ничем не отличается от сновидений) прокладывает широченную дорогу к подсознанию. Машина сконструирована так, что ее владелец сначала должен узнать, что в его отсутствие ему звонили (о количестве звонков говорит экран), а уж потом — кто именно звонил. И очень важно, что между волнующей новостью, что тебе позвонили, и волнением, вызванным узнаванием того, кто тебе позвонил, проходит определенное время. Этот временной промежуток дает простор для фантазии: ты еще не знаешь, кто звонил, но перед твоим мысленным взором возникает образ того, от кого ты мечтал бы получить звонок. Владелец автоответчика часто и не подозревает о том, что он возлагает на кого-то определенные надежды, потому что признаться себе в этих надеждах — значит подвергнуть себя опасности столкнуться с их несбыточностью. И вот возвращается такой

владелец автоответчика домой после дружеской пирушки, смотрит на экран, а там ярко светится многообещающая цифра «4». Тут-то *синдром автоответчика* и выдает тайные помыслы владельца умной коробочки, который лихо-радочно тычет в соответствующие клавиши в надежде, что наконец-то позвонили она или он.

В этом контексте нам и следует рассматривать новость о том, что Алиса интерпретировала появившиеся на дисплее своего автоответчика цифры как знак того, что Филип звонил ей в ее отсутствие. Это было ортодоксальным исполнением желания — в том смысле, в котором трактуют его Лапланш и Понталис: «Психологическая редакция, при которой желание воображается желанием исполненным»<sup>\*</sup>.

У этого желания имелись вполне резонные основания: в конце концов, Филип знал все номера ее телефонов, а после ленча на Дин-стрит пообещал позвонить на следующей неделе — они могли бы сходить в кино или на новую выставку в Королевской академии. Так что неудивительно, что, когда Алиса вернулась домой и увидела на автоответчике цифру «3», она тут же вообразила, что все три звонка — от Филипа, хотя при прослушивании оказалось, что ей звонили мать, водопроводчик и бухгалтер из ее банка. И вполне простительно, что, когда на следующий день дисплей выдал цифру «5», она решила, что хотя бы один звонок — точно от Филипа. Но и эти пять звонков оказались сплошным разочарованием. (Хотя странно, что она была разочарована: разве она не любила Эрика, разве ей не хватало друзей, разве не была она по горло занята

\* Дж.Лапланш, Дж.Понталис. Язык психоанализа, «Карнак букс», 1988.

на работе и разве они не встречались с Филипом всего несколько дней назад?)

На следующей неделе Эрик собирался устроить у себя дома вечеринку и предложил Алисе внести в список гостей нескольких ее личных знакомых. По сему случаю она купила элегантное черное платье и, делая макияж перед зеркалом в Эриковой ванной, напевала мелодию заставки к телепрограмме о дикой природе. Все это свидетельствовало о состоянии приятного возбуждения.

В самый разгар вечеринки раздался звонок, и Алиса сняла трубку с расположенного на кухне аппарата. Это был Филип — он извинялся за опоздание, ему вообще вряд ли удастся прийти: застрял в Кембридже на записи концерта в Королевском колледже, который явно затягивается. Мало того, завтра он на целых три недели улетает в Кельн, так что им не удастся сходить ни в кино, ни на выставку. Но он непременно позвонит ей по возвращении.

Когда Алиса вернулась в комнату, гости обсуждали трудовую этику Соединенного Королевства. Слово взял высокий бородатый журналист:

— Мне кажется, что представления о том, что все британцы — ненадежные работники, так же устарели, как представления о том, что все мы — выпускники Итона и говорим с пижонским акцентом. Британия занимает одно из первых в Европе мест по уровню производительности труда. У нас реже, чем в других странах, случаются забастовки, у нас высокоразвитая и эффективная система коммуникаций. Британские компании обычно поставляют свои товары вовремя, по справедливой цене и в необходимом количестве.

Другие гости уже слишком утомились, чтобы соглашаться или спорить с выступавшим, и разговор мог бы зачахнуть, но тут ни с того ни с сего в него вклинилась Алиса.

— Чушь собачья! Мы повсюду сталкиваемся с неэффективностью. Куда ни сунься, видишь: контракты не выполняются, люди нарушают свои обещания. Я только вчера читала о какой-то компании, которая на сутки опоздала с контрактом, и в результате сделка в три четверти миллиона фунтов уплыла к американцам.

Яростная Алисина атака на британскую неэффективность поразила всех гостей — они-то полагали, что вопрос либо не имеет никакого отношения к теме вечеринки, либо скучен до неприличия. Некоторые из них, еще не потерявшие способности трезво мыслить, решили, что хозяйка слишком взволнована из-за каких-то своих производственных дел, а потому безопаснее будет переключиться на нейтральную тему, — и принялись резво обсуждать запланированную на выходные прогулку на яхтах в Корнуолле.

Алиса взбесилась из-за Филипа — хотя, минуточку, как она могла взбеситься из-за Филипа, если он ей совершенно безразличен? Ну конечно же, ее разозлил этот журналист, верящий в британскую эффективность, в то время как она ежедневно сталкивается с британской неэффективностью. А поскольку бородатый гость был настроен воинственно, что ж удивительного, что и она решила подискутировать по вопросу, который, как она сама только что с удивлением обнаружила, ее так сильно волновал?

Это ее выступление было результатом компромисса между противоборствующими стремлениями. С одной стороны, ей надо было как-то выплеснуть гнев, поскольку она чувствовала себя отвергнутой Филипом, с другой —



внутренний цензор не позволял этому гневу выплеснуться, потому что тогда стали бы понятны ее чувства к Филипу. Вот и был достигнут консенсус — одна часть ее сознания сказала другой: «Я позволю тебе разозлиться только в том случае, если ты не поймешь, почему злишься, — злишься, но не сознавай, из-за чего». Насколько проще было сказать, что она возмущена британской неэффективностью, чем объявить, что она возмущена неэффективностью одного конкретного бритта, который ей нравится, хотя она по уши влюблена в другого бритта.

В разгар дискуссии с бородатым журналистом Эрик обнял ее и спросил, нравится ли ей вечеринка.

— Все прекрасно, люди собрались действительно интересные.

— А кто это звонил?

— Звонил? Когда?

— Недавно.

— А, никто, Филип звонил. Сказал, что не сможет прийти.

— Жаль, я хотел с ним познакомиться. Ты, наверное, разочарована.

— Разочарована? С чего бы это?

— Ну, не знаю, ты же его пригласила.

— Да мне все равно. Это его проблема, не моя. Но меня злит, когда люди на что-то соглашаются, а потом этого не делают.

И на том обсуждение данного вопроса — принявшего респектабельно-административный, а не постыдно-эмоциональный характер, — закончилось.

Отличительной чертой самообмана является неспособность индивида согласовать два взаимоисключающих убеж-

дения. Философски рассуждая, это предполагает ситуацию, когда индивид ведет себя определенным образом (назовем это «манерой Х») только потому, что изначально, но втайне он верит в нечто, противоположное Х (то есть Х становится возможным благодаря не-Х). Классический пример — толстяк, который предпочитает думать о себе как о человеке стройном, лжет себе, говоря, что он строен, и ради этого, подходя к зеркалу, втягивает живот. Зеркало не отражает всего безобразия его пивного брюха, однако он втягивает его именно потому, что изначально и втайне признает существование и размеры вышеупомянутого брюха. Этот человек не смог бы считать себя худым, если бы не знал, что он толстый (и, следовательно, намеренно задерживает дыхание, чтобы скрыть неприятный факт).

И хотя у Алисы не было пивного брюха, она также совершала аналогичные маневры, потому что предпосылкой для ее внешнего спокойствия по поводу отсутствия Филипа были изначальные, но неприемлемые для нее обида и раздражение. Она менее чем обычно беспокоилась из-за присутствия или отсутствия Филипа, потому что на определенном уровне она все-таки сознавала, что беспокоится из-за этого больше чем обычно (классический случай того, как соображение Х становится возможным только благодаря существованию не-Х).

Но как один и тот же человек может и производить, и принимать неправду? В случае Алисы ответ предполагает присутствие пресловутого словосочетания «*на одном уровне*». Любила ли Алиса Эрика? Безусловно, да — на одном уровне. Каким было ее чувство к Филипу? Наверное, самым теплым, — на одном уровне. Понимала ли она все это? Может быть — на одном уровне.

Ее разум можно сравнить с лифтовой шахтой, имеющей выходы на многие этажи, при этом то, что находится на одном этаже, не обязательно контактирует с тем, что находится на другом. На каждом уровне могут происходить совершенно несовместимые события, и лифт просто открывается на разных этажах, не соблюдая при этом никакой определенной последовательности.



Так что этот вечер был полон парадоксов: на одном уровне, Алису расстроил тот факт, что Филип не пришел, но, на другом уровне, она слишком расстроилась, чтобы себе самой в этом признаться. В этот вечер она любила Эрика не так сильно, как обычно, но после того, как гости разошлись, была в постели более страстной, чем обычно, тем самым не давая себе возможности признаться в том, что ее

любовь к нему начала остывать, что — на одном уровне — она уже сознавала. Именно поэтому она с такой страстью занималась с ним любовью.

Как жаль, что на каждом этаже толчется столько народу...

## ВОПРОСЫ

Филип не отрицал, что ему нравится Алиса, но с самого начала он спокойно, но твердо отказался иметь дело с женщиной, у которой есть кто-то другой.

Через несколько недель после его возвращения из Германии они начали встречаться довольно часто. Происходило это во время обеденных перерывов, потому что их офисы располагались неподалеку друг от друга, и эти встречи были географически разумны.

— Как прошел уикенд? — осведомился как-то раз Филип.

— О, это не важно. А ты все-таки съездил в Корнуолл или остался в городе?

— Я первый спросил.

— Ну, уикенд как уикенд... Мы уже сделали заказ? Сегодня мне хочется авокадо, я почему-то с утра мечтаю об авокадо.

— Ты это нарочно?

— Что?

— Уходишь от разговора?

— Вовсе нет. Я просто не знаю, что сказать. Ну, это был не самый удачный уикенд. Эрик снова был в своем «не разговаривай со мной, я не настроен на общение» настроении, что обидно, потому что он сам попросил меня остаться с ним в Лондоне, а не ездить со Сьюзи. Когда у него такое настроение, он демонстративно меня игнорирует, как будто я совершила нечто ужасное, а когда я спрашиваю, в чем дело, взрывается и орет, чтобы я его не дергала. Вчера я ходила в кондитерскую, я знаю, что он любит

чизкейк, вот я и купила ему кусок. Но когда я поставила ему на письменный стол тарелку, он на нее даже не взглянул. Потом я снова выходила, а когда пришла, он куда-то ушел, а пирог так и стоит... Ладно, все это довольно печально и тебе совершенно не интересно. Я, правда, проголодалась. Можем мы наконец сделать заказ?

Какой бы постыдной и болезненной ни была безответная любовь, наша культура учит нас относиться к ней по-доброму. Общество, как правило нетерпимое к провалам в профессиональной сфере, тем не менее испытывает определенное уважение к бедам в сфере эмоциональной. Великие литературные разочарованные (Бовари, юный Вертер) вызывают восхищение читающей публики — ведь они так великодушны по отношению к холодным, неподходящим или попросту жестоким объектам своих привязанностей. И, испытывая к Алисе жалость, Филип следовал по давно протоптанной обществом дорожке. Вот печальный пример женщины, любящей мужчину, не способного ответить на любовь, которой его наградили. Эрик — злобный монстр, Алиса — та, кто приносит ему пироги, а поскольку у нее были безусловно красивые глаза и условно одухотворенное лицо, Филип преисполнился к несчастной деве сочувствием.

— Не позволяй ему переступить через себя: это самое ужасное, что может быть. Он не будет уважать тебя, если ты будешь перед ним стелиться.

— Но как мне поступить?

— Просто будь с ним пожестче. Ну, знаешь, если он демонстрирует дурное настроение, продемонстрируй еще более дурное, а не жди покорно его благосклонности. Он ведет себя так только потому, что знает: ему все сойдет с рук.

И таких уроков было немало: Алиса послушно рассказывала о том, что сделал Эрик, а Филип давал советы по ответным мерам.

Эти занятия выглядели невинными, однако вызывали непростые вопросы. Почему Алиса жаловалась на своего возлюбленного? Если она на него жаловалась, значит, дела у них шли не очень хорошо, а если дела у них шли не очень хорошо, значит, вполне возможно, она хотела бы найти кого-то, с кем бы дела пошли лучше. В таком случае, какова во всей этой истории роль Филипа? Почему именно он был выбран на роль друга/психотерапевта, выслушивающего скорбные повествования? Случилось так, потому что он был хорошим слушателем или же пациент подсознательно пытался превратить их отношения в нечто большее, чем дружба? Были ли жалобы Алисы на Эрика подсознательным намеком на то, что она не против более пристального внимания со стороны Филипа, или эти обеденные дискуссии представляли собою всего лишь невинные попытки Алисы снять напряжение, возникающее даже в самых счастливых союзах?

В любом случае, Филипу следовало ступать с осторожностью, потому как тропа сочувствия завела его на минное поле.

— Эрик так негативно относится к моим вкусам! Вот, например, когда я выбираю, на какой фильм пойти, он всегда отказывается от моих предложений, и мне кажется, именно потому, что это я выбрала фильм.

— Гм-м-м.

— А ты что по этому поводу думаешь?

— Ну, может, он просто не любит Бергмана.

— Нет, не в этом дело, я думаю, он использует Бергмана, чтобы сделать определенные акценты.

- И какие, например?
- Чтобы подчеркнуть, что он меня не уважает.
- Кажется, ты еще никогда такого не говорила.
- Что ты имеешь в виду?
- Я имею в виду: ты только сейчас заметила, что между вами существуют трения?
- Нет. А почему ты об этом спросил?
- Не знаю, у меня возникло такое впечатление.
- Правда?
- Да.

Они молчали, пока официантка подавала им салат из помидоров с моцареллой.

— Знаешь, с Эриком не всегда просто, — сказала Алиса, решительно отбрасывая волосы со лба. — Но мы оба знаем, что любим друг друга, что мы преданы друг другу. Он дал мне то, чего не давал ни один мужчина до него. И я его за это уважаю.

Почему ж в таком случае Алиса большую часть времени намекала на прямо противоположное и кинулась на защиту их отношений, только когда Филипп предпринял лобовую атаку? Почему вдруг за списком обид последовала песнь любви?

Каким бы ни был ответ на эти мучительные вопросы, они имели один любопытный побочный эффект: они превращали в посмешище благое намерение Филиппа не связываться с женщиной, которая связана с другим мужчиной. На сознательном уровне он пытался противиться Алисиным чарам — он не хотел никаких сложностей, однако на подсознательном уровне ситуация — как раз из-за бесконечных внутренних запретов — становилась все опаснее и опаснее.



Эрик на несколько дней улетел в командировку в Афины, и Алиса позвонила Филипу и спросила, не хочет ли он сходить с ней на фильм, который порекомендовали ей друзья.

— Не понимаю, почему он все время мне звонит, — заявила она Сьюзи перед выходом из дома.

— А почему бы ему не звонить?

— Да нет, просто я надеюсь, что у него не возникнет никаких неправильных мыслей.

— Каких таких неправильных мыслей?

— Ну, что «мы не только друзья».

— А что неправильного в мысли «мы не только друзья»?

— Ой, не валяй дурака.

Кинотеатр находился в нескольких шагах от дома Филипа, и после кино Алиса заявила, что должна воспользоваться возможностью и посмотреть наконец, как он живет.

Они сидели рядом на большом зеленом диване и разговаривали о том, о чем обычно люди в середине недели не разговаривают — о политике, кулинарии, родителях, болезнях. Они даже заспорили, какая река считается самой длинной в мире, и, чтобы разрешить спор, залезли в большой географический атлас (при этом колени их слегка соприкасались).

— Я думаю, это Миссисипи, — сказала Алиса.

— Ничего подобного, все знают, что это Амазонка.

— Амазонка, скорее, самая широкая река, но никак не самая длинная.

— Загляни в конец, там все написано.

— Ага, вот эти страницы. Так, население, площадь озер, высота гор, океаны, моря, вот! Реки! Ой, ужас какой, мы оба ошибались.

— Что, Янцзы?

— Нет, Нил.

— Господи, ну конечно же Нил, это очевидно. Как я мог забыть?

— Слишком уж очевидно.

— И какой он длины?

— Шесть тысяч шестьсот девяносто километров, на сто двадцать километров длиннее Амазонки.

— Что ж, я был почти прав.

— В этой игре нет правых и виноватых, мой друг, ты не дошел до финиша на целых сто двадцать километров.

По завершению речных изысканий Алиса откашлялась, нервно взглянула на часы, вздохнула и произнесла фразу, состоящую из следующих слов:

— *Я устала.*

Семантический контекст такой фразы обычно вызывает у слушателя неловкость. В большинстве языков словосочетание «Я устала» означает биологическую предрасположенность завернуться в мягкое одеяло и на несколько часов отключить сознание.

Но в зависимости от места и времени действия, а также от того, кто произносит данное словосочетание, спектр его значений расширяется до такой степени, что может поспорничать с другими, более экспрессивными средствами языка.

Эти слова в устах Алисы могли означать следующее:

1. Они могли служить сигналом нетерпения: «Слушай, Филип, неужели ты не понимаешь, что я понимаю, что происходит? Неужели ты действительно полагаешь, будто мне интересно сидеть здесь всю ночь и обсуждать длину рек? Сделай же что-нибудь. Кое-кому из нас надо уже в девять утра быть на рабочем месте».
2. Они могли намекать Филипу на то, что, несмотря на сидение рядом с ним на диване и случайные соприкосновения коленями, у нее нет желания переходить пределы.
3. Следующий вариант: таким способом она поднимала вопрос о своем уходе, чтобы подсказать Филипу, что он не должен ее отпускать.
4. И последний, в этих обстоятельствах самый невероятный вариант: эти слова могли означать, что Алиса действительно устала.

После длительных усилий расшифровать это сложное словосочетание Филип пришел к интерпретации, оптимистически сочетающей пункты первый и третий. Этим объясняется внезапное путешествие его правой руки к раскрытой ладони Алисы, линии которой принялась эта самая рука поглаживать. Ладонь не сопротивлялась. Этим объясняется и последовавшее вскоре движение его торса по направлению к ней, переориентация оно́го в пространстве, позволившая его рту отыскать ее рот и охватить им ее губы, что вызвало безошибочно сочувственный и даже полный энтузиазма отклик.

— Послушай, Филип, это невозможно, мы сошли с ума! — запротестовала Алиса несколькими мгновениями позже, причем мгновения оказались достаточно продол-

жительными, чтобы предположить: она сомневается в собственной правоте.

После чего добавила таким тоном, как будто сообщала большую для них обоих новость:

— Ты не можешь ожидать от меня этого, у меня есть другой.

Существует классическая салонная игра под названием «Переложи вину». Для нее требуются два участника, табу или риск и возможность обвинения и контробвинения. Цель игры: создать такую ситуацию, чтобы партнер ответил за проступок, совершенный обоими и по обоюдному желанию.

Предположим, что определенное деяние состоит из четырех этапов, однако оно не может быть определено как деяние, пока не сделан этот самый четвертый шаг. Один игрок может сделать от одного до трех шагов, однако персонай, в конечном счете ответственной за все деяние (то есть персонай, на которую и будет возложена вина), становится второй игрок, потому что четвертый шаг совершает именно он. И опытный игрок инициирует первые три шага, а потом отходит в сторонку и наблюдает, как его партнер-простачок делает роковой последний шаг. Таким образом опытный игрок достигает желаемого обоими результата, однако вся вина падает на простака.

Представьте, что Алиса вовсе не чувствовала себя уставшей, но поцелуй Филипа, на который она ответила, вызвал у нее острейшее чувство вины перед Эриком. Так разве это не блестящая идея — ответить на поцелуй, а потом объявить, что инициатором его был не ты? И верно: не ее же губы отыскивали другие губы, она всего лишь сидела на диване и вздыхала по поводу своей безмерной усталости.

Но не в характере Филипа было нести бремя не своей вины, и поэтому он ответил:

— О, пожалуйста, не строй из себя святую невинность. Мы оба давно этого хотим. Я согласен: проблема есть, но это наша общая проблема.

И, произнеся это наставление, он снова привлек Алису к себе.

— Филип, все не так. Прости. То, что сегодня произошло, не должно было случиться, и я не понимаю, как допустила это. У меня есть ответственность перед Эриком, я не могу об этом забыть.

— Ты говоришь так, будто он никогда тебя не подводил.

— Я не думаю, что он меня когда-нибудь подводил.

— Тогда почему ты так долго жаловалась мне на него?

— Ты несправедлив.

— Ты понимаешь, кто ты такая?

— Это ты не понимаешь. Я люблю Эрика.

— Что ж, извини, что у меня сложилось несколько иное представление, это целиком моя вина. Но позволь мне, Алиса, кое-что тебе сообщить: в будущем я буду безмерно благодарен, если ты выберешь для своего нытья и лицемерия кого-то другого.

— Прости, что побеспокоила.

После этого целующиеся стороны холодно распрощались, а Алиса попыталась заглушить свою не самую чистую совесть размышлениями о банальности произошедшего: так всегда бывает, когда кто-то из друзей по глупости и близорукости путает дружбу с любовью.

## ЧАСТНЫЕ ЯЗЫКИ

Фиаско, которое Алиса потерпела с Филипом, заставило ее с новой любовью вспоминать о человеке, из-за которого и произошло фиаско.

Когда Эрик вернулся из Афин, она обняла его так горячо, что у него могли бы возникнуть некоторые подозрения, не обладай он очаровательно-наивной (хотя и не лишенной некоторого тщеславия) уверенностью, что если кто и заслуживает горячих объятий, так только он.

Алиса без усталости репетировала предстоящие объяснения с Эриком — она делала это в ванной, по дороге на работу, в постели, перед тем как заснуть. Целью этих объяснений было расчистить возникшие между ними недопонимания и превратить их отношения в образец современной открытости и взаимопонимания. Начать Алиса планировала так: «Я хочу чувствовать, что могу быть с тобой полностью откровенной...» После этого она со всей присущей ей мудростью очертила бы области, в которых существовало напряжение, сочетая критику с заверениями в бесконечной любви, и все это время от времени прерывалось бы знакомым: «Ты знаешь, что я говорю это только потому, что...»

Она планировала произнести свою речь вечером, после работы. Эрик пришел бы домой, поставил свой портфель, прошел на кухню, чтобы выпить воды. Потом он сел бы рядом с нею на диван, и она негромко, но убедительно произнесла бы: «Эрик, нам надо с тобой кое о чем поговорить...» Она рисовала себе, как он удивится, как откликнется на ее прежде никогда не высказывавшиеся чувства.

Она изложит соображения так, как излагает суть дела адвокат на процессе, и когда завершит свою речь, взоры всех присутствующих в зале суда будут прикованы к ней.

Витгенштейн отрицал возможность существования частного, внутреннего языка на том основании, что язык — это по определению система коммуникации, следовательно, вне общества он существовать не может.

Но что бы там Витгенштейн себе не думал, Алиса все больше убеждалась в том, что языком подобных речей может быть только язык частный. Какова структура такого языка? Во всяком случае, это не система непонятных щелчков и похрюкиваний, скорее, это запутанный клубок из слов и понятий, содержание которых невозможно выразить, не говоря уж о том, чтобы понять.

В объективной реальности Эрик вернулся домой, как она и предвидела, выпил на кухне стакан воды, а потом включил телевизор. На экране мелькали образы забастовок в Южной Африке и перестрелок в Северной Ирландии, и Алиса решила, что сегодня вряд ли подходящий вечер для серьезного разговора и лучше перенести его на завтра.

Когда она наконец начала выступление, выяснилось, что голос у нее вовсе не такой уверенный, каким представлялся он ее воображению. Он звучал как-то сдавленно, напряженно, в нем слышалось отчаяние — короче, адвокаты в залах суда говорят совсем не таким голосом. И Эрик оказался не таким покладистым собеседником, каким она его себе рисовала. Она-то рассчитывала, что он терпеливо ее выслушает, все поймет, а затем даст серьезный и взвешенный ответ. Но теперь она с ужасом обнаружила, что прежний ее страх перед подобным разговором был вызван

неосознанной, но от того не менее болезненной уверенностью, что разговор этот ни к чему не приведет.

ОН: Надо что-то делать с покрышками на моей машине.

ОНА: Эрик, мне надо с тобой поговорить.

ОН: В чем дело?

ОНА: Я думаю, ты знаешь.

ОН: Это о покрышках?

Их диалог напомнил абсурдные диалоги из произведений Гарольда Пинтера или Тома Стоппарда: в их пьесах персонажи обречены на взаимонепонимание — один отвечает совсем не на тот вопрос, который только что задал другой, или вдруг продолжает разговор на тему, с которой другой соскочил десять минут назад. (И это даже не непонимание — просто каждый из персонажей существует в своем собственном закрытом мире, центром которого является он сам, и нисколько не беспокоится: а настроен ли собеседник на ту же волну?)

За каждой жалобой стоит оптимистическая вера, что тот, на кого жалуются, способен загладить вину. В жалобах содержится вера в диалог, мысль о том, что хотя один и страдает, другой может — в ретроспекции — осознать, какую обиду он нанес.

Алисины верность искусству жалобы колебалась между двумя фазами — мессианской и аутистической.

### *1. Мессианская фаза*

Пребывая в этой фазе, она верила, что любой конфликт, даже самый серьезный, можно разрешить посредством



диалога. Несогласие — это просто неудача, постигшая одну сторону в попытках понять другую, но стоит усадить обе стороны за стол переговоров и дать им время объяснить, что каждый из них имел в виду, как возникнет неизбежное взаимопонимание.

Когда у Алисы поселилась Сьюзи, обнаружилось, что у последней есть неприятная привычка одним и тем же ножом намазывать и масло, и мед, в результате чего в меде появлялись неприятные белые вкрапления. Причины, по которым это Алису раздражало, были, несомненно, сложными, но еще более трудным ей казалось высказать свое раздражение. Ну как могла Сьюзи осознать всю глубину отчаяния ее соседки при виде этих белых вкраплений, как ей было понять ее молчаливую утреннюю злобу?

И вот однажды Алиса подняла вопрос, робко начав: «Я знаю, это звучит смешно...», и резво продолжила: «Но, может быть, нам оставить один нож специально для меда или джема, а вторым только масло намазывать?»

— Правильно! Отличная идея! — согласилась Сьюзи, даже не подозревая, через какие внутренние муки пришлось пройти Алисе, прежде чем она смогла высказать свое предложение.

Ее отношения с матерью давно имели вид метафорического ножа для масла, сунутого в мед, но впасть с ней в мессианскую фазу Алисе почти никогда не удавалось. Однако поскольку Алиса теперь виделась с матерью редко и ее образ подернулся в воображении ностальгической дымкой, она обрадовалась известию, что мать скоро приедет в Лондон. Она увидела в этом шанс наконец-то отойти от лицемерных стандартов взрослого общения и честно обсудить с ней все те страдания, которые мать причиняла ей в детстве.

## 2. Фаза аутизма

Алиса с матерью ужинали в ресторане в Вондсворте, и после салата и легкой болтовни Алиса перевела разговор на времена давно прошедшие.

— Отец и я всегда были очень заняты. Это вовсе не значит, что мы вас не любили, просто нам не хватало времени, чтобы выразить свою любовь, — объяснила мать.

— Но разве это вопрос времени?

— Ты права. Мы действительно вели себя неправильно. Оглядываясь назад, я понимаю, насколько эгоистичными мы были. Но мы были молоды, мы так спешили получить от жизни все — и детей завести, и карьеру сделать, и деньги заработать. Сейчас вся эта гонка кажется абсолютно бессмысленной. Сейчас, когда я стала сморщенной старой кошелкой.

— Ой, мам, перестань, ты совсем не такая.

— Нет, дорогая, я не что иное, как сморщенная старая кошелка. И ни один хирург-косметолог и ни один чудокрем мне уже больше не помогут.

— Но ты одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо знала.

— Спасибо, дорогая, но в моем возрасте лесть уже не лечит. Я просто смотрю в зеркало и понимаю, что все кончено. Но о чем мы говорили? Ага, о твоём детстве. Я хочу сказать, что сейчас-то я понимаю, что самое главное в моей жизни — это мои дети. Все остальное не имеет значения. Какую воду мы заказали? С газом или без?

— Я могу и газированную.

— А я нет — она ужасно действует на мой желудок.

— Тогда давай попросим принести другую.

— Нет, нет, дорогая, я просто буду пить эту маленькими глоточками.

Алиса вернулась домой в твердом убеждении, что мать по-своему начала осознавать их глубоко захороненные разногласия. Все указывало на то, что ее система ценностей претерпела изменения: дети теперь значили для нее гораздо больше, чем в молодости, когда даже игра в гольф занимала в ее иерархии ценностей более высокое место.

Но почему ж тогда общие знакомые донесли ей, что после этой знаменательной встречи мать прониклась уверенностью, будто у Алисы «что-то вроде нервного срыва»? «Бедная девочка по-прежнему не в ладах с собой: каждый, кто перевалил за двадцать лет и по-прежнему плачет, вспоминая о том, что случилось десять и более лет назад, нуждается в серьезной профессиональной помощи. Я сделала все, чтобы ее успокоить, но она все еще такая ранимая, такая чувствительная».

Ситуации, подобные этой, отбрасывали Алису назад, в фазу аутизма, когда она пребывала в убеждении, что, каким бы продолжительным ни был диалог, сколько ни убеждай, ни моли, ни уговаривай, люди никогда не поймут друг друга. Она могла бы говорить с матерью несколько дней подряд, и ей казалось бы, что мать все понимает и разделяет ее горести, но в конце обнаружилось бы, что и в свои «кошелочные» годы она по-прежнему так же слепа и глуха и так же заиклена на себе, как в молодости. Она просто не понимала каких-то вещей, и гораздо проще принять и оплакать этот факт, чем подвергать себя риску дальнейших разочарований.

Ну а как с Эриком? Поначалу она была более склонна к мессианской, нежели к аутистической фазе, что может показаться странным для человека, который не имел навыков выяснения отношений и который всего лишь лелеял потаенную (кто-нибудь мог бы сказать — мистическую) надежду на то, что Эрик поймет.

Недавно они посмотрели фильм — назидательную историю о человеке, который пренебрегал своей возлюбленной и друзьями, но понял, что таким образом он пытается сбежать от обязательств, и предпринял усилия, чтобы измениться. Хотя фильм был примитивен до безобразия, Алиса украдкой смотрела в темноте на лицо Эрика, силясь понять, заметил ли он те параллели между искусством и жизнью, какие заметила она. Но после окончания сеанса стало понятно, что все ее надежды тщетны. Фильм не только не шокировал его, как это бывает, если в произведении искусства вдруг узнаешь себя, — он дал Эрику комфортное чувство уверенности, что ошибки и проблемы главного героя отстоят от его собственной жизни на миллионы световых лет.

Алиса могла сколько угодно видеть и понимать ошибки Эрика, но если это понимание не совпадало с его восприятием себя, то грош цена ее пониманию. Старая истина: лошадь можно привести к водопою (в кинотеатр), но попробуй-ка заставить ее напиться!

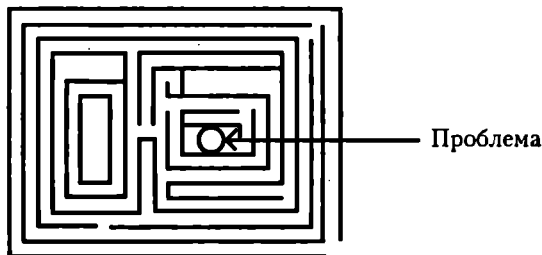
Например, она обратила внимание на то, что Эрик часто считал людей виноватыми в своих неудачах и отказывался принимать во внимание дополнительные факторы. И у нее было на этот счет множество объяснений.

— Ты так суров к себе, что не можешь не быть суровым по отношению к окружающим, — сказала она ему после того, как он уволил очередного из своих подчиненных.

— При чем здесь суровость, Алиса? Просто я не могу работать с людьми, которые легкомысленно относятся к основам администрирования. Понимаю, ты бы хотела объяснить этот факт особенностями моего характера, твоего характера, а также, возможно, национального характера, но, боюсь, все гораздо проще и куда менее интересно.

Алиса могла бы составить достаточно точный психологический портрет Эрика, но какой в этом смысл, если он явно не собирался ничего в себе менять, какими бы поразительными ни были сделанные ею открытия? Все ее соображения были бы для него такими же убедительными и узнаваемыми, как если бы она показала ему схему его ДНК. Мудрые деятели науки могут сколько угодно убеждать человека, что вот эта генная структура принадлежит ему и только ему, но, поскольку человек не может ощутить это на субъективном уровне, он отвечает: «Эта двойная спиралевидная хреновина не имеет ко мне никакого отношения!»

Во всех попытках проанализировать характер Эрика Алиса походила на человека, смотрящего на лабиринт сверху, с борта вертолета: она, в отличие от находящихся на земле, прекрасно различала в путанице его центр.



Но ее решение загадки лабиринта было до обидного бессмысленным. Может, много лет спустя Эрик, лежа в пенной ванне, вдруг и вспомнит, что вот была у него подруга, которая прекрасно разобралась в его характере, но Алиса была не в силах доставить его на воображаемом вертолете в центр воображаемого лабиринта, указать на суть проблемы и услышать в ответ: «Ты абсолютно права». Не пройдя этот путь самостоятельно, не сумев увязать один шаг с другим, не увидев всей картины, он мог бы воскликнуть: «Меня совершенно не интересуют эти твои экскурсии в популярную психологию».

## ОШИБКИ ВОСПРИЯТИЯ

Когда любишь кого-то «с проблемами» (он не отвечает взаимностью, ревнив, бесчувствен, бегаёт за всеми юбками, женат и т. п.), испытываешь вполне объяснимое желание списать эти проблемы на кого-то ещё. Да, проблемы, конечно, существуют, но не в них суть характера любимого, это скорее некая случайность, вроде вросшего ногтя на большом пальце ноги, который можно удалить хирургическим путем. Так, маленькое недоразумение, которое со временем рассосется.

Предположим, ты любишь человека настолько эмоционально отстраненного, что он забывает позвонить в ответ, никогда не демонстрирует своих слабостей и ничем ценным не делится. Ну и что?! Существует масса деталей, в которых влюбленный склонен видеть воплощение характера возлюбленного: чувствительность, которую выдают глаза; то, как однажды он взял тебя за руку на шумной торговой улице; слезы, нечаянно блеснувшие во время просмотра фильма; детские травмы, которые ты так хорошо понимаешь...

Алиса давно пыталась прочесть характер Эрика по косвенным признакам, и некоторые из них ошибочно зачислила в разряд основных. Следуя этому методу айсберга, она, например, заключила на основании одной-двух его шуток, что у него прекрасное чувство юмора, просто оно надежно упрятано в подводной части ледяной горы.

Но теперь возникал вопрос: а были ли так называемые препятствия, не позволявшие ему быть остроумным, чувствительным или добрым, на самом деле препятствиями?

Не были ли они такой же частью его истинного «я», как те привлекательные черты, которые она до сих пор в нем только и замечала?

Видимое всегда дополняется, отчасти даже вытесняется знаемым или желаемым. Мы редко верим тому, что находится прямо перед нашими глазами: прошлый опыт отбрасывает тень на сегодняшние впечатления. Возьмем, к примеру, Алисин путь на работу: она так хорошо его изучила, что редко на нем сосредоточивалась. Порою она прибывала на место, даже не вспомнив, каким образом ей удалось пересечь пол-Лондона. Все, что ей требовалось, — быстрый взгляд на очертания платформы метро: она знала, через сколько остановок ей выходить, в какую сторону движется эскалатор, по какому переходу идти, чтобы не застрять в толпе. Она не собиралась фиксировать взгляд на цвете вагонов, на облаках, проплывающих в лондонском небе, на текстуре ткани окружающих ее чужих пальто. Иногда чарующие и поэтические, эти подробности, тем не менее, были роскошью, непозволительной в пути к месту работы.

Вы хотите сказать, что Алиса была ленивой путешественницей? Но ведь бедность ее восприятия в данном случае объяснялась привычкой. Она видела то, к чему давно привыкла, ее восприятие просто утратило новизну.

Такие визуальные трюки происходят, когда, например, перед глазами читателя оказывается привычный или не очень интересующий его текст: даже когда в нем пропущено какое-то слово, читатель этого не замечает и взор его беспрепятственно устремляется далее. Вот предложение из статьи о положении на Ближнем Востоке, опубликованной в одной из газет:



«Министр иностранных дел заявил, что соглашение может быть достигнуто лишь тогда, когда обе стороны будут готовы к переговорам, и добавил, что остановка кровавой резни в провинции не может быть достигнута одним только вмешательством извне».

Согласитесь — предложение крайне неуклюжее: «может быть достигнуто — не может быть достигнута» но привычный к подобного рода текстам читатель не обращает на это внимания. Он просто выхватывает суть сказанного (и то, если ему она интересна), пропуская некую толику визуальной информации, не имеющей значения.

Происходит это благодаря тому, что на самом деле существует два источника информации:

1. То, как что-то выглядит.
2. То, как мы считаем *или хотим*, чтобы что-то выглядело.

В идеале наше суждение должно основываться на обоих источниках, на балансе между прецедентом и его восприятием. Иллюзия (отрицание существующей реальности в пользу желаемой) наступает тогда, когда мы сосредоточиваемся на втором источнике. Читатель, не обративший внимания на стилистическую неувязку в процитированном тексте, в чем-то похож на Алису, также не замечающую очевидного — но в другом жизненном контексте.

В мае Алису и Эрика пригласили на ужин, на который они прибыли по отдельности — Эрик с работы, Алиса из дома. В результате их усадили на разных концах стола. Ее — рядом с хозяином, а его — между каким-то замороженным

юристом и болтливой дамочкой из агентства по связям с общественностью.

Гости вели оживленные беседы, и в какой-то момент до Алисы донеслось то, что Эрик рассказывал своим соседям по столу.

— Мы прилетели в Гонконг в самый разгар сезона дождей. Самолет трясло ужасно. Нас предупредили, что посадка будет сложной. Когда колеса уже коснулись земли, в иллюминатор не было видно ничего, кроме дождя. Потом самолет сбавил скорость, и нам показалось, что все в порядке. И вдруг мы поняли, что он все не останавливается и не останавливается. Оказалось, самолет промахнулся всю посадочную полосу и остановился у самого берега моря, передние колеса даже увязли в грязи.

— Вы наверняка испугались.

— Да, нам повезло.

Когда человек постоянно находится у нас перед глазами, нам редко удается сформировать о нем новое впечатление. Мы скорее видим в нем подтверждение наших старых представлений, чем что-то новое и необычное. Наше впечатление о человеке формируется в несколько стадий: во время первой встречи, после его долгого отсутствия, в ходе бурной ссоры, после болезни — то есть когда происходит что-то, нарушающее ленивую фотографическую привычку.

Это поразительно, но в какой-то момент Эриковой речи Алиса вдруг увидела его как невероятно ordinary личность. Его манеры уже не казались ей признаком внутренней значительности, да и то, что он говорил, не требовало особого уважения и внимания. И пока хозяин подливал ей в бокал белого вина, а Эрик подкладывал себе на тарелку

еще горошка, она подумала — это было что-то вроде внезапного озарения: «*А ведь он обыкновенный человек*». Она и сама не знала, что эта ее мысль перекликается со знаменитым высказыванием Джорджа Бернарда Шоу о том, что любовь — это всего лишь забавный процесс гиперболизации отличий одного человека от другого.

Эрик не мог не заметить Алисиного охлаждения. Он обратил внимание на слишком частые ленчи с Филипом, и даже когда эти ленчи внезапно прекратились, он видел, что она готова к новым увлечениям. Прежде она не выказывала большого интереса к сборищам и вечеринкам, а тут вдруг на них зачастила, порою ходила на них одна, без Эрика, и потом ей звонили какие-то мужчины, которые прежде не числились у нее в друзьях.

Он мог бы почувствовать и выказать свою ревность, ехидно спрашивая (как это делают некоторые мужчины): «И что такого интересного рассказывал тебе весь вечер этот бас-гитарист?» или «Кто этот Люк, который все время тебе звонит?»

Но Эрик считал ревность одним из самых вульгарных чувств. Ревность дозволительна детям и подросткам, но не взрослым мужчинам, уверенным в занимаемой ими позиции.

Такое отношение к ревности можно считать достойным восхищения, и по крайней мере оно избавило Алису от сцен, характерных для некоторых параноидальных связей. Но его же можно трактовать и как неприкрытое оскорбление, отказ со стороны Эрика защищать свою любовь. Что-бы признать себе в том, что он ревнует, ему бы пришлось признать в двух вещах:

**во-первых:** что он отчаянно любит другое человеческое существо,

**во-вторых:** (и здесь на сцену выступала гордость) что это существо любит его уже не так сильно, как прежде.

И если Алису отнюдь не восхищало отсутствие ревности, то потому, что она приписывала это упрямому отказу Эрика признавать первый пункт, в результате чего, как ни странно, возник пункт второй.

Однако в поведении Эрика наметились некоторые перемены. Алиса почти всегда проводила ночи у него, что было удобно для него, но не так удобно для нее. Это ей в результате таинственной (и молчаливой) конфронтации, в ходе которой каждый из партнеров пробует, на какие крайности он может толкнуть другого, приходилось паковать сумку и уезжать с Эрл-корт. Их телефонная беседа по этому поводу выглядела приблизительно так:

ОНА: Что ты сегодня вечером делаешь?

ОН: Просто сижу дома. А ты?

ОНА: Не знаю. А ты бы хотел чего-нибудь?

ОН: О'кей.

ОНА: Ты приедешь сюда или мне приехать к тебе?

ОН: Что-то я устал сегодня.

ОНА: Правда?

ОН: У меня был тяжелый день.

ОНА: У меня тоже.

ОН: Хм-м...

ОНА: И?

ОН: Что?

ОНА: Тогда, наверное, я к тебе приеду?

ОН: Да, отличная мысль.

В какой-то момент разговора Алиса почувствовала, что, если она не заставит себя поехать к нему, он точно к ней не поедет. Его желание провести вечер вместе было пусть не намного, но все же слабее, чем у нее. Ему было нетрудно

провести вечер без нее, ей это было труднее — и вот именно ей и пришлось совершать усилие. Может быть, если б она не сдалась так легко, если б сказала: «Какого черта! Ну-ка быстро приезжай сюда!», он бы уже через несколько минут стучался в ее дверь. Но сказать так — значило испытать отношения на прочность, а она боялась нарваться на отказ.

Но теперь, когда накал ее влюбленности ослаб, она уже не боялась играть с реакциями Эрика. Теперь, когда возникал подобный вопрос, она уже не бежала к нему, сломя голову, и Эрику пришлось самому познать логику вечерних путешествий. Теперь их телефонные переговоры выглядели приблизительно так:

ОН: Что ты собираешься сегодня вечером делать?

ОНА: Пойду куда-нибудь с Гордоном или Сьюзи. А что?

ОН: А ко мне ты не хочешь приехать?

ОНА: Прости, Эрик, но я что-то совсем измотанная.

ОН: Но мы с самого четверга не виделись.

ОНА: Да.

ОН: Прошло уже много времени.

ОНА: Неужели?

ОН: Слишком много.

Пауза.

ОН: А если я попозже к тебе приеду?

ОНА: Что значит «если»?

ОН: Ну, это будет о'кей?

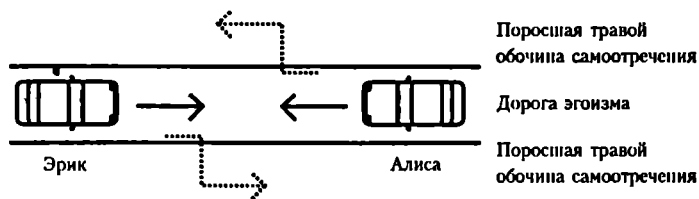
ОНА: Думаю, да, только не приходи раньше одиннадцати — вряд ли мы вернемся из паба до одиннадцати.

Такая конфронтация похожа на игры, которые мы видим в некоторых американских фильмах: как два автомобиля несутся навстречу друг другу по узкой дороге — кто

первый дрогнет и свернет на поросшую травой обочину? Каждый из водителей оценивает, способен ли его или ее соперник вильнуть первым, но если не сворачивает ни один автомобиль, оба водителя погибают.

И хотя они не ставили свои жизни на карту, и Алиса, и Эрик должны были оценивать степень желания противоположной стороны в этой игре, потому что оба рисковали провести ночь в одиночестве. Кто-то должен был свернуть на обочину в попытке избежать столкновения, кто-то должен был оставить свое жилище — и свою гордыню, свои эгоистические желания, — в попытке спасти их союз. И раньше сворачивала на обочину Алиса, потому что она боялась больше. А Эрик пер вперед, поскольку, казалось, он не боялся крушения любви.

Но теперь, когда дело касалось таких телефонных переговоров или вопроса о том, кто сядет в кинотеатре на менее удобное из двух мест, кто пойдет за продуктами или встанет открыть дверь, Алиса стала менее уступчивой, и Эрик это заметил. Пока он один был готов рискнуть любовью, он мог жать на газ. Но когда и Алиса начала играть по его правилам, он понял, что на роль камикадзе не годится: ведь на самом деле он просто хотел избавить себя от усилий за счет усилий подруги.



Говорят, в любых отношениях заложено беспощадное стремление к соблюдению баланса. Взглянем на союз как на математическое уравнение, при котором для его существования от обоих партнеров требуется 40 единиц усилий (здесь обозначенных как X):

$$\text{Алисины } 20X + \text{Эрика } 20X = \text{Отношения на } 40X$$

Число 40X предполагает, что отношения жизнеспособны, но не означает, что каждый из участников вносит равное количество единиц усилий, составляющих требуемую сумму. Только в самых разумных союзах обе стороны вносят по 20 единиц усилий, обычно же одна сторона вносит больше, чем другая. Но как, почему это происходит? Каким образом происходит выбор менее затратной стороны? А самым циничным образом: меньше усилий вносит тот, кто меньше любит. Каждый из партнеров интуитивно взвешивает долю усилий другого и спрашивает: «Какое минимальное усилие я могу приложить? Как далеко я могу подтолкнуть противную сторону и заставить его или ее платить больше, чем я, пока он или она не откажутся и союз не рухнет?»

Эрик, как правило, избегал вносить свою долю, потому что знал: Алиса не поскупится. Если он вносил только 10 единиц, то она доплачивала недостающие тридцать. Если у него не было настроения ехать к ней домой, она мчалась к нему. Если он после спора хмурился и отмалчивался, он мог рассчитывать на то, что она непременно первой с ним заговорит.

Но он не просчитал степени своего нажима. Ее доля в 40X начала медленно снижаться, и вносить недостающие



единицы пришлось ему самому. Сначала этих единиц было не очень много, но затем, по мере роста их инфляции, на его «хрупкие» плечи стал давить все больший и больший груз.

А Алиса становилась все холоднее и холоднее. Наконец Эрик понял, что, если он не внесет в ситуацию 39X, они обязательно расстанутся.

Грустно думать о том, что ты кого-то «перерос» — словно вырос из штанов или из пальто. А ведь все дело в эмоциональном развитии, при котором ты рискуешь обогнать более медлительного партнера. И со временем становится понятно, что первоначальный союзнический пакт требует пересмотра. С переменной Алисиной роли в этом контракте изменилась и роль Эрика, и из прежде обожаемого кумира он превратился в романтического динозавра.

Любовь для Алисы была средством возмещения своей собственной недостаточности; она искала в других те качества, которыми хотела бы, но не могла обладать. Ее эмоциональные потребности напоминали паззл, который нельзя сложить без кусочков, которыми владеет другой. Но очертания незаполненных участков менялись в зависимости от развития ее личности, и то, что могло завершить головоломку, когда ей было пятнадцать, не могло бы уложиться в необходимую картину, когда ей сравнялось бы тридцать. Тому, кто тщетно ждет от партнера заполнения меняющихся контуров, приходится либо просить развода, либо затевать долгие и трудные разговоры.

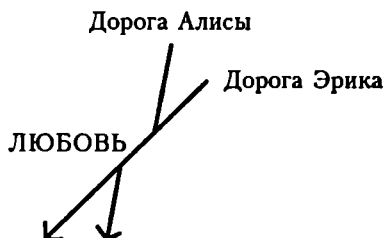
В таблице представлены наиболее характерные примеры из миллионов возможных вариантов заполнения пустот в романтическом паззле.

## *Эволюция романтического паззла*

Возраст	Пространство, требующее заполнения	Мужской ответ
8 лет	Желание найти кого-то, с кем можно лазать по деревьям и зажигать спички, кто мог бы ввести в самую популярную в школе банду.	Искушенный девятилетка по имени Томас, который щеголял в кожаной куртке и ездил на гоночном велике: Они планировали пожениться и завести двенадцать детей. Однажды он разрешил ей посмотреть, как писает в саду.
13—16 лет	Желание узнать что-нибудь о сексе и как целуются; соответствующий страх перед поцелуями и сексом.	Черда прыщавых подростков, тщетно пытающихся на нее вскарабкаться, а потом заваливающих ее любовными письмами со множеством грамматических ошибок (каждую вторую из которых она исправляла).
16 лет	Вагина.	Первый мужчина, который оказался способным лишить ее невинности, — сын родительских друзей, 24-летний выпускник Йеля, который не отличался деликатностью, кончил через пять минут и не отвечал на ее письма после того, как она совершенно естественно и столь же безнадежно в него влюбилась.

- |            |   |   |
|------------|---|---|
| 18 лет     | Желание принимать «расширяющие сознание» наркотики и слушать невнятную музыку в темных подвалах.  | Двадцатилетний студент, помешанный на Германе Гессе и прозванный приятелями «добрым доктором», поскольку у него всегда имелся запас пилюлей и травки. Называл Алису именем индуистской богини плодородия, хотя сам был импотентом.  |
| 19 лет     | Желание улучшить свою сексуальную жизнь и тем самым шокировать предков (ископаемых буржуа, обреченных Марксом на вымирание).  | Ямайский саксофонист по имени Тревор, который утверждал, что переспал с двумя сотнями женщин. Занимался какими-то темными делишками на рынке в Ноттинг-хилле. Доводил ее до экстаза и возвращал обратно, чем до такой степени шокировал ископаемых буржуа, обреченных Марксом на вымирание, что они пригрозили сдать его в полицию. |
| 20–23 года | Поиски интеллектуально превосходящего ее партнера, на уровне ее отца.   | Бородатый профессор биологии из университета; был яростным адептом Дарвиновской теории эволюции и во время оргазма выкрикивал названия ископаемых. На латыни.   |
| 24 года    | Ощущение потерянности в огромном Лондоне, желание найти уверенного в себе, преуспевающего и приятного на вид любовника, который помог бы ей бороться с ее собственной неуверенностью. | Эрик.   |

То, что Алиса любила в Эрике, представляло собою решение паззла, исторически обусловленного данным этапом ее собственного развития. Их отношения напоминали пересечение двух дорог, ведущих к разным пунктам назначения, но на каком-то недолгом (и во многих отношениях приятном) этапе совпадающих.



И чем больше расходились их пути, тем острее становилась боль от сознания того, что на самом деле они двигаются в разных направлениях и их совместимость на каком-то этапе была всего лишь следствием того, что две дороги временно слились в одну.

Все, что бы ни предлагал ей Эрик, больше ее не впечатляло. Знание лондонских ресторанов, элегантная квартира, стабильное положение на социальной лестнице — все это казалось теперь более достижимым, но менее необходимым. Успех в делах? Но теперь ее больше интересовала способность партнера заставлять ее смеяться или удивлять ее своей добротой, чем его карьера. И хотя опыт общения с бородатым биологом научил Алису побаиваться чересчур уж перегруженных интеллектом мужчин, психологическое легкомыслие Эрика оказалось столь же утомительным. Она надеялась найти компаньона, не чуждого размышлениям, но который не стал бы давить на нее

своим интеллектуальным превосходством. Ее самоуважение возросло до такой степени, при которой стало уже невозможно выносить ритуальные унижения, характерные для религиозной любви.

*Продолжение таблицы  
«Эволюция романтического паззла»*

Возраст	Пространство, требующее заполнения	Мужской ответ
25 лет	Потребность в ком-то, кто был бы добрым, но не мягкотелым, забавным, но без вульгарности, занимал- ся бы достойной уважения работой, но не жаждал внешних признаков успеха. Он должен быть умен, но не высокомерен. И он должен быть настоя- щим святым, потому что не станет орать на нее, когда она пытается припарковаться.	

## ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

И вот, перед угрозой неминуемой потери любимой, Эрик наконец впервые это сказал.

Они сидели у него в гостиной. Суббота, время ленча, она пришла, «чтобы все обсудить», в воздухе стоял запах кофе и смерти.

— Я ненадолго, — сказала Алиса. — Мне надо встретиться с кое-какими друзьями.

— Есть хочешь?

— Послушай, Эрик, нет смысла все это затягивать. Все кончено.

И поскольку теперь ее не волновало, что он скажет в ответ, поскольку теперь она высказывала не аргументы, а произносила заключительную речь, голос ее обрел полноту и силу, которой она раньше и вообразить не могла:

— Я всегда вкладывала в наши отношения больше усилий, чем ты. Я не пытаюсь заставить тебя чувствовать вину. Я просто надеюсь, что ты поймешь: то, что случилось, неизбежно, но к этому привел ты сам. Как вспомню о тех долгих мучительных часах, когда я пыталась понять тебя, понять, что тобою движет, что ты думаешь обо мне, что ты думаешь о нас! Все во мне пылало от ярости, и в то же время мне хотелось плакать. Господи, как это было бесполезно! Но я свое уже отплакала. Все позади. Я бы хотела сказать, что мы можем остаться друзьями, — но я помню, как ты говорил, что никогда не общаешься со своими прежними подружками, считаешь это бессмысленной тратой времени. Помню, меня тогда неприятно поразили твои слова, мне они показались слишком жестокими. В общем,

я все сказала, мне пора идти. Ключ я оставляю на столе, а у меня дома, в холле, стоит коробка с некоторыми твоими вещами, можешь забрать их в любое удобное для тебя время.

И тогда они возникли, эти слова, выплыли на середину комнаты, словно мыльные пузыри, с надеждой ловящие лучи полуденного солнца, чтобы потом все-таки лопнуть и упасть влажными капельками.

— Но, Алиса, я люблю тебя.

— Эрик, прошу тебя, перестань. Не делай ситуацию еще более сложной для нас обоих.

— Нет, правда. Я действительно тебя люблю. Почему бы тебе не дать мне еще один шанс?

— А чем я занималась с самого начала, Эрик? Только давала и давала тебе эти чертовы шансы, и знаешь, что ты делал каждый раз? Плевал ими мне в лицо.

— Ну давай еще раз обсудим это, более спокойно. Давай сядем, поедим и поговорим об этом в спокойной обстановке.

— К черту «спокойную обстановку»! Я абсолютно спокойна и уже все сказала.

— Я просто не понимаю!

— Да, с пониманием у тебя всегда были проблемы.

— Но так не должно быть! Если мы просто будем вести себя как двое взрослых людей, мы обязательно все уладим, потому что я хочу, чтобы все уладилось... Потому что я люблю тебя, Алиса.

Сколько надежд возлагается на одно-единственное слово! Люди уверены, что стоит вытащить его из кармана в разгар самого острого кризиса, как все самым волшебным



образом уладится, они обменяются слюнявыми поцелуями и все будет тип-топ.

Позволь осведомиться, почему ты делаешь мою жизнь невыносимой, почему терзаешь мою кредитную карточку, почему пачкаешь мою ванную, превращаешь мою кухню в помойку и играешь в пинг-понг моей головой? А, понимаю. Потому что ты меня любишь. Отлично, теперь я понимаю, прекрасно, продолжай в том же духе, только не забудь, пожалуйста, спалить дом и завести любовника.

Алисины матушка пользовалась этим словом с большим энтузиазмом. «Но, дорогая, ты же знаешь, как я тебя люблю!» — восклицала она, в очередной раз сотворив что-то, что говорило как раз об обратном. Она любила свою дочь и сообщала об этом всему миру, о ее благородном, бескорыстном и уникальном чувстве были осведомлены все — от уборщицы в привокзальном сортире до президента Соединенных Штатов Америки. И если она срывала ее из очередной школы, потому что переезжала на новое место жительства с очередным мужем, если она делала все, чтобы переломать немногие Алисины привязанности, если она систематически разрушала ее уверенность в себе и самоуважение, то разве не было все это чрезвычайно сложными, но глубоко искренними проявлениями любви?

И теперь вот Эрик заявляет, что он ее любит! Да даже месяц назад она бы запрыгала от радости, услышав эти слова, но сейчас ее отношение к ним можно было выразить словами: «*Я слишком страстно надеялась и слишком долго ждала*». Но может быть, его декларация была не более чем рефлексорным движением человека, который вдруг понял, что теперь ему придется спать одному и что рядом не

будет никого, на ком можно было бы сорвать свое дурное настроение?

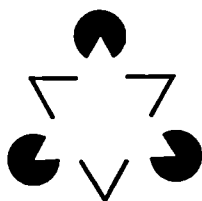
Алисино решение могло быть окончательным, но от этого оно не становилось менее болезненным. Она плакала, сбегая по лестнице, и когда добралась до своей припаркованной в конце улицы машины, разрыдалась по-настоящему. Безудержно. Она приехала домой (естественно, никакой встречи с друзьями у нее на этот день назначено не было) и без сил повалилась на кровать. Ее терзало чувство утраты, перед ее мысленным взором проплывали сцены ее жизни с Эриком — все, буквально все вызывало ассоциации, которые, в свою очередь, вызывали острые приступы боли.

И все-таки она не могла убедить себя, что тоскует именно по Эрику. Она чувствовала утрату объекта любви, который не соответствовал этой любви. Она любила свое представление об Эрике, а Эрик не смог ему соответствовать. Она чувствовала парадоксальную ностальгию по ситуации, которая на самом деле была не чем иным, как благим пожеланием. Она страдала от утраты (и слезы были тому достаточным подтверждением), но, порывшись в памяти, в припадке абсолютной честности с собой не могла привязать эту утрату к Эрику.

Странно, что человек, вызывавший определенные чувства, сам не смог этим чувствам соответствовать. И не был ли Эрик обыкновенным катализатором желания любить, которое было до него и которое его переживает? Ее любовь была адресована к нему, но любила ли она его? Не были ли ее чувства к нему бесплодными обещаниями? Эрик был слишком несостоятельным в эмоциональном плане, чтобы ответить на чувства, которые он вызвал, — он оставался

глухим к спровоцированным им стремлениям, неспособным укротить, усмирить ее желания. Он был похож на глупца, который случайно, помимо своей воли, высказал какую-то очень умную мысль и потому не несет никакой ответственности за то значение, которое придали этой мысли окружающие.

Эта ситуация напоминает оптическую иллюзию, когда благодаря окружающим фигурам перед глазами возникает очертание треугольника, мираж, вызванный к жизни не относящимся к нему окружением, — Эрик был миражом любви, возникшим как проекция возлагавшихся на него надежд.



Вот почему нам необходимо помнить о тонком, но существенном различии между тем, кем человек позволяет нам его считать, и тем, кем он на самом деле является.

— Какая-то часть меня все еще привязана к нему, — говорила Алиса Сьюзи вечером того же дня. — Но я понимаю, что на самом деле тоскую вовсе не по нему. Это какое-то безумие.

— Это любовь, — вздохнула соседка.

## ПРИГЛАШЕНИЕ

К своему одиночеству Алиса относилась так же, как путешественник, вернувшийся из дальних диких краев, относится к самым примитивным удобствам цивилизации. Теперь она могла спать хоть поперек кровати, встречаться с друзьями, которых давно не видела, нырнуть в груды непрочитанных книг и записаться на вечерние курсы итальянского. Она чувствовала в душе мир, который ни за что не променяла бы на эмоциональную бурю взаимоотношений.

Спустя несколько недель она позвала на ужин нескольких университетских друзей, и накануне зашла в супермаркет за провизией. Она катила тележку вдоль ряда с овощами и фруктами и вдруг заметила знакомое лицо.

— О господи, Филип! Привет!

— Привет.

— Что ты здесь делаешь?

— Вообще-то выбираю дыню. Как мне кажется.

— Почему только кажется?

— Потому что они не выглядят достаточно спелыми.

Мне не нравится цвет.

— Ты не прав, они хорошие.

— Неужели? А тебе не кажется, что они несколько бледноватые?

— Нет, они в самый раз, понюхай — и убедишься.

— Я тебе верю, так что возьму, — улыбнулся Филип. — Был рад с тобой повидаться. Давно не виделись. И как у тебя дела?

— О, прекрасно, прекрасно. А у тебя?

— Нормально, по-всякому.

Они еще немного бесцельно поболтали (впрочем, не так уж и бесцельно — к концу Алисе удалосьтаки упомянуть о том, что они с Эриком расстались), а у перекрестка между сырным и хлебным рядами разошлись.

Отсутствие со стороны Филипа каких-либо намеков на недобрые чувства (вполне объяснимые, если вспомнить обстоятельства их последней встречи) напомнило Алисе о ее собственном поведении и пробудило угрызения совести. Ситуация вышла из-под контроля, а она никак не могла ее исправить. Но и встреча в супермаркете несколько месяцев спустя также не могла привести к восстановлению дружеских отношений. Идя домой с покупками, она снова с сожалением думала о том, как это печально — потерять хорошего и доброго друга.

И, естественно, она и предположить не могла, что через несколько дней получит от Филипа открытку: на одной стороне была изображена дыня, а на другой он в письменном виде приглашал ее на ужин. Не могла она ожидать и того восторга и испуга, которое вызвало приглашение.

## МУЧЕНИЧЕСТВО

Филип прибыл в ресторан незадолго до назначенного времени и занял удачно расположенный столик — как раз в центре небольшой итальянской trattoria в глубине Говерстрит. Был вечер пятницы, ресторанчик быстро заполнялся.

Официант (полный гетеросексуальной солидарности) сразу же спросил, не хочет ли он выпить что-нибудь, пока не прибыла мадам, и хотя Филип не отказался бы от простой воды, он все-таки отклонил предложение и попросил принести карту вин.

Через десять минут после назначенного срока он впервые взглянул на часы и подумал о том, что вечером в пятницу на дорогах сплошные пробки, а в газетах писали, что на нескольких линиях метро возникли проблемы с расписанием.

Те же мысли посетили его и десять минут спустя, поскольку Алисы все еще не было, а официанты начали кружить вокруг него словно стервятники, теперь уже пытаясь навязать ему — пока не прибыла мадам — полноценное меню.

Еще через десять минут он уже с трудом подыскивал объяснения: даже самая большая пробка или самый невероятный разрыв между поездами метро не могли нести ответственности за ее опоздание. Пришлось подойти к предложениям более творчески: она перепутала даты. Может, она решила, что имеется в виду следующая, а не эта пятница? А у этого ресторана случайно нет второго помещения? Он приглашал на ужин, а не на обед? В Лондоне, а не в Риме?

Но даже философы не в состоянии ответить на эти вопросы, и поразмышляв над ними несколько минут, Филип

(со всем необходимым для этого героизмом) пришел к выводу, что в любви и на войне все средства хороши и что ему ничего не остается, как встать и уйти.

Официанты, справедливо предвкушавшие щедрый счет за пятничный ужин на два лица, выглядели, понятно, раздосадованными, хотя теперь даже и они стали соображать, что к чему. Но, несмотря на разбитое сердце, желудок Филипа стойчески сигнализировал о том, что его следовало бы наполнить. И поэтому, хотя Филип и чувствовал себя довольно жалким, сидя в одиночестве в центре ресторана, за большим столом, на котором стояли только хлебные палочки и расплавившееся уже масло, хотя в отчаянных взорах окружающих его парочек он читал только одну мысль: «Слава Богу, что я не оказался (оказалась) на его месте!», Филип решил: вместо того, чтобы удирать через окно туалета, он закажет ужин. На одну персону.

Его мужество заслужило восхищение обслуживающего персонала, потому что к его столику, вскоре после того, как принесли первое блюдо, подошел старший официант и вплоть до подачи счета тешил его разговорами о страданиях, которым подвергла его любимая, — совсем недавно завершилась его собственная романтическая попытка в руках молодой особы, которая работала в гардеробной и избавляла посетителей от их пальто и плащей: она видела свое жизненное предназначение в избавлении бедного старшего официанта от всей немногой принадлежавшей ему собственности.

И только дойдя до дома, Филип начал чувствовать гнев, который он должен был почувствовать гораздо раньше.

«Ну и сука!» — пробормотал он, вспоминая о том, что ему пришлось пережить в ресторане, но ему пришлось

сдерживать ярость, потому что он заметил, что у дверей кто-то мается.

— Послушай, Филип, прости меня, мне так стыдно. Ты меня ждал?

— Нет, я всегда так одеваюсь, когда в одиночку ужинаю в ресторанах.

— Извини, я пыталась, но...

— В метро была авария?

— Нет.

— Ты решила, что трамвай «Верде» находится в Милане?

— Нет, я пыталась оставить сообщение.

— Я знаю, это очень трудно — оставить сообщение. Практически невозможно.

— Но я сегодня была очень занята.

— Конечно.

— Сегодня было совещание по продажам, а потом...

— И долго ты собираешься вешать мне на уши всю эту лапшу?

— Какую лапшу? А... Прости, я хотела прийти, но в то же самое время...

Филип не стремился прервать повисшую паузу.

— Ну скажи что-нибудь, Филип. Скажи, что ты на меня зол. Не стой просто так, кричи на меня, вопи, сделай что-нибудь...

— Я не собираюсь на тебя кричать, я просто хочу спросить: ты собираешься быть со мной честной?

— Насчет чего?

— Насчет всего. Почему ты так себя со мной ведешь, в чем цель твоей игры, Алиса?

— Здесь нет никакой игры. Я ненавижу игры.



— Извини, я забыл. Для человека, который ненавидит игры, у тебя очень все здорово получается.

— Прости, я больше ничего не понимаю. В себе. Ты имеешь полное право на меня злиться.

Филип достал из кармана ключ и открыл дверь подъезда.

— Я собираюсь лечь спать.

— Послушай, я не могу позволить, чтоб все вот так и осталось. Могу я зайти к тебе, всего на пять минут?

— Зачем?

— Ну пожалуйста!

— Зачем?

— Филип, пожалуйста!

— Хорошо, но только на пять минут.

В полнейшей тишине они поднялись по узкой лестнице и вошли в гостиную.

— Я собираюсь выпить чаю. Ты хочешь? — сурово спросил он.

— Нет, спасибо.

Она стала у входа в кухню, и они оба молча наблюдали за тем, как закипает чайник.

Основной чертой Алисиного представления о себе была уверенность в том, что она — эмоционально щедрый человек, способный рискнуть всем ради любимого. И если другие отказывались от обязательств во имя зрелого чувства самосохранения, она видела в любви арену жертвоприношений.

Поэтому она просто поразительно умело выбирала в качестве объектов привязанности мужчин, не способных или не желающих участвовать в настоящем диалоге. Она могла жаждать раствориться в любимом, но ее выбор партнеров никогда не давал ей такой возможности. Она возмущалась

их эмоциональной слепотой, она плакала в жилетку друзьям, а в одиночестве впадала в отчаяние от бесконечной жестокости, с которой ей приходилось сталкиваться, но с потрясающим упрямством отказывалась выбирать более подходящих кандидатов. Друзья начали подозревать в ней тайную привязанность именно к таким субъектам, на которых она потом жаловалась, тайную привязанность к самому процессу отчаяния, что делало любые альтернативные предложения нелепыми.

Какими бы возмутительными все эти субъекты ни были, они давали возможность осуществить неоднократно выраженные, но проблематичные желания. Они воплощали собою классическую форму компромисса, позволяя ей любить без риска встретить ответную любовь; они лишали ее радости, но что более важно, страха быть понятой.

И хотя у некоторых людей ее эмоциональная жертвенность вызывала сочувствие, в глазах других все эти ее трудности могли вызвать и иное, более скептическое отношение. В конце концов, разве это уж такое самоотречение — любить без надежды быть любимой? И разве это проявление щедрости — навязывать дары тем, кто, как тебе хорошо известно, никогда их не примет?

Разве не готова была Алиса отдать Эрику все? И разве она не уверяла, что он отвергал все, что бы она ни делала, что бы она ни отдавала? Но разве она не выбрала его именно потому, что он позволял ей с удовольствием думать о себе как о человеке, который способен на *ненужную щедрость*?

Именно поэтому Филипп представлял собой проблему: он был склонен к эмоциональной честности, и Алиса давно почувствовала, что с ним уклад отношений должен быть

совершенно иным. Здесь не может быть и намека на религиозное обожание, это человек, желающий и давать, и получать, — приятная перспектива, но только для того, для кого ненасильственный обмен эмоциями не представляет практической трудности.

— Я все испортила, — пробормотала Алиса.

— Что ты сказала?

— Ничего.

— Нет, ты что-то сказала.

— Не сказала.

— Сказала.

— Это не важно.

— Так что ты сказала?

— Ну, только что я сама все испортила.

Последовала очередная пауза, а затем Филип произнес (его слова заглушил свисток чайника):

— Оба мы идиоты.

— Что?

— Я сказал, что мы оба идиоты.

— Здесь только одна идиотка — я.

И два идиота улыбнулись друг другу.

— Я принял решение никогда больше с тобой не разговаривать и сам же его нарушил, — сообщил Филип.

— Почему?

— Ты хочешь, чтобы я замолчал?

— Нет, конечно нет. Я с самого начала была такой стервой! В тот раз у тебя дома, и сегодня, и вообще. И, самое ужасное, я сама не понимаю почему.

— Значит, ты можешь быть абсолютно уверена, что у меня нет никаких причин хорошо к тебе относиться?

— Наверное.

— Странно, но твои попытки не срабатывают. Я не могу на тебя даже злиться. Я планировал, что все это будет совсем по-другому, но вот сейчас стою и разговариваю с тобой как ни в чем не бывало.

Алиса слишком нравилась Филипу, чтобы долго на нее дуться, и хотя он понимал все выгоды, которые сулила ему ярко выраженная обида и негодование, он поставил на честность. Он хотел, чтобы у них с Алисой все было по-настоящему, и ради этого он был готов даже перестать притворяться, будто он совсем даже ею не интересуется.

— Ты слышала анекдот про садиста и мазохиста? — спросил он.

— Не помню.

— Мазохист умоляет садиста: «Ударь меня!», а садист отвечает: «Нет». Так вот я собираюсь сказать «нет».

— Ох...

Они снова улыбнулись.

— Не понимаю, что ты во мне нашел, — сказала она.

— Человека, который задает такие вопросы.

— Перестань.

Алиса спрятала кулачки в рукавах пуловера, поднесла их ко рту. Филип некоторое время наблюдал за ней, потом взял ее руку, раскрыл кулачок, провел пальцем по запястью, просунул его глубже в рукав, погладил выступающие на запястье вены.

Она подняла лицо и взглянула на него — исподлобья, смущенно, нежно.

— Я просто дура, невротичка. Ты наверняка считаешь меня странной.

Филип откинул с ее лица прядь волос.

- Нет, не считаю.
- Перестань, конечно же, считаешь.
- Хорошо, может, и считаю, но быть странной — нормально, это даже интересно.
- Можно мне тебя поцеловать? — спросила она.
- Можно, но только если ты разрешишь мне потом поцеловать тебя.

**Ален де БОТТОН**  
**Динамика романтизма**

Перевод *Н. Рудницкой*

Редактор *Е. Толстая*  
Технический редактор *Е. Степаненко*  
Корректоры *Е. Введенская, Т. Зенова, Е. Ладикова-Роева*  
Оригинал-макет и художественное оформление  
*дизайн-студия «Закон Жанра»*

ЛР № 1027709023759 от 22.11.02.  
Подписано в печать 17.05.2004 г. Формат 84х108/32.  
Печать высокая. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,32.  
Тираж 5000 экз. Заказ № 0406870.

Издательство «СОФИЯ»,  
04119, Украина, Киев-119, ул. Белорусская, 36-а

ООО Издательский дом «София»,  
109028, Россия, Москва, ул. Воронцово поле, 15/38, стр. 9

Отделы оптовой реализации издательства «София»  
в Киеве: (044) 230-27-32, 230-27-34  
в Москве: (095) 261-80-19, 105-34-28  
в Санкт-Петербурге: (812) 327-72-37

Книга — почтой  
в России: тел.: (095) 476-32-52  
e-mail: kniga@sophia.ru  
в Украине: тел.: (044) 513-51-92; 01030, Киев, а/я 41  
e-mail: postbook@sophia.kiev.ua  
<http://www.sophia.kiev.ua>

Отпечатано в полном соответствии  
с качеством предоставленного оригинал-макета  
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»  
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.



***skan Larisa\_F***



